

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года

учредитель
и издатель:

ОАО
«Тюменский издательский дом»

Редактор
Леонид ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 2 (46)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
А.Н. ДВИЗОВ
Н.И. КОНЯЕВ
В.Е. КОПЫЛОВ
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
М.А. ФЕДОСЕЕНКОВ
А.П. ЯРКОВ



Тюмень
2016

Содержание

ПРОЗА

Валерий СТРАХОВ	Время собирать... Литературная версия.....7
Ольга ОЖГИБЕСОВА	Бумеранг. Повесть.....75

ПОЭЗИЯ

Александр РАХВАЛОВ (3), Эвилина РИЗЕПОВА (71),
Сергей ДЮКАЛОВ (138), Андрей РАСТОРГУЕВ (168),
Андрей ШАЦКОВ (169)

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА	Тюмень заповедная.....142
----------------	---------------------------

КРАЕВЕДЕНИЕ

Майя СМИРНОВА,	1963-1964 гг.: два партийных штаба,
Марина КОМГОРТ	или Тюменский вариант «двоевластия»...145
Сергей СЕДЫХ	Густав Борисович Беренс.....154
Анатолий ЗВЕЗДИН,	Как сын крестьянский Иван пол-Европы
Александр ЯРКОВ	прошагал.....162

У НАС В ГОСТЯХ

Надымское литературное объединение (НЛО)

Людмила ЕФРЕМОВА	Посадка в Надыме... ..173
Фёдор ВАСИН	Рассказы.....177

Алевтина СЕРЖАНТОВА (183), Людмила ЕФРЕМОВА (185),
Вера ЧУБОВА (189), Вита ЧЕТВЕРИК (192)

Литературная хроника195
Коротко об авторах197

ПОЭЗИЯ

Александр РАХВАЛОВ

ЖИВЁМ БЕЗ СТРАХА И ОГЛЯДКИ...

Лирика разных лет

Проходящие поезда

С непонятною боязнью	Сумасшедшая станция,
Выхожу иногда	Все бегут, матерясь.
К проходящему поезду...	Будто эвакуация
Но куда он? Куда?	На земле началась.

Вовсе глаз мне не радуют	И за дымкой суровою
Водка, килька и хлеб.	Катят вдаль поезда
Разрывается надвое	И грохочут подковою:
Государственный герб.	Не туда, не туда...

Тюремный замок

Не гулкая медь в Абалаке,
не бред сумасшедшего дня –
сторожевые собаки
срывают с постели меня!

Хоть старую «гвардию» в Харпе
уже не достать никому,
но память о каждом этапе
заполнила эту тюрьму.

Забиться? Ну, это уж слишком,
когда еще стонут во рвах...
Не зря вертухай на вышках
оскалились, как на колах.

Мы все – по тюремной запретке –
отрезаны от живых.
Века, как железные клетки,
застыли на лапах кривых.

И травят меня, точно зайца,
не зная, что с этой страной...
Разрыв между нами
в два пальца –
меж родиною и мной.

Чужая мать
(На Ярославском вокзале)

«...Я вам верну, я отпишу,
не милостыню же прошу», –
металась женщина по залу,
простоволоса, без платка.
И видно было, как устала,
и что сама издалека.

А мимо, сбившись в косяки,
текли разбухшие мешки
к своим тяжелым поездам.
«Я вам верну, я вам отдам...»

И жажда мучила людей,
Торчащих из очередей.
Но нет, не вышел ни один
лицом – как дочь,
душой – как сын.

До них еще ей, как до рая –
то ли в Тюмень, то ли в Читу.
То дочь пропишет:

«Мам, рожаю...»
То сын торопит:
«Мама, жду...»
И едет, путая вагоны,
а пересадки там и тут,
словно исход от бед и смут...
Возьми билет, зажми в ладони.
Теперь не многих дети ждут.

И поезд тащится сквозь сумрак
к какой-то станции-свече.
И пассажиры среди сумок
дремали, будто на бахче.
Иные в тамбуре курили,
и я курил, себе не рад.
И тридцать лет меня давили,
как сорок или пятьдесят.
И все казалось – на вокзалах,
будто опавшая листва,
страна до омертвенья сжалась,
до отрицания родства.

Соборная колокольня

Светлане Соловьевой

Холм в снегу,
София, будто в воске.
Тишина у Вечного огня.
Четверть века, прожитых в Тобольске,
попросту состарили меня.

Говорю совсем не об осанке,
блеске глаз – все это ерунда!
Кажется, что я в тюремном замке
много лет томился без суда.

Как мне совместить с презреньем к лоску
и в душе не сгинувшей своей
красоту окрестностей Тобольска
и далеких от нее людей?

Уезжая, плачу от бессилья,
но душа болит не о крестах –
снится и зовет меня София
с колокольным звоном на устах.

На круги своя

Живем без страха и оглядки, Но психология погрома
Бытуем, проще говоря. не суть явлений роковых,
Забыты старые порядки если судить о миллионах
И сталинские лагеря. еще свободных и живых.

Возвращение

Возвращайся к матери родной.
Да кому ты нужен? Ей одной.
Поднимала сына без отца...
Что ты, как заблудшая овца.

Будет без числа великих трасс,
а в друзьях – подушка да матрас,
да стальная плеть поверх болот...

Скажет он, надменно и сурово:
«Мне иная доля не нужна,
если я – отрезанный ломоть.
Даже мать не мать,
и грош цена
слабому родительскому слову».

Ничего. Все кончится добром.
Завершится этот долгий праздник.
Все еще прояснит за окном
до лихих попуток и оказий.

Прощание

Сестре Наде

Я тоскую,
болею по детству
не по раннему – по всему.
Мало ль что мне давно не по сердцу!..
Ты тоскуешь по своему?

Пусть не каждый его принимает,
отупевши от мысли благой,
и кричит на него,
и пинает,
как собаку, тяжелой ногой –
за какую-то давнюю бурю,
за холодную грязь в башмаках...
Я умою его и обую, накормлю,
усыплю на руках.

Пусть смеется и плачет спросонок.
Разве ставят такому в вину,
что оно, как капризный ребенок...
Я такой же,

такой же ребенок:
не надумаюсь, так не засну!

И мечтаю,
мечтаю,
мечтаю...

Над свечою сожгу коробок...
До сих пор я никак не смотаю
эту долгую память в клубок.

А она вдруг,
насквозь промерзая,
зазвенит, как морошка, во рту,
не горча, не сластя и не тая,
не теряя свою чистоту!

Я тебе говорил на вокзале,
что от злобы себя береги...
И прости тех, что в душу влезали,
как влезают в большие долги.

Свидание

К картине Маковского

В комнате, где полумгла,
будто в церковном притворе:
нет ни свечей, ни тепла –
кроме притихшего горя.

Сотни иных повестей
двух этих строчек не стоят:
матери кормят детей,
будто животные, стоя.

Даже отчаянный туз
думает: что же я плачу?..
Давит, наверное, груз:
мать принесла передачу!

Чем я тебе помогу,
молча кормящая сына?
Даже обнять не могу...
В нем же – меня половина.

Под фонограмму

Не люблю поэзию без риска,
хоть она милей, чем болтовня
о домашних склоках, о прописке
в городах, где барствует родня.

Говорим о том, что слов не стоит,
будто уж давно в раю живем.
До сих пор у рыночных построек
инвалидам, нищим подаем.

И они, раскатывая глотку,
как кликуши истые, взахлеб
требуют:

– Родимые, на водку!

И ни разу:

– Милые, на хлеб!

Может быть, от этаких подачек
даже хлеб противен старику.
Разве он спроста стоит и плачет,
прислонившись к грязному ларьку?

Вот куда поэзию не бросят,
хоть она сама давно не та...
Бедствуют. Воруя. Плачут. Просят...
Господи, какая нищета!

От нее не отобьешься в храме,
где просторно всякому греху,
и с утра поет под фонограмму
хор немых, что спрятан наверху.

ПРОЗА

Валерий СТРАХОВ

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ...

Литературная версия

Я долго не решался взяться за столь неоднозначную, серьёзную тему. Всё казалось, даже попытка подступа к ней будет выглядеть творческой наглостью провинциального невежды. Дремучему человеку кажется, будто он знает всё, он судит обо всём. Судит безапелляционно и бестолково. Не уподобиться бы!

Журналистская судьба да и простая человеческая жизнь заводила меня в глубокие асбестовые карьеры и шахты, на пшеничные поля родного Приишимья, в охотничьи и карасёвые уголья с кострами, ухой и ночёвками. Но всё это не тот опыт. Он мой, он личностен, а тут желательна пусть и неглубокое, детальное, весьма эпизодическое, но правдивое и честное проникновение в суть чужой, весьма сложной натуры, олицетворяющей уже прошлую эпоху. И не только олицетворяющую, а и сделавшую, создавшую ту самую эпоху.

Сродни Наполеону он был одинок среди людей, хотя служил их интересам. С одной стороны – он, с другой – весь мир. В нём всё было тайной. Его «иная» душа не только устрашала, отталкивала людей, но и притягивала, внушала то любовь, то ненависть. Тайна его помыслов, без сомнения, не в официальных постановлениях, решениях пленумов и съездов – они лишь форма выражения, не содержание. Испытывающий взгляд истории вряд ли осветит всю его тайну до конца даже со временем. Мы ведь и собственных душ не знаем, не только чужих, и к тому же столь загадочных и закрытых.

Книжные полки с историческими томами навели меня на мысль, что большинство этих томов написаны отнюдь не современниками и участниками давних событий. В. Ян в железных латах не тонул в полыньях Ледового побоища, а Э. Радзинский не мог пожать руку императору Наполеону... Жюль Верн, сидя в кабинете, «летал» в пушечном ядре с Земли на Луну, вполне правдиво описав ощущения современного космического полёта... Воображение – это такое таинственное, мистическое вооружение человека, которое способно проникать и в прошлое, и в будущее.

У меня к тому же перед большинством прежних авторов есть большое преимущество: я живу в век высокой информатизации. К моим услугам вездесущий Интернет, телевидение, богатые архивы. Присматривайся, лови, мотай на ус... А тема? Тема не отжила, тема болит во многих душах, и в моей – тоже. Сколько бы о ней ни писали. Карандаш от долгого пользования тупится, а она только заостряется. Присущи ли суровым жрецам, приносящим жертвы, наши понятия добра и зла, или у них свои, нам недоступные измерения? Вечные вопросы...

И вот примерно как-то так объяснив свою творческую наглость я «макнул перо в чернила». Лазейку к некоторой вольности и необязательности всё же оставил: «литературная версия». Не историческая повесть, не документальная публицистика, а какой-то непринятый, не существующий в литературе жанр, допускающий, в моём понятии, необходимые творческие

вольности, но, тем не менее, не допускающий отступления от истины. Фрагменты, одни фрагменты... Мозаика без границ и багета. Да и есть ли такие багеты, чтобы вместить в них все оттенки любой человеческой судьбы?

* * *

*«Врёте, подлецы: он мал и мерзок –
Не так, как вы, – иначе!»*

(А. Пушкин)

1.

– Вы что, Емельян Пугачёв?

Этот жандармский офицер явно не воплощал в облике величия империи. Он был по-гимназически худ, невысок, то и дело вскакивал со стула, стучаясь эфесом большой сабли о столешницу обширного дубового стола. Рядом с чугунным письменным прибором на зелёном сукне расплылись чернильные пятнышки, лежали листы бумаги. Эта большая сабля, обширный стол, просторный, неудобный кабинет со стенами, крашенными масляной краской, как-то не соответствовали изяществу их хозяина. Один только раз жандарм взглянул на введённого Мишу Виталья быстро и пристально, будто мигнул магнием над «гармошкой» салонного фотоаппарата, а потом весь допрос в его чёрных, беззаботно-круглых глазах было больше насмешливого, искристого озорства, чем пристального внимания.

– В очках революцию делать нельзя, – уверенно сказал офицер.

– Почему же? Очки революционерам не мешают... – возразил Виталь. Жилы на сухой шее вызывающе набрякли. Так жилы выступают обычно в старости, а у него выступали с детства.

Жандарм скворчком отлетел к лакированной балюстраде, огородившей стол, хмыкнул:

– Вы даже не знаете, что такое «Басманные мешки» ...

Миша Виталь действительно не слышал про такие «мешки», но спрашивать не стал, много для жандарма чести. Офицер понял его молчание, без усмешки пояснил сам:

– Это, сударь мой, абсолютно тёмные камеры, совсем без лампочек, без окошка, без лучиков. Через недельку-другую выведут Вас на волю в солнечный денёк, а с таким-то зрением ослепнуть совсем можно, как лошадь слепнет после шахты. В очках революцию делать себе вреднее.

Рачительные хозяйки в известь добавляют порошок синьки, тогда стены красивее. Цветом такой извести была и седина, с синим отливом, казавшаяся чужеродной на аккуратной головке офицера. Лицо с живинкой, приятное и без морщин, а седина сплошная, без тёмных мазков... Такое часто бывает у людей, переживших что-нибудь смертельное и лихое.

– Не пугайте. Пуганый... – разжал тонкие губы Виталь.

Но жандарм по его гордо вскинутому, тонкому подбородку с интеллигентской бородкой, по вызывающему разлёту бровей, рыжим, каким-то будоарным, кудряшкам над ушами видел, что не пуган. Не представляет, как и сколько платят за героизм. Всякие тут сидели на табуретке перед столом... Насмотрелся.

– Вот зачем Вам это нужно? Баррикады, оружие, смута... Ваш отец – состоятельный, кошерный еврей, учились бы делать масло, помогали ему.

Отец Миши Виталья был богат. Одно из его трёх поместий располагалось далеко от Петербурга, в Западной Сибири. Только там, на солонцовых почвах между ковыльными акмолинскими степями и потянувшейся к

Ледовитому океану тайгой, меж лесостепного белоствольного березняка, выростали травы с богатым содержанием минеральных веществ, необходимых для получения качественного, со сладинкой и лесным запахом, коровьего масла. Из кирпичных сводчатых подвалов этого поместья масло часто поступало не только в Зимний, но и за границу – на раззолоченные столы европейских королевских дворов. Поставщик «Ея Величества». Одна из ближайших к поместью железнодорожных станций так и называлась – Витальевская. Телеги с маслом и возницами часто оживляли перрон.

Миша молчал. Жандарм опять подлетел к столу, наклонился к допрашиваемому:

– Нельзя в вашем положении играть. Вы даже не листовки печатали, а с оружием и террором связались, за такое не милуют, богат, не богат... Вас ведь финская полиция не куда-нибудь этапировала, а к нам, в заграничный отдел политического сыска, это серьёзно. – И не мрачно, с озорным нажимом, между прочим: – В Новой Шотландии с кем встречался?

«Зарубежные связи ему нужны в первую очередь, источники финансирования», – догадался сын «миллионщика»-маслодела.

– Своих мы тут сами найдём... А кому Россия за рубежом негодна, каким кагалам? – Прочитал его мысли офицер. – Ну?

Неделю назад, когда на скалистых склонах абовских шхер белым горошком цвели маленькие бутончики ландышей и запахла ожившая сирень, грузовой пароход «Конрад-1» сел на прибрежные скалы. Большой рубленый из сосен чухонский дом с мансардой и длинной деревянной лестницей, спускающейся до привязанных внизу лодок, возвышался над мачтами застрявшего парохода. Синь холодной воды. Камень базальтовым, твёрдым выступом вспорол не только подводную часть, но и борт выше ватерлинии. Из расщеплённого ящика слезой сиротинки на паперти капнул в лёгкие волны через пробойну одинокий револьвер. Потом они стали выпадать десятками и поднимали фонтанчики в шхерах, как в кипятке.

– Запчасти-то с патронами, – сказал в кают-компании каргомейт (грузовой помощник), подписавший коносамент. По документам груз, упакованный в ящики (пятнадцать единиц), проходил как запчасти к зерновым молотилкам.

– Что же Вы, Фёдор Петрович, смотрели? Теперь будет... – укорил помощника капитан.

– Упаковки принял по инструкции... Не вскрывать же. Тысячи тонн разного груза на борту... Дело таможи. – Формальной вины не было, но каргомейт понимал всю серьёзность положения: когда дело касается государственных устоев, все ответственные... Для «сидоровой козы» всегда найдётся погоняльщик с прутком. Наверняка и визу закроют, и заграничный паспорт заберут, ещё и как штурмана дисквалифицируют...

Работай потом на каботажном буксире уборщиком...

А в необихоженном, казённом кабинете жандармского офицера Миша Виталь вспомнил соусные пятна на атласной жилетке сидящего напротив человека. Шёл прохладный надоедливый дождь. В порту грузчики, чтобы не замочить груз, в основном муку, опять закрывали лючинами глубокие и вместительные трюмы грузовых пароходов. Обвисли и не трепещутся на фалах отсыревшие флаги разных стран...

– Вы были членом Бунда? – человек поставил недопитую кружку светлого хмелевого эля. В пресыщенных, бутылочно-зелёного цвета глазах не отразилось никакого интереса. Толстые пальцы с небрежностью человека, глубоко презревшего условности, катали по скатёрке хлебный мякиш. В

небольшом стаканчике белели жареные фисташки, стояла тарелка с отваренными креветками.

– Я не успел. Ещё в 1906 году «Еврейский рабочий союз» (Бунд) вошёл в состав РСДРП, – не без брезгливости Виталь сколупнул лёгкий панцирь с ножками, похожими на ворсинки, сунул креветку в рот.

– Что, непривычны к морепродуктам? – насмешливо разлепил толстые влажные губы незнакомец, назвавший во время встречи незамысловатый пароль: «Вы сделали заказ?» – и не стал дожидаться ответа, сел рядом. Столь уверен был в себе и своей неуязвимости.

– В России такая еда не принята.

– Ну, так пробуйте, пробуйте... – человек откинулся грузным телом на кажущуюся хрупкой под его оплывшей спиной плетённую из орешника спинку стула, вытащил из кармана клетчатого пиджака гаванскую сигару, запашистую даже без дыма. – Это ж надо столь изодраться и назвать еврейский союз рабочим... Евреи все – рудокопы. Пролетарии-скрипачи...

Он довольно хохотнул, словно шевельнул палкой сырые щепки, срезал миниатюрной «гильотиной» кончик сигары, стал искать по карманам зажигалку. Зажигалка оказалась золотой, с бизоном в прериях, выдавленном на боковушке.

– Вы знаете, в чём основное преимущество монархии? – незнакомец сочно пошлёпал олицетворяющими беспринципную алчность толстыми губами, раскурил сигару.

Виталь неопределённо пожал плечами.

– Монарх – это хозяин. У него есть глубокое ощущение собственника своей империи. Он – не нанятый или выбранный на должность временщик. Землю, недра, народ он считает своими. У него ничего не возьмёшь за просто так, – не стал ждать и настаивать на ответе неопрятный толстяк.

– Но можно взаимовыгодно торговать, – запил креветку элем Виталь. Ему казалось, что даже оторванными и кинутыми на тарелку ножками она цепляется и царапает гортань. Петербургские студенты брезговали морепродуктами, относя мидий, креветок и всяких там осьминогов к одному несъедобному разряду «водных таракашек».

– Нам Вас рекомендовали, как зрелого борца, – с некоторой укоризной заметил незнакомец, – Купить – значит, разделить выгоду, быть на равных. Наша задача другая, мы дадим России пустые идеи, а возьмём золото и власть. Гоям достаточно постного супа...

Подошёл бармен с чёрной косичкой, наверное, из числа ассимилировавшихся индейцев, маленький, скуластый, в белом, как у русских стряпух, фартучке, убрал со стола пустую чашечку из-под фисташек, смахнул полотенцем очистки креветок на поднос. Толстяк подождал, пока он уйдёт на мойку:

– Русский царь благочестив по-христиански. Он слишком чист, чтобы сдерживать коварство и ложь... Политика не всегда делается в белых перчатках. Воспользуемся тем, что эта аксиома недоступна пониманию его простолудинов. Чем заманчивее обещание, тем они охотнее поверят. Даже, если и поймут, что равенство на земле не предусмотрено самой природой, уж не останутся... А время столыпинских реформ и «галстуков», слава Иегове, и на наше счастье, после выстрела Багрова в Киеве кончилось. Запомни, Мош, что теперь нам нужно время хаоса. Не важно в руки бомбистов какой политической партии попадёт оружие, нужен хаос.

Виталь понял, что незнакомец знает его имя. Однопартийцы осведомили, не иначе... С ним играют в одни ворота. За окном прошла полупустая и

громоздкая конка о четырёх лошадях, предупреждая звонким колокольчиком редких пешеходов на рельсах впереди.

– Ваше дело – пронаблюдать за доставкой оружия в Або и получением груза нужными людьми, хлопот-то... Эта услуга будет Вас вести всю жизнь. Услуг мы не забываем... – толстяк неожиданно и поспешно оторвал рыхлую подушку зада от стула и не прощаясь пошёл на выход к застекленной двери...

Единственный пассажир «Конрада-1» не мог не попасть под подозрение. И напрасно Виталь говорил про свою страсть к познавательным путешествиям, про немногочисленность морских пассажирских линий, ограничивающихся рейсами Петербург – Рига – Копенгаген, про стоимость билетов на пассажирских лайнерах и грузовых пароходах.

– Платишь меньше, а каюта так же – отдельная... – утверждал он и сам понимал, что ему, сыну маслодела, не верят... Ни в финской полиции, ни в петербургской жандармерии наивных не оказалось.

«Откуда же он знает про встречу?» – взволновался Виталь.

– А я вам скажу... – Будто по покрасневшим от напряжения мочкам ушей опять угадал жандарм его мысли. – Сеть оплачиваемых фискалов есть как за рубежом, так и на самих судах Добровольческого Торгового общества. Информация – основа сыска, только и всего.

Он был демоном и провидцем, этот маленький седой офицерик в голубом кукольном мундире. Гордый подбородок Виталя опустился к груди, стал похож на острый размякший пирожок. Выступившие капли пота, похожие на жир, усиливали эту схожесть.

– Я не знаю, кто он, – ответил Виталь.

– А мы Вам поможем, – жандарм выложил из папки на стол десяток фотографий. Некоторые были вырезаны из газет, некоторые в лабораториях были отпечатаны с галогеносеребряных пластин на плотную бумагу. Наряду с художественными выставками, фотосалонами и мировой сыск приспособил изобретение англичанина Толбота под свои задачи и интересы, особенно в области учёта и наблюдения. На одной из фотографий Виталь узнал запомнившиеся, слегка выпученные глаза незнакомца, отвернулся, неохотно ткнул пальцем:

– Вот этот...

Жандарм, не выказывая внутреннего торжества, взял фотографию, выскочил куда-то в коридор, и через приоткрытую дверь Миша Виталь услышал, как он сказал кому-то:

– Похоже, сам Парвус...

– Ого, в его банках денег не только на боевую группу хватит, а на всю революцию. Сподобились чести...

И кто-то с досадой плюнул.

2.

Хорошим женихом был бы для низменных, спокойных речек, Оби и Волги, столь же многоводный, глубокий, как они, Енисей, да шумлив, буйнист – в матерей своих Хакема и Бикема, пробивающихся через теснины Хантайского хребта у самой монгольской границы. С характером получился сынок. Перепоясал богатырь горы, тайгу, тундру голубым кушаком, резвится баржами, как циркач гирями, швыряет их на страшный порог Осиновский. С береговых скал летят холодные водопады. Пугают пеной водовороты. В узком ущелье мрачно, сыро. Караван сначала потянет на каменистый остров, а потом пронесёт мимо. Опытный шкипер опять передаст штурвал рулевому:

– Управляйся теперь, проскочили...

И только теперь, без штурвала, он даст волю, разгладит бороду и почувствует, как трясутся руки. Гибель миновали.

После Осиновского Енисей разливается так, что человека разбивает душевный паралич. С одного борта глянет – ширь водная, невероятная, с другого – а и там ширь не меньше. На левом берегу гнездятся вороны и дупеля, на правом – трясогузки, дрозды. Не слетаются, не преодолевают безмерной шири. И деревья поделил Енисей: с одной стороны – даурская светло-зелёная лиственница, с другой – тёмно-хвойная пихта. Думает о сокровенном, вспоминает своё, наглядеться не может на водный простор человек, чувствует суету, мелочность прожитого. Пред таким простором всё мелко, даже и жизнь... Очищается душа.

А в районе устья Курейки, в вечной мерзлоте, таёжной оторванности, разместилась Туруханская ссылка с редкими охотничьими посёлками, с вольными, не знающими привязных цепей собаками, с глухими стойбищами тунгусов да поднятыми на столбах лабазами – повыше от шкодливой вездесущей куницы и грызунов.

После грозового ливня, всю ночь махавшего раскалёнными прутьями молний над щербатыми линиями хребтов, мутные потоки снесли в речки не только песок и глину, но и молодых зайцев, мышей, тетеревиных и воробьиных птенцов. Хариус обнаглел, лениво шевелит плавниками, развернулся пастью навстречу течению и заглатывает в этой мутности всё, похожее на принесённый с берегов корм. Ссылный контрабандист Хейнонен на «мышку», свёрнутую из шинельного сукна, и леску, сплетенную из конского волоса, за полчаса поймал десяток изгибающихся на суше, в жёсткой осочной траве, рыбин. Куба, придавливая, ведёт лезвие ножа против чешуи, и мутные «жемчужинки» обильно сыплются рядом с камнем. На потеплевших от солнца шершавых боках речного окатыша быстро подсыхают прилипшие потроха хариусов.

– Иосиф, говорят, у тебя много побегов? – спросил Хейнонен, бережливо сматывая снасти и заталкивая их в холщовую сумку.

– Восемь арестов... Шесть побегов.

– Г-м-м... – С запрятанной ноткой одобрения гмыкает контрабандист и рассудительно добавляет: – С Туруханской не убежишь. На пристанях полицейский контроль, телеграф, в тайгу зайдёшь – не выйдешь. Бескрайна она, тайга.

– Не убежишь, – соглашается Куба, и Хейнонен не видит проступившей невменяемости на его рябоватом, отвернувшемся лице. Странное сочетание бессилия, обречённости делает прежде осмысленный, внимательный взгляд Иосифа потусторонним и диким. Теперь в нём, во взгляде, явна отрешённость сумасшедшего, только что оторванного грязным и грубым санитаром «дурдома» от стремлений тонких, возвышенных, владевших больным воображением. Больным ли? Исказилось всё: рот, глаза, мимика... Хейнонен ужаснулся бы, увидев это лицо сейчас. Столько в нём было боли, слабости, отчаяния. Красивые легенды о бесчувственной твёрдости героев – только легенды...

В журнале «Иверия» молодой Сосо печатал свои стихи: от бравурных, счастливых вначале – до трагических в годы осмысления и взросления. Без обнажённости нервов поэтов не бывает:

– Там, где раздавалось бряцанье его лиры,

Толпа ставила фиал, полный яда, перед гонимым

И кричала: «Пей, проклятый!»

Таков твой жребий, твоя награда за песни,
Нам не нужны твоя правда и небесные звуки!»

Он ищет в жизни розовое, возвышенное, он пишет древнегреческое «фиал» вместо понятного «сосуд»... Стараются удивить романтической необычностью, но уже тогда не ждёт народной благодарности. Подпольный псевдоним у Джугашвили – Коба, персонаж писателя Казбеги, грабивший богатых бесстрашно, как Робин Гуд. Король грузинских поэтов Илья Чавчавадзе, редактор «Иверии», князь, напутствовал Иосифа на поэтическом поприще: «Следуй, Сосо, этой дорогой, будет успех».

Два костра горят на берегу Курейки. Один поверх углей заложен сизым лишайником, сырой травой и застит всё вокруг белым обильным дымом, отпугивая многочисленных мошек и комаров, дым – единственное спасение от гнуса; другой – из сушняка, с котелком на рогатине, горит ярко и вольно. Как только рыбы глаза в кипятке побелеют – уха готова. Хейнонен с черпаком наготове...

– Картошечки бы добавить, да где её возьмишь в вечной мерзлоте. Пшеница, семян укропа раздобыл... Обойдёмся. – Хейнонен снимает с рогатины котелок, ставит ближе к расстеленной собачьей дохе. Земля здесь всегда холодная, даже летом она тянет из человека тёплые, жизненные соки. Трудно представить, что эта доха, кинутая сейчас вместо тёплой подстилки под бока туруханских ссыльных, будет скоро висеть на вешалках в кабинетах Смольного, будет запечатлена на хозяине киносъёмщиками в морозный январский день ленинских похорон, будет греть самого... вождя. Ссыльные со вкусом обсасывают головы, отбрасывают в стороны рыбы кости, швыряя, пьют через края алюминиевых мисок наваристую юшку, обжигаются, присвистывают, втягивая ртами охлаждающий воздух...

Джугашвили под сорок, а у него нет ни семьи, ни своего угла, ни денег, не лучше нищего бобыля, и есть лишь одна перспектива: кончить от чахотки жизнь за Полярным кругом и быть похороненным за счёт враждебной ему монархии в вечной мерзлоте. Он уже научился терять... Было много арестов, явочных квартир, клочков, тюрем, подвалов, фальшивых документов. Покойной жене он не смог купить даже лекарств...

– Като! – он прыгнул за ней в могилу. Могильщики не успели остановиться. Земля с лопат просыпалась на его грязную, чёрную блузу, красный галстук, на мятую феску, прикрывшую смоль нерасчёсанных волос... Грязная блуза, нечищенная обувь и красный галстук были неписаной униформой социал-демократов того времени. Презрение к богатству и довольству надо было выражать даже внешне. Он видел только заколоченную гвоздями крышку гроба, царапал ногтями не обшитое дерево, плакал и кричал: – Като, моя Като!

Добрпорядочная венчанная жена Екатерина Сванидзе стала невольной жертвой революции и стремлений молодого Кобы. Он пробирался ночами в их общую каморку, и его ждали вышитые салфеточки и недолгий уют родного угла... Губил свою жизнь, губил чужие... Нормальные человеческие дела ему не давались. Словно обжитые стены, привычные хозяйственные заботы были для него нетерпимее мытарств гонимого мышью, от норки до норки, нелегала. Необузданное влечение то ли ставило его выше, то ли опускало ниже обычных человеческих натур.

– Слабый, ну почему ты такой слабый... И почему-то за тобой охотится вся полиция Тифлиса, не пойму... – выговаривал на ухо Кобе белобородый дед с аскетичным, почти монашеским лицом и поддерживал его за локоть. Наверное, он был дальним родственником со стороны Екатерины. Доро-

га к кладбищу тянулась пустынной и длинной проплешиной в траве. От кладбищенской изгороди спускались дрожки, привезшие гроб. В Грузии не мажут дёгтем осей, дёгтя нет, как нет для него берёзовой бересты, сухие втулки колёс натужно, глухо скрипели...

«Слабый...»

Видел бы старик, как в Тифлисской тюрьме арестантов прогоняли через строй конвойной роты. Тщедушный, чёрный Коба шёл под ударами прикладов с раскрытой книгой в руках, не морщась и не вздрагивая. Он с детства умел терпеть боль. Это точно.

– Сталь... Как сталь! – кричали арестанты, сняв полосатые колпаки. Потом вождь отрицал подобную основу своего главного псевдонима.

– Это уж слишком, – говорил он биографам и вычёркивал такой вывод. Может, Сталин не хотел увязывать дикое, разбойное, разрушающее прошлое со своей начавшейся созидающей функционерской деятельностью государственного строителя? Просто ли проявлял скромность и меру? Может, и кричали ему взбудораженные экзекуцией арестанты: – Как сталь!

Жёлтого, гипнотического разлива его глаз не выдерживали матёрые уголовники... Этот взгляд не врал: что обещает, то сделает... И позже, когда Сталин мундштуком трубки гневно тыкал в объёмный живот всесильного начальника НКВД Берии, тот под этим взглядом покорно обмякал и плюхался обратно на диван. Гнев вождя был непереносим.

Самые лиричные, самые звонкие, самые запятанные струны человеческой души от прикосновений грубой реальности часто дают сбой в слаженной мелодии быта, а то и с тоскливым звоном лопаются совсем, и тогда наступает страшный диссонанс. Поэту труднее быть сильным. Всю жизнь Сталин будет ценить труд творческих людей, поднимет их до самых вершин социальной значимости... Старичок Пришвин, далёкий от политики натуралист, наряду с прославленными генералами, будет ездить в лес на литературные зарисовки не на велосипеде, а на выделенном ему автомобиле-полупортке... Писатели, артисты, художники получали государственные премии и дачи. Горький, Шолохов, Толстой, Федин... Социалистическая элита.

С отрешённым видом на кунцевской даче Сталин по несколько раз подряд будет прокручивать ванилиновую пластинку с медово-текучим голосом эмигранта Вертинского: «В бананово-лимонном Сингапуре, пуре... пуре...»

Что находил вождь огромной ограбленной страны в одинокой, инфантильной тоске этого певца? Наверное, как живой, страдающий человек, Сталин мечтал о красивых городах, далях, голубых туманах, о том же «бананово-лимонном» Сингапуре, далёком, невиданном. И мог бы теперь позволить сбывться мечтам, но укрывался привычным тулупом на печи в малой столовой этой дачи, считая, что созидание требует не меньшего самоограничения, чем революционное разрушение. Многие бывшие подпольщики не сумели перешагнуть этот рубеж, неся в своих душах страсть к свержению и отрицанию до конца жизни...

Туруханская ссылка своей смертельной безысходностью, примитивностью быта, отсутствием впечатлений вгоняла Сталина в депрессию.

– Недавно из Карского моря в Енисей кит заплыл... До самой Тунгуски дошёл и брюхо о камни вспорол. Того мяса всей Курейке надолго хватило бы, – рассудительно говорил Хейнонен. Разговоры у ссыльных об одном и том же: еде, тепле, одежде... Коба молчит, разгоняет ладонью сгустившийся дым.

На его просьбы о помощи: «У меня нет ни гроша, все запасы вышли...» — не было ответа товарищей. Полярной ночью, при свете луны, когда снег искрится миллиардами голубоватых песчинок, скрипит, он едва не замёрз, уйдя на Енисей за основной своей пищей — рыбой. Раньше ходил по садам за абрикосами, теперь — за рыбой... За полярным кругом, в вечной мерзлоте. Тяжёлая перемена.

— Что я им «Ам-хаарец» из Талмуда? — думает о чём-то своём Иосиф. Думает тяжело, вслух и неизживаемо. Свежая еда не улучшила настроения.

— Чего? — не понял Хейнонен.

Сырая трава выкатана дохой и их телами. В котелке остатки ухи столь наваристы и жирны, что, остывая, превращаются в прозрачный липкий холодец, ложки в котором не падают, а стоят.

— «Ам-хаарец» — жертва, кровью которой окропляли священный жертвенник или храм, — хмуро пояснил Куба. — По обряду заклятие делалось при заткнутом рте... Без покаяния.

— Что и человек... Жертва? — изумлённо потёр лоб Хейнонен.

— В Талмуде есть тайные места, которые передаются устно... Только посвящённым. Но факты свидетельствуют... — И Иосиф утвердительно кивает головой. — Тринадцать уколов, сцеженная кровь...

— Откуда ты это знаешь, кацо? — Удивляется Хейнонен.

— Я учился в семинарии. — Лицо Кубы чуть посветлело от воспоминаний. — Как мы не любили тогда семинарских строгостей, сбегали в город, теперь вот я в Туруханске... Волен...

— Ты — священник... — Только больше удивился Хейнонен.

Но Иосиф уже думает о чём-то другом, более захватившем. Он даже пальцами шевелит, как гимназист, решающий пример.

— С ними на борьбу не пойдёшь и на пиру не погуляешь... Жиды обрезные. — Слышит контрабандист.

В Гори, на прожаренных солнцем улицах, меж тенистых деревьев, было полно булочных, притягивающих нищего Сосо запахом дрожжей и сдобы. Нищета оскорбляет... Но его ненависть к торговцам с пейсами основывалась не на зависти, не на голоде, а на собственном понимании библейских истин. Это было глубже банальной зависти.

— Но почему Иисус не вынул саблю? — спросил маленький Сосо, услышав про предательский поцелуй Иуды.

— Надо было пожертвовать Собой ради спасения человечества...

Ребятишки впустили в синагогу... свинью. Организатором был Сосо... И православный священник потом наставлял ребятишек с амвона:

— Заблудшие овцы несколько дней назад совершили богохульство в одном из домов единого Бога.

Усвоил ли мальчик из семинарии тот урок веры?

И среди множества людей он часто бывал одиноким, редко откровенничал. Этот закопчённый котелок, несколько искривлённых мерзлотой и словно обкусанных лиственниц, это низкое, не как на Кавказе, небо давят поэтическую душу ссыльного грузина. Лишь оболочка грубая у этой души...

— Валенки... Не прислали даже валенок. — Куба поднимается, начинает мрачно, сосредоточенно ходить. Под подошвами смазанных рыбьим воночим жиром сапог выдавливается сырость. Бугорок твёрдой земли здесь редкость. Всё больше — мхи.

Среди Эриванской площади: разбросанные взрывом бомбы колёса фаэтонов, ядовитый смрад сгоревшей взрывчатки, горохом рассыпающийся треск револьверных выстрелов, трупы казаков сопровождения, случайных

прохожих... И какие-то набежавшие люди, хватающие опечатанные мешки с деньгами. В газетах всего мира писали, что из Тифлисского банка было похищено 280 тысяч царских рублей – огромная сумма. И ни рубля Коба, организатор и участник экспроприаций, не оставлял себе, не купил жене лекарств, питался сухими огрызками лаваша, ютился по «клоповникам»... На него не произвели впечатления музеи, площади, фонтаны Лондона, Парижа, Берлина во время нелегальных встреч и партийных съездов. Он просто и не ходил в те музеи, не осматривал достопримечательности. Для него европейские столицы были всего лишь очередным бивуаком на пути революционера, чем-то вроде комнатки в тифлисской обсерватории, куда он приходил после тайных сходов и где он хранил запрещённую литературу. Его больше впечатлило, что живут политические эмигранты семьями, ведут в пивных приятные политические полемики при котелках и галстуках... За исключением некоторых, в основном из воинствующих анархистов, прежние шумливые борцы за справедливость, народные радетели чудным образом превращались в добропорядочных и послушных буржуа, с охотой принимали предоставленные блага европейской цивилизации. Для России характерно обилие юридических параграфов и законов. А где много законов, там легче беззаконию. Столыпин стал успешен потому, что при подавлении смуты, грозившей распадом и хаосом, опёрся не на грамотные законы, параграфы, а больше на скорые, бескомпромиссные военно-полевые суды.

У Кобы котелки другие – копчёные.

– Я дал в кассу тысячи... Вытрясал их из бакинских нефтевладельцев, экспроприировал банки... А они не прислали даже валенок... Свердлову помогают... – странная, жуткая неменяемость опять искажает худое, разбойничье лицо Кобы. Он не завидует, он чувствует несправедливость. Его забыли, не считают своим, как мавра, сделавшего дело. Гибельно в сибирские морозы без валенок...

И через десятки лет, став вождём, Сталин будет хранить на даче пару собственных, разношенных валенок. На всякий случай! Так однажды наголодавшийся человек всю жизнь прячет под подушку, про запас, куски сухарей... Страшное дело – выживать в Сибири без валенок. От ревматизма ему потом помогали кунцевская печка да прожаривающее черноморское солнце южных курортов...

Хейнонен слышит знакомую фамилию, добавляет:

– Со Свердловым ещё этот, рыжий Виталь... У них посылки с шоколадом и чесноком... От цинги. Деньги... Какие-то вы, политические, не дружные, у уголовных всё сообща, посылки тоже...

Иосиф молчит, Иосиф согласен с безграмотным контрабандистом. С. Нечаев, умерший в Петропавловской крепости, в «Катехизисе революционера» предписывал: «Нужно соединяться с диким разбойничьим миром – этим единственным революционером в России». Разве есть в рассуждениях Хейнонена хоть малейшее противопоставление этому постулату, приемлемому не только для анархистов, но и для боевого крыла большевиков?

3.

С начала знакомства спутники не понравились Хейнонену. Шесть человек в каких-то вельветовых толстовках, перепоясанных кушаками, длинноволосые и эксцентричные. Спорят, жестикулируют. Такие не пригодны для тайных лесных троп, требующих молчания и сосредоточенности. Степенный широкоплечий краснолицый хозяин, почти не понима-

ющий по-русски, словно в насмешку над постоянной непричёсанностью гостей, разместил их в просторной бревенчатой бане на задах поместья: отмывайтесь!

Старший забросил ноги на приступку полка, крутил барабан револьвера, прислушиваясь к его частым щелчкам, рассуждал:

– И чем же финские сауны отличаются от русских бань? Такая же копоть... А, Валёк?

– Они моются с бабами... Разделения нет. – Парень с выпирающими лопатками, наркотическими, воспалёнными глазами равнодушно смотрел в маленькое, в один глазок, оконце. В оконце видны огород и близкий мосток на речке, осока возле досок.

– Грамотеи, – отзывается из угла некто полный, с равнодушным распаренным лицом кухонной поварихи и гладит себя по груди. Он всё время с обожанием гладит себя то по груди, то по животу, блаженствует от сознания собственного совершенства. – В русских деревнях не бывали. Завсегда бабы с мужиками моются...

– Там – свои, а тут – всякие...

Хейнонен прислушивается к пустому разговору, вспоминает, как дочь мостилась на коленях и крутила на его косоворотке пуговицу:

– Ты в синематограф пойдёшь? В городе том...

– Пойду, дочь... – соглашается Хейнонен.

У неё скоротечная чахотка, нужны солнце, кисловодские источники. Раньше через границу носил спирт, часы, фартовые штилеты, теперь согласился провести революционеров с оружием через кордон. Каких революционеров? – ему неинтересно. Заплатят 170 финских марок, щедро...

– Расскажешь? – спрашивает дочь.

– Расскажу, – говорит Хейнонен и отворачивает от неё глаза. Сама Ингрид вряд ли когда увидит живые картинки синематографа. Он глядит на тронутые голубизной ручки, целует её в сухие, детские губы, не боится заразных палочек Коха. Тут любовь жертвенная, родительская, без обмана и хитростей. На их лесном хуторе нет театров.

– Мне надо в город, – уверенно говорит Хейнонен старшему. Жужжит выжившая среди закоптившихся стен муха.

– Вот те Америка, вот Европа... – старший смеётся и суёт револьвер за сумонный кушак. – Глаза полиции помозолить хочешь... Они дураков ждут...

– Это вас, дураков, сразу отличат, а я местный. – Хейнонен от кирпичной печи с речными гольшами в «поддавалке» широким шагом направляется к двери. «Куда вы без меня на границе, котята доморощенные? Мне вы не начальники», – упрямо думает он. И его никто не останавливает. Куда они, действительно, с мешками оружия в лесу без него? Там топи, болота, тропы и обходы...

За пределами бани чувствовалось влияние Европы. Столько ж веков владычествовала здесь по-западному окультуренная Швеция! Россия ближе, но такого влияния нет... Чем влиять-то? Такой вопрос... Даже дровяные склады здесь выкрашены качественной краской, стоят ровно и тёмно-красными стенами удивительно гармонируют с близкой, не менее тёмной хвоей. Мощёными дорожками Хейнонен прошёл мимо старинного замка с аккуратными девушками-экскурсоводами в белых передниках с нашитыми карманами для денег, домовито встречающими любопытствующих посетителей, прибывших в Або на пароходах и парусных шхунах из Гельсингфорса, Ханко, недалёкого Стокгольма, из стольного Петербурга. Меж сводчатых залов Трапского замка втиснулся

чистый, как часовня, весь в камне, туалет. Через круглые «бойницы» видна далёкая, разбивающаяся пена воды. Словно летишь над морем... Короли и принцы, принцессы и фрейлины любовались когда-то отсюда волнами внизу, «летали» над морем. Не туалет, а крымское «Ласточкино гнездо», нависшее над простором...

Звякнул звонок велосипеда, Хейнонен отступил к бордюру дорожки.

– Скажите, синема где? – как можно вежливее спросил он уже проезжающего велосипедиста. Тот перестал крутить педали, слез с беседки и подробно, благожелательно рассказал прохожему, что кинотеатр «Берс» находится на соседней улице, за углом, что до него метров двести. Почему тут никуда не спешат? Над ближними двухэтажными домами возвышался лютеранский собор с крестом. И над крестом плыли холодные весенние облака. Хейнонен поднял голову, и ему показалось, что не облака плывут по небесной сини, а именно крест, люди, весь небольшой уютный город, все плывут как под распушенными белыми парусами. Ничего не предчувствовала душа лесного контрабандиста.

На круглой афишной тумбе финского театра, с финскими надписями красовалась русская артистка Вера Холодная с глазами кокаинового, тёмного разлива. Название фильма «Он сердцем, как куклой, играя, он сердце, как куклу, разбил» сразу не внушило Хейнонену большого интереса. Скорее всего, покажут трагическую любовь. Он твёрдо знал, что безудержная, слепая любовь быть возвышенной и красивой ещё может, а созидательной – никогда. Но выбирать было не из чего. Контролёрша провела Хейнонена на нужное место, он ощутил спиной приятный бархат сидения и увидел на экране полутёмного зала под звуки несколько расстроенного рояля страстно целующуюся, разряженную пару: он в шляпе и при тросточке, видать, что проходимец, она в дорогом, со множеством оборок платье, наигранно-страстная... Поцелуев, вздохов, роковых выстрелов в фильме хватало...

«А дочке рассказать будет нечего», – с неудовольствием подумал контрабандист, выходя из синематографа. Его Ингрид любила слушать про слонов, про природу, про кузнеца Ильмаринена, Калевалу. Не поймёт она кровавых взрослых страстей на фоне своего детского, предсмертного положения... Шутками расшалившихся дяденек и тётенок покажутся ей и эти томления, и эти выстрелы... Ну, он что-нибудь придумает, что-нибудь вернёт человеческое, природное, для неё.

Три пожилых финна в жилетках и шляпах неторопливо беседовали меж собой у окошечка кассы:

– Слышали, господа сплавщики, что «Конрад» в шхерах на камни сел? Вся полиция всполошилась...

В финских юго-западных городах не вдруг определишь сословие человека, и владелец магазина, и дворник модно, по-европейски, одеты, чисты и одинаково обходительны. «Ханов», как в орде, не видать...

– А полиция при чём? Сел и сел...

– Там, говорят, оружие нашли, много... Политика, не иначе.

«Так это ж наш пароход, его ждём третьи сутки», – догадался Хейнонен, но возвращаться в баню не поспешил, сел на одинокую скамеечку, осмыслить и обдумать. Положение складывалось так, что не видеть ему теперь оставшуюся часть марок, хорошо, хоть небольшой задаток всё-таки получил. Может, сразу и направиться через кордон? Слышал он, что на пароходе есть какой-то контролёр, что груз направлен фальшивому адресату, ждущему их пароля...

Цепочка есть: через этого контролёра, через фальшивый адрес полиция может выйти на настоящих получателей. Из города надо бы уходить... Живописные шхеры лишили половины куша.

«Предупредить их надо», – поднялся со скамейки Хейнонен и отправился обратным путём мимо Трапского замка, лютеранского собора, мимо рубленого дома и сразу – на зады поместья, к бане. Он заметил блеснувшие на земле осколки оконца, недовольно подумал: «Какие неаккуратные... Хозяин не похвалит».

Баня встретила полутёмной, сырой прохладой и неожиданной пустотой. Только белый китель одинокого полицейского светлел рядом с полком. К устоявшемуся духу берёзовых дров примешивался кислотоватый, пугающий дух сгоревшего пороха. Хейнонен понял, что здесь стреляли. Глаза, быстро привыкшие к полумраку, теперь рассмотрели у разбитого окошка несколько пустых гильз.

– Что, и ты будешь палить, как псих, направо, налево? – сипло спросил полицейский и встал с револьвером в руках во весь свой немалый рост с приступки полка. Сиплость его грудного мужицкого голоса как-то удивительно подходила к сырости и полумраку бревенчатой бани.

– Кто же дочке на хуторе про фильм расскажет? – понимая неуместность вопроса, обескуражено произнёс Хейнонен. Потерянность его вида совсем успокоила полицейского.

– Серьёзный финн, а связался с социалистами... Они про тебя сразу общили. Вот и ждём. Пристава ранили, мерзавцы... – он повернул голову к разбитому оконцу и громко крикнул. – Конвой, ко мне!

Это громкое «Конвой!» плеснулось, фукнуло в мозгах кипятком на камнях банной парилки. Раз конвой, значит, поведут, значит, тюрьма!

– Ингрид ждёт! – Хейнонен схватил со скамьи тяжёлый, отлитый из чугуна ковш.

– Положи... – успокаивая, сказал полицейский и направил ствол револьвера в широкую колыхающуюся грудь. – Положи, без того навыворачивай...

Хейнонен ударил его в висок, ниже красного околыша фуражки с кокардой. Крови не было, но кость под толстым овалыстым краем ковша сочно сдалась и хрустнула... Хейнонен рванулся к дощатой двери, но она сама распахнулась ему навстречу, и молоденький солдат пограничной стражи, бритый, розовощёкий, в серой шинели, шевеля ноздрями, вложил в приклад всю силу удара. Хейнонен отлетел к бочкам с водой и упал недалеко от белеющего на полицейском кителя.

– Он убил Вуиссинена, – в баню стали заходить другие солдаты и брызгать в лица лежащих водой. Скоро стало тесно...

Когда Хейнонена вели огородам на подкашивающихся ногах, он мотал головой то ли от приклада, то ли от нервного потрясения и спрашивал почему-то уже не о дочери:

– Он почему не стрелял? Он же мог выстрелить...

Арестованному никто не отвечал. И что ответить? Может, растерялся, не просто выстрелить в человека, может, пожалел. Ответ знал лишь покойный... Хейнонен помнил его спокойные, укоряющие глаза.

В приватной беседе присяжный поверенный, назначенный защищать Хейнонена, презрительно сказал ему перед судом:

– И ради своей неполноценной дочери, ради... дурацкого фильма ты убил отца двух полноценных малолетних детей... Какое ж тут ждать снисхождение?

Хейнонен рассердился, обругал присяжного поверенного «саатана перекеле» и внушительно добавил, что для отцов их дети всегда полноценны...

Хейнонен на суде не просил снисхождения. Прокурор с расшитыми серебром рукавами и воротом мундира отправил его сразу в тяжёлую туруханскую ссылку.

– Не было раскаяния! На Сахалин, в каторгу бы надо, – сказал он.

В Туруханск и пришла короткая казённая бумага, извещающая о смерти дочери. В ссылке он познакомился с Кобой, рассказал ему про пароход с оружием, про арест, про Виталю, которого увидел первый раз в этой же ссылке.

– Иосиф, наганы из-за океана везли... Всем, кто захочет, лишь бы Россию стравить и обрушить... – говорил он. – Я их в Петроград должен был сопроводить...

Тот слушал, молчал, и по лицу его невозможно было определить ни его мыслей, ни отношения к услышанному, лишь однажды сказал:

– Выходит, что и ты «Ам-хаарец» революции.

Хейнонен взглянул мрачно:

– Я жизнь переделывать не собирался, жизнь Богом дана... Дочь лечить надо было... Революция – не врач и никого не лечит.

И опять по лицу Кобы было не понять, одобряет, осуждает он такую позицию. И сам-то он кто? Бесстрашный, эмоциональный Робин Гуд или трезвый, опёршийся на идею борец за столь почитаемую справедливость? Возможно, что жизнь ещё и самому не дала конкретного ответа. Трудно ссыльному представить рубиновые звёзды на Кремле, поднятые по твоей же воле... Обстоятельства в жизни иногда складываются вопреки намерениям, а иногда способствуют им... Пока что он плыл и стремился доплыть до сумеречного берега будущего. Неизвестно ещё какого...

4.

Вторые сутки Иосиф лежал на боку, не шевелясь и не вставая, глядел в протыканные озёрным высушенным мхом пазы брёвен и думал о чём-то тяжело, безысходно. Иногда, когда в комнате никого не было, с его губ срывалось тихое, обречённое:

– Пропаций я человек... Сын Яша растёт у людей... Губительно человеческие фантазии и теории ставить выше уже существующего мироустройства. Как цвела айва, так будет цвести...

Недавно он написал Аллилуевым в семью необычно сентиментальное и длинное письмо: «Я буду доволен и тем, если вы время от времени будете присылать открытые письма с видами природы... В этом проклятом краю природа скудна до безобразия, и я до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге».

А как же тунгус? Для того ведь нет ничего прекраснее этих видов с нависшим небом и вечно холодной, сырой землёю, с оленями в нартах, ярангами из бересты и меховых шкур, и ничего другого он даже не жаждет. Видимо, не столь однозначно понятие человеческой твёрдости и слабости. Велик в них процент привычек, стремлений, обширности кругозора. Эта примитивная, живучая приспособляемость древнего тунгуса уже как-то колеблет теории о превосходстве рас и сверхчеловеках. Какой сверхчеловек лучше его выживет в мёрзлой тундре? Не может быть сверхчеловека во всём, во всех проявлениях жизни, как нет однозначности у мудрой природы.

Не оставался ли Сталин, всегда скрытный и непредсказуемый, в душе больше православным семинаристом, а не революционером-разрушителем

сложившейся человеческой психосферы? Освободил же он перед войной, только-только укрепившись в единоличной власти, вопреки традициям устоявшегося ленинского и марксовского «научного коммунизма» из лагерей, тюрем многих церковнослужителей, отменил планы застроек, предусматривающие снос храмов... Остановил он и руку Лазаря Кагановича, потянувшуюся убрать с макета города Москвы храм Василия Блаженного. Стегнул окриком, как плетью перешиб отдёрганную руку разрушителя церквей:

– Поставь на место!

Почему не цикнул, когда Каганович вглядывался через амбразуру укрытия в поднятую динамитом пыль рушащегося храма Христа Спасителя и довольно потирал руки:

– Задрали подол матушке-России... А!

Какие применял мерки? Чем руководствовался? Может, считал, что не в человеческой воле разрушить волю Христа, а святого Василия Блаженного человек ещё и может не столь почитать в веках, а может, испытывал тайное давление своих же соратников, приверженцев атеизма? Так или иначе, но танки продолжают неуклюже огибать отливающий кирпичной краснотой и голубеющий куполами храм Василия Блаженного, мешающий выезду техники на парадную Красную площадь.

Разобрался ли сам-то до конца в своей душе, тоже живой и ищущей, где добро, где зло? Столь много оттенков вокруг этих понятий, расплывчата, зыбка граница меж ними.

Открывшаяся дверь дала доступ в горницу с самодельным, сколоченным столом, покрытым старой клеёнкой, с ситцевыми, застиранными занавесочками на окнах сырому, свежему запаху улицы с приятной горечью хвои и влажной преснотой камыша. Тут же к запаху природы добавился чесночный запах колбасы и ржаного, дефицитного в этих краях, хлеба. Не надо было большого опыта подпольной работы, чтобы понять, что Яков Михайлович был у Виталия: тому отец-маслодел слал в ссылку необходимые деньги и нужные продукты. Беспринципно-изворотливому Свердлову переводила деньги из фонда репрессированных думская фракция большевиков. И только Коба писал на волю: «Нет запасов ни хлеба, ни сахара, здесь всё дорогое, нужно молоко, нужны дрова... но нет денег». Ни товарищи, ни издательства, видимо, не находили возможностей для высылки денег именно ему... Как хорошо он, вложивший в партийную кассу сотни тысяч царских рублей, опубликовавший несколько статей, понимал в то время застрелившегося в Туруханской ссылке большевика Семёнова и несправедность партийных отношений. Где-то, в покое лейпцигских пивных, оторвавшись на время от бредовых писаний, может, в надежде на продолжение экспроприационной деятельности Кобы, обезденеживший Ленин мимоходом поднимал вопрос об обеспечении ссылного Джугашвили «сапогами». Так на языке подпольщиков, в отличие от просимых им с воли разрешённых для пересылки натуральных валенок, назывался не вид обуви, а поддельные паспорта для побега. Теоретики за рубежом слабо представляли условия самой трудной и самой суровой Туруханской ссылки. По крайней мере, ни «сапог», ни денег, ни валенок у Кобы так и не было...

– Хандришь... – полунасмешливо произнёс вошедший Свердлов. Много чего было в узких, иезуитских глазах этого человека: хитрость, пронырливость, холодный прищур; не было только никогда простоты и сострадания.

Коба буркнул в ответ что-то неразборчивое. Он часто так делал, когда не хотел разговора.

Из прихожей в горницу тут же скрипнула раскрывшаяся двухстворчатая филёнчатая дверь, и послышался тонкий голосок младшего хозяйского сынишки:

– Дяденьки, а картинки есть...

В ответ за спиной отвернувшегося Кобы раздался ровный, учительски-осуждающий голос Свердлова:

– Нельзя же быть таким надоедливым, мальчик, здесь взрослые...

Тихо, покорно и несколько испуганно, как струны под неуверенным смычком, опять скрипнули закрывающиеся створки дверей. Ребёнок молча ушёл на свою половину, только шмыгнул носом...

Коба, разлохмаченный, мрачный, повернулся на тюфяке без простыней:

– Зачем выгнал?

Грузинский акцент проявился сильнее...

«Товарищ Андрей» усмехнулся как-то механически, без эмоций, ответил:

– Они православные, а мы с тобой – атеисты, революционеры... Нельзя смешивать. Крестик на нём видел?

– Атеисты и ярые богоборцы – разные понятия, – сказал Иосиф, сел на край деревянного топчана.

– Ошибаешься, Коба, коммунизм предполагает построение сознательного, самоуправляющегося общества без предрассудков. Первые коммунистические ячейки в Англии имели главной целью именно борьбу с Богом. Борьбу, а не примиренчество...

Коба не ответил.

Свердлов походил, потом укоризненно добавил:

– Ты бы хоть чашки вымыл... Засохли...

Под избяной лавкой, прикрепленной коваными гвоздями к брёвнам стены, стал судорожно и энергично шелестеть задней лапой по отвисшему уху зачесавшийся пёс. По-северному шерстистый и не злой. Иосиф восторженно, оживлённый этим шелестом, поставил на пол алюминиевую миску со стола, негромко сказал:

– Тишка, вымой.

Тишке, как любому псу, не знающему человеческих диет и норм, не надо было повторять эту команду дважды. К тому же хозяин дома в силу въевшегося с тяжёлым детством практицизма не баловал ни Тишку, ни навязанных властями постояльцев рыбной или оленьей строганиной.

– Пайки выдал, – скрупулезно взвешивал хозяин мешочки крупы, вяленой ююлы и чай. Пёс не ссыльный, ему и пайки в хозяйском доме не предписано. А потому Тишка без лишних церемоний запустил в миску высунувшийся язык и зашуршал им по доньшку с затвердевшей, уже плесневевшей кашей, вычищая бока до металлической молочности. Свердлов безразлично сморщился. Он вообще был безразличным человеком...

Осталась журнальная фотография, на которой Яков Михайлович, уже член Советского правительства, в большом кабинете со старинной мебелью, в какой-то широкорукавной, как во времена революционных карбонариев, рубахе, с широким цыганским поясом на обтягивающих бёдра брюках смотрит, прищурившись, как всегда, без улыбки, через стёкла пенсне в объектив фотоаппарата. На художника-авангардиста похож... И за спиной этого «художника-авангардиста» объявление: «Руки не подавать!». О своём ли здоровье заботился, посетителей ли? А может, и не в здоровье и вредных, чахоточных микробах дело, а в кастовой неприкасаемости новых

властителей, их обособленности: здоровайтесь поклоном и не тяните для рукопожатия сиволапых мозолистых ладоней? Новая власть панибратства не любит...

– Рэволюций без крови не бывает. Кровавым переустройством мира не брзгуешь, а собакой забрзговал... – Губы Иосифа, ссохшиеся, малоподвижные, скривились в усмешке.

Свердлов стал обиженно и торопливо собирать свои вещи в холщовый мешок.

– Семинарист, – сказал он, хлопнув дверью горницы, вкладывая в значение этого слова всю «отсталую, антимарксистскую» сущность Кобы.

– Аптекарь... – ответил уже через закрытую дверь Иосиф, выразив в свою очередь презрение к мелочному, мещанскому прошлому «товарища Андрея». Вообще-то он невольно повысил Свердлова в социальном статусе: тот до партийного подполья был лишь учеником аптекаря... До аптекаря не дорос, свернул на другую дорогу.

Больше в одной квартире они не жили вместе никогда, ни во время Туруханской ссылки, ни позже, в Московском Кремле...

5.

Среди лета 1908 года тунгусскую землю с грохотом и свечением посетило божество неба – Тенгри. В редких таёжных поселениях вылетали окна, валило чумы эвенков в стойбищах, ураган прошёл в вершинах деревьев, в столичном Петербурге и даже в более удалённой Европе ночью без газовых и электрических фонарей люди читали газеты. Небо было круглые сутки дневным. Взрывом вывалило две тысячи квадратных километров девственной, дикой тайги, рядками, корнями к эпицентру, по кругу, легли вековые деревья... Сразу ни астрономы, ни учёные других направлений не смогли объяснить дошедших из безлюдной сибирской глуши не только фактов, но и путающих сплетен о катастрофе. И лишь спустя много лет, не без поддержки Сталина, побывавшего недалеко от тех мест в ссылке и наверняка наслышавшегося о загадочном явлении от местных жителей, были организованы на Подкаменную Тунгуску государственные экспедиции Кулика, найдено и исследовано само место взрыва и появилось достаточно устойчивое понятие: Тунгусский метеорит.

Через Подкаменную Тунгуску проходили кочевые пути, но ни одна оленья упряжка не попала под могущественный гнев спустившихся богов. Самые сильные шаманы из стойбища Ванавы ударили в обтянутые кожей бубны, узнали и предупредили кочевников заранее об опасности привычных путей:

– Великий Тенгри погубит ослушников!

Грохнуло... С загадками, дошедшими до наших просвещённых и самонадеянных времён.

Сейчас появилась, пожалуй, в большей степени эзотерическая, чем научная гипотеза, что во время последней ссылки именно от тунгусских шаманов, поклоняющихся духам воздуха, лесов, огня (духи везде!), Сталин получил особое видение мира и волевые качества, присущие мировым властителям.

В стойбище Ванавы фыркали влажными носами, полными мелкой мошкары, молодые олени. У них ещё не было рогов для бодания, но хватало задиристости. Они поднимались на задние копыта и с подскоками бились передними. Горел дурманящий благовониями костёр на месте священного капища, выложенного из закоптившихся мелких камней. Стоял шест со

священными лоскутками ткани. Мысли десятков собравшихся удивительным образом становились едиными, у всех в непонятном блаженстве кружились яранги и вершины близких пихт, всем словно через пелену утреннего тумана, густую и непроглядную, слышались гортанные завывания танцующих и удары близких бубнов с деревянными перекладами с внутренней стороны, похожими на спицы в тележном колесе. Наверно, ритуальный бубен мог при случае быть и боевым, защищающим от ножей и копий. Шаманы, неожиданно гибкие и подвижные, с голыми, не очень чистыми икрами сухих ног, в коротких папуасских юбках из лоскутных, развевающихся шкур порой подбегали к огню и бросали в него сухой растительный порошок из галлюциногенных грибов и трав. Короткие юбки говорили, что обряд пришёл в древности из не столь холодных, более южных мест: из-за горы Хэнтэй, реки Орхон и Гобийского Алтая.

Лежащий на шкурах и мхах среди гудящего, танцующего круга, Сталин не понимал ни слова. Тунгусы говорят на древнемонгольском языке (хоро). Но и понимать ему, видимо, было ничего не надо. Будущий вождь ощущал, как в сознание и душу со звуками священных заклинаний вливается некое ощущение неколебимой ясности и исчезает витиеватость, неопределённость мыслей и планов, скрепляя их монолитной цельностью. Он прозревал для будущего влияния на весь мир... Через многие годы даже умудрённые мужи из Политбюро станут верить, что Сталин никогда не ошибается. Построили, победили бы без него? Кто знает! У истории нет сослагательного наклонения, а роль личности полемична и до сих пор...

Всем великим свойственны «причуды». Македонский рубил мечом «Гордиев узел»: разруби кто другой – не остался бы факт в тысячелетиях, мало ли кто чего рубил и рубит... Хромой глава разбойной шайки Тамерлан, поднявшийся из бескумысной нищеты, создал в пустынях могучие государства и цветущие города Самарканд, Хорезм... Петру Первому чухонские лесорубы показали на высокой сосне зарубку:

– Не закладывай здесь город, Государь, Нева затопит...

– Так срубите эту сосну! – отмахнулся царь. Сосну срубили, а Петроград почему-то стоит вопреки той пугающей зарубке и потакая царской «глупости».

Парадоксально мышление великих...

Сталин парадоксальности в единичных, разорванных фактах не проявлял: только логика, только упрямое достижение цели... У него более прихотливы и невероятны были не «фактики», а сами цели. Лапотную, разорённую «диктатурой пролетариата», революциями, междоусобными войнами и разграбленную не умеющими созидать космополитическими властями Россию он сделал в немыслимо короткий срок индустриальной, пересадил людей с телег на трактора, танки, самолёты. А потеряв промышленность, кадровый состав армии, западные территории в начале новой, небывалой по масштабам и губительности войны, добился победы за счёт неисчислимых жертв и резервов, вернул «разбазаренные» ранее границы царской России... Дела получились величественные, как ветхозаветные походы Македонского (без карт, в неизвестность, через незнакомые пустыни, горы и враждебные племена!). Учебники переписать можно. Но вот уже больше тысячи лет встречающиеся с голубыми глазами и античными лицами современные таджики не без гордости считают себя потомками македонян-завоевателей... А его-то «походы», что, менее значимы и растворятся в прозрачности веков? Да нет, они, как гранит, неподвластны ни зубу времени, ни зависти отупевших от кажущейся собственной значимости и непогрешимости ненавистников.

Сталин не ждал благодарности, он понимал, как противоречивы и тяжелы ноши на совести и плечах великих: не испытай – не оценишь эти ноши... Власть ему была нужна не ради власти, а исключительно для чего-то высокого и неземного – так нужна художнику для написания красивого шедевра кисть.

– Толпа ставила фиал, полный яда, перед гонимым
И кричала: «Пей, проклятый! Таков твой жребий...»
«Яда» ему в жизни и после жизни хватило...

Память народов несёт через века только значимое. Значимое она сбережёт...

Может, в реальности и не было никакого шаманского посвящения? Может, это просто слух, затейливый уфологический домысел на уровне «летающих тарелок» или снежного человека? Что-то пролетело, что-то наследило, а реальным подтверждением не далось... Шаманские таинства передаются внутри посвящённого рода. Говорят, что тунгусский род стойбища Ванавя после Сталина потерял силу, и шаманов в нём больше не было. Порвалась почему-то цепочка... Кому передали силу? Как выбрали для неё именно Сталина, почему посвятили именно его, какая природа так определила? Какой священный кедр, уходящий корнями в подземный мир, а вершиной упирающийся в небо, подсказал такой выбор шаманам? Кто припадал к его коре и слушал великие повеленья недосягаемых облаков? Миллионы факторов и миллионы комбинаций определяют судьбу. У одних факторы и комбинации почему-то сходятся в нужном месте (сразу миллионы!), у других – нет. И всё ли зависит от характера, способностей человека? Великих мало, а стремящихся стать великими – не счесть. А не сходятся у них эти факторы... И не чувствуется ли в совпадениях судьбы некоего предопределения?

А с другой стороны, Сталин, крещёный, готовившийся в молодости к аскетическому служению Православию, мог ли позволить себе принять обряд идолопоклонников? Он и живой не раскрывал основных мыслей даже во время застолий с соратниками. Мог быть весёлым, даже дурашливым: подговаривал гостей подложить на стул тостующему Молотову помидорину, сам толкал гостей в дачный бассейн, коряво, по-мужски пел «Сулико»:

*– Я бродил в горах среди скал,
Я могилку милой искал,
Но её найти нелегко,
Где же ты, моя Сулико?*

Но от его проявлений простоты окружающим почему-то не становилось бездумнее и теплее... Пугающая простота.

Для нас могила Сталина более известна, чем могилка неведомой, песенной Сулико. Вождь вынесен из мавзолея и перезахоронен тайно, ночью, под свет автомобильных фар у Кремлёвской стены. Срезаны с парадного мундира генералиссимуса золотые пуговицы при гербах: может, мародёрничали (дорогая коллекция!), может, действительно считали – не заслужил... Гранитные могилы с памятниками молчаливы не менее, чем деревенские погосты в траве, при деревянных крестах. Жил – не пускал в свою душу других, даже самых близких, а уж теперь как с ним поговоришь...

Остались пророческие стихи его юности:

«Толпа ставила фиал, полный яда, перед гонимым...»

После Туруханской ссылки жизнь Сталина, с обрядом или без обряда, но приняла более весомое и значительное качество.

6.

Чуфыкнул, как тетерев на токовище, подошедший к станции литерный паровоз, тяжёлый, весь в броне.

– Чуф-ф... Чуф-ф...

Неприятно, будто мелким битым стеклом под наступившим сапогом, зашвирители на рельсах тормозящие, раскатанные вёрстами путей колёсные ободья. Край перрона погрузило в молочное облачко пара, выброшенное из пузатой ёмкости локомотива... И в этой молочности чёрными галками на туманной утренней пашне уже шустро прыгали из вагонных тамбуров матросы, в пулемётных лентах, с винтовками:

– Шеренгой вдоль вагонов раз-з-зойдись!

– Царский поезд, батюшки! – удивился выглянувший в затянутое решёткой окошко пожилой диспетчер. На столе среди игральных карт лежала его форменная железнодорожная фуражка с молоточками. До Свяжска он несколько лет проработал на Петербургской железной дороге и не раз видел и этот локомотив, укрытый панцирем из железа, и эти просторные салон-вагоны с шёлковыми занавесками на окнах, со сверкающими медью поручнями. Только добавились ещё бронеплощадки с «трёхдюймовками» и пулемётами. Стволы орудий равнодушно, как пасущийся в жару скот на разомлевших подпасков, смотрели на вокзал и город, тронутый летним маревом.

– Какой царский... Что говоришь-то? – Начальник станции тоже с интересом посмотрел в окно, увидел аккуратные шторы, чёрные дула разных калибров и с появившимся страхом пояснил: – Это новая власть своих поездов не настроила, старыми пользуется...

Дверь в диспетчерскую от властного толчка распахнулась. Порог переступил в застёгнутом на все пуговицы френче, несмотря на волжскую жару, сухощавый человек:

– Комендант спецпоезда товарища Троцкого – Стеферсон! – чётко, по-военному представился он.

Сейчас любой человек с оружием имел власть: белую, красную, дезертирскую, воровскую, анархистскую... Не важно, какую: с оружием, при силе, можно любой назваться. При упоминании фамилии Троцкого начальник станции стал бледнеть и одышливо подниматься, задел животом форменную фуражку диспетчера, и она с лёгким стуком упала на небольшие плитки полового кафеля с надписями: «Беръмингемь». О Троцком Россия была уже наслышана.

– На сутки обеспечить литерному во все направления «зелёные» пути! – распорядился комендант и не стал обсуждать ни графики движения других поездов, ни технические возможности станции, повернулся, ушёл.

Дверь захлопнулась, отсекая наружный запах креозота из разогретых шпал, словно ничего не было. Но пушки за стеной, даже не видимые с табуреток, заставляли железнодорожников привставать и осторожно выглядывать в зарешёченное окошко диспетчерской... Пушки не забудешь...

– Стучи... На нас у них патроны найдутся, – повернулся начальник в сторону отгороженного аппаратом Маркони и молчащего в своём углу маленького горбатого телеграфиста. Кассеты аппарата застрекотали, закрутились, потащили за собой телеграфную узкую ленту, понесли распоряжение по линии...

Служба на бронепоезде была организована по корабельным правилам, с чисткой гальюнов, медяшек, сменными вахтами, звонковой и телефонной сигнализацией. Но на обычных бронепоездах военная аскетичность

не соседствует с вызывающей, хамской роскошью: алюминиевые миски с гречкой и флотской «мурцовкой» из тёртой картошки на бронеплощадках (сытнее, чем в окопных частях, но всё ж... без изысков!) и тарелки из тонкого китайского фарфора с палтусом в грибном соусе, мидиями на пару, марочными коньяками и коллекционными винами на золотых подносах в салон-вагоне. Лев Давыдович ел умеренно, аккуратно, ещё в богатом родительском доме и далёкой Америке привык к хорошим манерам и роскоши.

Чего-то они, сыновья богатых родителей, больше угнетённых пекутся о переустройстве мира, провозглашают идеи, дерзко претворяют их в жизнь? Что к ним-то в результате вызванных этими идеями бедствий должно «прилипнуть»: ещё больше золота, влияния? Пуще всего больному честолюбию мало такой сладостной экземы, как власть.

Повара поезда и вестовые когда-то прислуживали особам из царской свиты... В специальном вагоне-леднике катятся с председателем реввоенсовета каспийские осетры, телятина, фрукты и прочая продуктовая невидаль, которая даже мысленно не представляется проезжаемым голодающим деревням. Велик нынче Троцкий, вся сила в его руках... Что с ним может сделать привязанный в своём четырёхстенном кабинете к проводам связи даже влиятельный Ленин? Да и бредят они властью, террором одинаково.

Носится по фронту на персональном роскошном поезде Лев Давыдович со всеми козырями и мандатами в руках, расстреливает каждого десятого в отступивших полках, строит их под пулемётами для расправы, нагнетает атмосферу страха и преклонения... Что он понимает в конкретном планировании военных операций, в оперативных картах, задачах пехоты, артиллерии, кавалерии, их эффективном использовании, говорун и теоретик? Но перед ним по давней, вьёвшейся привычке вытягиваются стрункой военспецы штаба из бывших генералов. На них – вся черновая работа. Все они нынче виноваты, все на «крючке» у новой власти: Родину любили. А Родину любить нельзя – только мировой пролетарский интернационал, без границ и делений! Все будут братьями (негр, индус, англичанин, бербер в пустыне...), только не твой, настоящий, единоутробный брат, на которого ты поднялся с ружьём!

Молчит на митингах «вечно воспалённый» Троцкий о том: а кто же возглавит победивший мировой интернационал, кто приобретёт экономическую, управленческую власть над пролетариатом всей планеты в результате мировой революции? Для кого эта кровь и траты? Не могут же миллиарды людей, объединённых только мозолями на ладонях, никем не организовываться... Выборная ли группа, вождь, фараон, но кто-то их возглавит! Кто-то опять будет возвышен.

Роскошь для Троцкого даже и не физическая необходимость, мог бы и обойтись без золотых запонок в манжетах и мороженых осетров, но его величие должно ослеплять и тела, и души, и глаза. Роскошь – средство полного подчинения всех этих бесчисленных бородатых, тупых, враждебных мужиков на бесконечных необжитых просторах. Власть куска хлеба и пули – неоспоримая власть. Учения, теории, речи, обещания лишь оправдывают, вуалируют истинные цели, и больше ничего. Все революции рождаются на презрении к людской «массе», служащей строительным, расходным материалом. Масса она и есть «масса»!

Сам Ленин на одном из совещаний учил соратников: «Запомните, на Россию мне наплевать, ибо я – большевик». Сколь много стоит за этой фразой, особенно если бы учесть, что Россия, в первую очередь – не плацдарм, не фитиль для мирового костра, а её люди с природными заботами, разными

душами и чувствованиями. Дели – не дели границы, сливай – разливай народы, а добро и зло всё равно в земной жизни будут.

Все приборы, вилки, ножи, ложки и ложечки разложены строго по дворцовому этикету, блестят на безупречно белой скатерти.

– Свыше ста тысяч людей живут в Свяжске и в основном – мещане, – характеризует город Троцкий, посматривая на вокзал. Потом он сминая салфетку, вскакивает из-за стола, хлебнув по-быстрому, уже на проходе, пару глотков густого кофе. Троцкий «воспалился». Митинги он устраивает по любому поводу, вскидывает по-мефистофельски руки над копнистой смоляной головой, горячо, смело орёт в толпу, взобравшись на любое возвышение, призывает, убеждает. Речи – его самая сильная сторона, речами он обманывает, мобилизует, увлекает, льёт в умы расплавленным металлом новые лозунги. Он знает эту свою сильную сторону, гордится ею.

В бронированном спецпоезде есть гаражи для пяти блестящих «Ролс-Ройсов» и «Руссо-Балтов» при водителях в крагах и кожанках. При необходимости автомобили быстро скатывают на перроны вокзалов по широким деревянным сходням под хриплое матросское: «Полундра!».

В должности начальника «политпросвета» штаба армии по пыльным, высохшим без дождей улицам Свяжска трясётся с далеко не военной статью, в фуражке чуть не до ушей и Михаил Виталь, с ещё более выступившими жилами на тонкой шее, при ремнях, хромовых сапогах и посматривает из-под очков так же колюче, непримиримо и даже надменно, как посматривает сам Лев Давыдович. Они чем-то похожи друг на друга: худощавые, нескладные, интеллигентного вида, беспринципно-настырные от сознания своего повседневного житейского неумения и от вечного зуда и желания показать свою исключительную состоятельность перед другими. Контрастен только цвет волос: смоль и рыжина.

Красив Богородице-Успенский монастырь, навис белыми толстенными звонницами, позолоченными куполами над машинным кортежем большевистского начальства.

– Чего они воют? – спросил Лев Давыдович, оборачиваясь на заднее сиденье к Виталю. Из сводчатых открытых окон монастыря доносились нараспев гудящие и проникновенные слова молитвы. Десятки басовитых, слившихся голосов...

– Шлют анафему новой власти, – усмехнулся Виталь. – Попы нам добра не пожелают...

Троцкий заблестел угольками глаз, скривил губы, как от зубной боли (губы у него посочнее, поплотояднее полопавшихся от ветра витальевых губ!), вскочил на ноги, взявшись за верхний край лобового стекла.

– Стой! – заорал он вышедшим из главного притвора с колоннами по бокам трём прихожанкам в вылинявших платочках с заплетёнными под ними косами. Те, поражённые устрашающим видом машин с пулемётами на задках и звонким, не знавшим сомнений голосом какого-то всклокоченного человека, послушно остановились.

– Я – главный командир Красной армии Лев Троцкий! Я объясню вам всю отсталость вашего поведения, освобождённые от царского и поповского гнёта граждане Свяжска!

Но внутреннее кипение не дало, выплеснулось, заставило его сразу перейти от долгих объяснений к сути:

– Вот здесь вот, на месте вашего монастыря, мы поставим памятник первому революционеру, восставшему против Бога – Люциферу! От предрассудков, чумной ереси мы не оставим даже фундаментов!

На паперти теперь было много сумрачного, молчащего народа, оторвавшегося от алтаря, икон, горящих свечей, от молитв и проповеди. Хорошего они не ждут, время такое...

– Железом калёным выжжем монастыри и всяких святош-мракобесов, пришлём взрывников!

Религия, особенно православная, с блеском поповских риз, благочестивостью правил, принципами всетерпения, сострадания и золочёными куполами заметных отовсюду величественных церквей, Троцкому была люто ненавистна. И даже не потому ненавистна, что учила людей довольствоваться обычной жизнью и мешала продвижению к «мировому светлому будущему», мешала обществу «бурлить», а почти физиологически, не всегда осознанно-слепаще, дико и прирождённо. За внешней пламенностью его речей и поступков наблюдательный человек мог угадать некую механистичность, арифметическую скрупулёзность, пропущенную только через рациональный ум, но не через разноцветие душевных качеств. Они, душевные качества, либо есть у человека, либо их нет. Евнух турецкого аги любит красотою женских тел, как оценщик, как знаток, но чувства любви ему не дано...

По куполам прошёл мгновенный, пугающий отблеск, светлее их позолоты, и тут же в небесах словно раскололи сухое сучковатое полено с раскатыстым, оглушающим треском. Крупные капли дождя ударили в пыль густо и неожиданно. Туча незаметно напоззла из-за высоких колоколен монастыря.

Знойными днями, напившись густыми испарениями из рек, озёр, грозы возникают локально, часто при ясной голубизне за краями курчавящейся кудели, а то и при солнце – «слепой дождь». За городом, в степи, редкие мётчики с граблями и вилами посматривают из-под ладоней за движением народившейся тучи и спешат завершить начатый стог: не дай Бог, промочит высухшее, шуршащее сено, надо будет снова сушить его и перекладывать! Полюнь перед грозой пахнет горько и одуряюще. А в городе уже стучат капли по крышам и листьям насаженных пирамидальных тополей.

Порыв ветра пригнул деревья в церковном ухоженном дворике с каменными крестами могил и выложенными дорожками. Матросские ленты в задних машинах оторвались от широких спин и затрепетали. Опять громыхнуло.

– Знак Божий... – сказал кто-то из вышедших на паперть. И слово это зашелестело цепочкой, от человека к человеку, по всей толпе.

– Знак Божий...

Люди молча, безропотно, прячась под узкими карнизами храма от начавшегося дождя, стали расходиться. Над головами раскатысто рвало, заглушая призывающий к революционной сознательности голос Льва Давыдовича. Капли стучались теперь об опустевшие ступени паперти и разлетались в мелкие, совсем крошечные осколки. На секунду выглянуло солнце. Разлетающиеся брызги вспыхивали тысячами маленьких оранжево переливающихся радуг. Казалось, что камни паперти схватились неопалимым, потусторонним светом. Похожим бывает перед святой Пасхой в далёком святом Иерусалиме схождение «благодатного огня» к паломникам. Зажигаются в толпе сами собой сотни факелов, не опаляют... Но солнце быстро спряталось, сделав опять окружающее серым и напряжённым. Только одинокая фигура старухи в заплатанной, бедной кофте осталась стоять у колонны. А может, и не совсем старухи? В России люди

от привычной нужды и работы стареют рано – к сорока годам. Известно ж выражение классика: «Вошёл старик сорока лет»...

Троцкий не снизошёл бы до старухи вниманием, но захотелось узнать, от его ли речи, или действительно испугавшись грозы разбежались люди. У него с митингов ещё не убежали...

– Вы что, грозы не боитесь? – спросил Лев Давыдович и стряхнул ладонью с рукава брезентового дождевика, заботливо наброшенного Виталем, капли влаги.

Старуха не побежала следом за другими, как следовало ожидать после сердитого вопроса, а, наоборот, стала приближаться к Троцкому. Не было в её подагрических шагах ни вызова его пугающему, злему могуществу, ни желания как-то выделиться в своей уже бесчувственной, высохшей жизни. Скрюченные полиартритом пальцы спокойно держались за кончики глухо повязанного платка. Глаза смотрели блёкло, без подобострастия и почтения. В них угадывалась глубокая внутренняя сила убеждённости, разбавленная укором:

– А я хочу посмотреть на того, кто заставляет нас дьяволу поклоняться... Люциферу.

Все замерли в напряжении, возобновившийся дождь перестал замечаться. С лица Троцкого, словно пыль ветошью, смахнуло мимику надменного превосходства.

– Выше воли Бога себя ставишь, чучело в галифе... Да разве ж ты зажёт звёзды на небе? О смерти забыл, а будешь, будешь перед главным престолом ответ держать, никуда не денешься...

Матросы будто сейчас заметили лишённую солидности и военной стати фигуру Давыдовича в коробящемся дождевике и расплылись непонятно кому адресованными (бабке или предреввоенсовета?) усмешками – в любом случае настораживающими.

Троцкий когда-то сам испытал на себе ураганную переменчивость их настроений. Тогда вместе с балтийцами пришла в революционный Петроград пугающая, парализующая слава Кронштадта, уже залившего булыжные мостовые кровью расстрелянных адмиралов и офицеров. Бескозырки на левой брови, гранёные штыки винтовок на ремнях выше голов, начищенные бляхи... У Таврического дворца сидел в машине арестованный ими глава эсеров Чернов. Путь для него намечался один: «за город». И «ужалился шершнем» без того возбуждённый своими предыдущими речами Троцкий, кинулся сухой грудью на капот, раскинул руки:

– Вы – краса и гордость русской революции!

Он-то знал, что любой самосуд лишает вождей личной власти... Закон должен служить тем, в чьих интересах он создаётся.

Так и вошло в известность именно от Троцкого пошедшее выражение: «Краса и гордость русской революции»...

Закончил Лев Давыдович панегирик, славящий флот, неожиданной фразой:

– Вы свободны, гражданин Чернов!

И матросы расступились, ошарашенные неожиданностью и горячностью натиска. Умел Лев Давыдович ошеломлять и рисковать... Но каждый раз под машину не прыгнешь. Пугающая отчуждённость почувствовалась сейчас в усмешках матросов его охраны... Старая карга в них разбудила что-то глубоко-крестьянское, далёкое от кровавых пересмотров устоев жизни...

Старуха, чёрная как монахиня, уходила, ни в каком и ни в чьём разрешении не нуждаясь, свободная и равнодушная, выше всех мирских понятий

о власти, и славе, и роскоши. Да и не было в её жизни никогда испытания ни славой, ни роскошью. Лев Давыдович со своей цепкой предусмотрительностью поспешил перевести унижающий его инцидент в насмешливо-издевательский фарс и сбить нежелательное впечатление. Он вытянул руку выше головы, на проёмы колокольні:

– Дайте по Богу очередь!

И сел в ожидании оглушающего и частого треска выстрелов.

С задней машины неприятно и резко, по ушам, застрекотало. Вздвигнувшись из коробки, патронная лента прошла десять ячеек, делая их пустыми... Вспузырились серо-бурые фонтанчики штукатурки и кирпича. Несколько пуль, залетевших в открытые проёмы звонницы, попали в главный толстостенный колокол и с визгом куда-то срикошетили. Колокол загудел бронзой сердито, на басах, словно спавший дед, потревоженный непослушными и дерзкими внуками. Старуха не прибавила шага и даже не обернулась... Вода её жизни уже высохла по определению самой природы, и невозвратно, а стоит ли человеку жаждать невозвратимого? И что сделаешь с человеком, прошедшим свой путь?

Троцкий с досадой махнул рукой:

– Закройте, наконец, верх! Капает...

Шофёр быстро выскочил и сноровисто натянул кожаный тент, до этого откинутый на задок «Ролс-Ройса» сложенными большими мехами гармошки, как на фаэтоне. Дождь прибил пыль и уже кончился...

– Вот, «политпросвет», много тебе ещё предстоит работы... – повернулся к Виталю усевшись удобнее Троцкий: – Тёмный и отсталый, не как в Америке или Европе, народ... Хотя для революции самый пригодный... Бестолковый.

– Ничего... Будем всеми средствами и силами менять его дремучую природу на передовую, товарищ Троцкий, – согласился Виталь.

Машины отъехали, а колокол ещё долго звенел, теперь уже протяжно, затухая, словно предчувствуя безрадостность наступающих для себя времён.

Уж не стало сброшенных активистами седых колоколов, кладками кирпича серели в ризницах прогалы вместо удалённых священных образов. Теперь на Волгу пришли сталинские гидростроители и затопили не только монастырь, но и преобладающую часть самого Свяжска, оставив от него лишь небольшой посёлок.

Есть ли для вождей общечеловеческие понятия добра и зла или только свершения? Наверное, есть, но только тогда, когда понятия эти существуют в миллионах и миллионах человеческих умов, душ и понуждают вождей следовать добропорядочной логике большинства, если действительно у этого большинства есть логика добропорядочная, а не разбойная и отпущенная. После расстрела в ипатьевском доме на Урале закончилась царская династия... В Ипатьевском монастыре началась 300 лет назад, в ипатьевском доме кончилась.

Кроваво, разрушающе внедрялся Социализм. Действенность гуманных методов в таких сумасшедших условиях сомнительна. За гуманизмом всегда коварно прячется привлекательная, но быстро дурнеющая харя разрастающегося хаоса. Средством остаются болезненные, жёсткие инъекции, когда кожа от уколов трещит и съживается. Это и наказание заблудшим за дурь и каннибальские проявления. Но так ведь оно и будет в истории... Таковым и получился житейский результат перемен и революций.

7.

На Царицынском фронте Сталину пришлось лично принимать участие в атаке одного из бронепоездов 10-й армии (Ворошиловской). В узкие щели командирской рубки видно, как впереди, из знойного колышущегося марева, надвигается степная станция с водонапорной башней и низкими жилыми домами. В тесном раскаленном пространстве железной коробки серой пеленой сгоревшего пороха заглушило табачный дух его трубки. В защитной фуражке, с обвисшими усами и проступившей на щеках щетиной, в тяжёлых, отнюдь не кавказских, сапогах Сталин, казалось, не обращал внимания на поднявшуюся в голубизне слегка парящего горизонта цепочку посверкивающей, трескучей шрапнели. Даже красиво!

Мимо, куда-то к центру состава, по коридору пронесли на носилках раненого с лицом, исковырянным железной окалиной, а тот положил ладонь на грубо намотанную по глазам покрасневшую повязку и обеспокоенно спрашивал:

– Я видеть буду? Видеть...

Его тащили и молчали в ответ...

Филином ухало на приближающейся станции. В обстановке боя, напряжённой, сосредоточенной и слегка возбуждённой, представитель Царицынского фронта казался невзрачным сфинксом с задатками проступающей величавости, отделённым от всего происходящего какой-то потусторонней отрешённостью, о чём-то думал своём. Сухие губы упрямо посасывали привычную трубку, поглощая в лёгкие уже не столько горечь приволжского самосада, сколь пороховую гарь. В этот гудящий, грохочущий колёсами и выстрелами момент атаки он старался понять и прочувствовать самую печёночную суть войны. В чём же её иррациональная, но такая живучая основа, на каких струнах человеческих душ и характеров война плесневеет, расплзается? Обтрёпанные полы длинной сталинской шинели колыхались с вагонным полом и задевали грубые доски снарядных ящиков...

Стрельба смолкла, и свежий воздух из амбразур уже вентилировал вагоны...

В его жизни переплеталось всякое: и нищета детства, и величие созидательной зрелости; и понимание нечаевского «Катехизиса революционера», и своеобразная, какая-то не совсем каноническая, религиозность поступков... Он объявлял безбожные пятилетки и открывал закрытые прежде храмы... Как объяснить такие противоречия? Сменой настроения, лисьей извилистостью проводимой политической линии, вселенской, непрекращающейся борьбой Бога и дьявола? Питательную почву войны Сталин пытался понять всегда, до самого скорбно-торжественного орудийного лафета с цветами и гробом на улицах Москвы...

Почему она, разрушающая, страшная и ненужная, всё-таки находит поддержку в стремлениях разных, в том числе и достаточно умных, окультуренных, людей? По Марксу, по Ленину, только экономической целесообразностью, её не объяснишь... Да и какая тут целесообразность? Рушить созданное! Скорее всего, человек своим корыстным помыслом, дурной нравственностью её, наверное, и питает. Духовно питает, вопреки здравости! Война – наши пороки. Кому слава, кому пожива, кому прикаянность у полкового котла, пусть походная, временная, но греющая – а всё вершит, в конце концов, смерть...

За одну атаку в бронепоезде нутро войны не понять... Объёмнее и доходчивее масштаб людской трагедии и вся её горькая изнанка, обезличенная многочисленностью жертв, приоткрылась Сталину через два дня на

просторной полевой поскотине, устланной трупами, как жито снопами. До самых чернеющих на дальнем краю ракитников... Много жертв – уже статистика. Меж трупов сиротливо ржали осёдланные, не разбежавшиеся без хозяев кони. Их приманивали, шурша овсом в торбах, ловили за распущенные поводья уже освободившиеся от безумных ощущений кровавой сшибки люди.

– Тпру... пру... ру...

Здесь двумя лавами сошлись полки дивизии Будённого («Красного Мюрата») и полки конницы генерала Мамонтова.

Слово «рубака» в кавалерии не красивый эпитет, а профессиональная оценка. С сабли «подвысь» бьют, как степные кобчики с лёту, только самые сильные и опытные наездники. Чаще саблей дотягиваются, колот. В тесноте и пыли стычки осторожные кони не могут извернуться и повреждают калёными копытами упавших. Много черепов было разбито именно копытами, а не клинками.

Сталин окинул взглядом безмерность степи и безмерность трупов. Недалеко от ног лежал бородатый казак с вывалившимся на цепочке крестиком, а поперёк него – парень, почти подросток, в нелепом для кавалериста пальто, перепопоясанном ремнём с пустыми ножнами. В воздухе уже витала атмосфера наступившей успокоенности, пока ещё не перешедшая в атмосферу осмысленной радости от продления жизни. Лёгкой дрожью подрагивали пальцы. Люди, успокаиваясь, бряцали уздечками, несли с близкой бахчи большие, прогретые солнцем арбузы к тачанкам, что-то негромко обсуждали...

Казалось, сама летняя, роскошествующая природа дула в трубы и кларнеты над полем «вечно уснувших» не прославляющие и торжествующие марши героев, а какие-то устало-равнодушные народные напевы, готовые вот-вот перейти в частушки, вливающие дикие, озорные силы. На войне без быстрой, веселящей частушки людям губительно: от дум усохнешь...

Дико и хищно щерясь, в красных суконных галифе, ремнях, весь напряжённый и ладный, с ногами кривыми под седло, как у большинства кавалеристов, Будённый торжествовал:

– Как мы их – через пень... Не дали Мамонту флангу прорвать!

– Столько людей копытами потоптал, Семён... – угрюмо глянул в сторону удалого комдива Сталин.

Будённый с удивлением уловил в его словах что-то похожее на укор и заглушенную боль, ещё больше очерился под пышными усами:

– Я ж в бою, а не в расстреле... По совести.

Но списывается ли войной греховность чужой крови? На ком-то этот грех, наверно, остаётся...

Через много лет на даче престарелый маршал будет угощать солдат в караулке яблоками из своего сада:

– И караульным оставьте, сынки, сменятся – покушают...

Любил маршал скрасить старческое увядание разговорами с молодыми солдатами, был добр к ним... Слава, звания не для того ли служат, чтобы как-то сгладить усиливающееся с годами чувство тоски по тем, своим и чужим, оставшимся на полях прошлого? Тогда маршал был ещё лихим командиром дивизии Семёном, подчинённым у командира корпуса Думенко, и, эх, гулял! Кавалерия уходила в духмяные, прокалённые степи и пела погромче:

– Кукушка лесовая нам годы воро-о-жит,
А пуля роковая нам годы коротит...

Будённый сам увлечённо и лихо растягивал меха тальянки, раскачивался в седле. Уходила кавалерия дальше в рейд, оставляя до белизны костей выветриваться незарытые трупы, рейд не терпит промедлений. Захоронят если местные, ладно. Пыль за конями долго просвечивается солнцем, клонящимся к горизонту. Всё затухая и затухая, слышится:

– Кукушка лесовая нам годы ворожит...

А там сабли звякнут вновь. Материнское горе не станет меньше от того – в бою, в постели или по приговору сгинули сыновья...

У Сталина война другая, совсем бесчеловечная и бесчувственная. Истуканский характер надо иметь, чтобы на его войне не выгнуть нутром, не потерять людских понятий, не стать человеческой оболочкой. Может, шаманское посвящение делает душу бывшего поэта нечувствительной к горю, или уроки тяжёлой ссыльной жизни, или природные задатки? Скорее, всё это в нём сплывилось и всё в нём борется... Как добро и зло во Вселенной.

Вместе с двумя крейсерами и эсминцем среди серебрящейся Волги на якорях стоит большая, чёрная (цвет морального подавления!) баржа, превращённая в тюрьму. Тут чёрное никогда не красится светлым. Ночами слышны выстрелы, там топят и беспощадно расстреливают всех истеричных, всех бандитствующих, всех непокорных. И не только...

«Лес рубят, щепки летят» – тогда вызрело. Уже уравниены человеческие головы и щепки. И в зной – морозец по коже от таких подходов. Власть виновность наказывает не только по факту, но и на опережение, не ждёт проклёвывания. Иное для власти – гибельно. Ещё Калигула жёг корабли со своими подчинёнными в трюмах на римском озере Неми, чтобы утвердиться в своём величии и божественной власти. Покорных жёг, согласных... А тут борьба идёт с обеих сторон жестокая.

В трёхэтажном каменном особняке бывшего горчичного фабриканта в центре Царицына расположился реввоенсовет 10-й армии. Глава ЧК Червяков обеспокоенно склонился к Сталину:

– Солдаты отказываются расстреливать сыновей инженера Алексеева, подозреваемого в заговоре. Его мать была в своё время известной революционеркой-народницей...

Ни один лучик сомнения не размягчил лицо Сталина.

– Считайте, что она курвой была. Это не Плеханов, не Ленин разгромили народников идеологически в конце прошлого века, а сами крестьяне поперли их из деревни вместе с их любезными теориями. Объявите солдатам, что арестованы дети генерала Алексеева, а не инженера...

Бывшего царского начштаба Алексеева солдаты ненавидели, столь памятна им была большевистская оголтелая пропаганда и трудности Империалистической. Винтовки, вскинутые обманом, теперь не дрогнули. Мальчиков 14 и 16 лет расстреляли. Дети за отца не отвечают – выдуманный миф. Жизнь есть лишь некий физиологический процесс между темнотой начальной и темнотой конечной. А если действительно после смерти есть продолжение, то и вообще нет смысла цепляться за преходящее. Не потому ли Сталин сам на старости лет в повседневности часто обращался за помощью не к медикам-профессорам, а к майору охраны, когда-то практиковавшему ветеринарию? Будто усмехался в усы над человеческой непреодолимой тягой к невозвратному.

Он ещё участвовал в боевых кампаниях (Красная горка под Петроградом, Львов, Крым...), но в непосредственное боевое соприкосновение, кроме Царицына, больше не вступал. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» – это ведь неправильное, по сути, суждение. Именно

со стороны и видит бой настоящий стратег, а чаще – совсем не видит...

По уставу даже командир полка не должен идти в первых рядах атакующих. Практически это будет значить, что он сперва завёл полк в авантюрную безысходность, а теперь бросается поправить положение одним своим пистолетиком, забыв про управление орудиями, пулемётами, массой людей. И до поэмого Васи Тёркина рассуждали окопники: а чей погон тяжелее, пустой или генеральский? Разница действительно большая: рядовой отвечает за личное умение, а генерал – за войну. И подавляющая часть человечества, скорее всего, даже представить себе генеральской ответственности не может.

Во время Отечественной войны Верховный главнокомандующий почти не выезжал на фронт и не сидел, как Гитлер, в специальных прифронтовых бункерах, не имел походной ставки в Могилёве, как некогда свергнутый царь. Инфантильные умники обвиняют его за это чуть ли не в трусости. Каким подарком была бы для немцев гибель Верховного главнокомандующего, сколько готовилось ими безуспешных покушений (и Тегеран, и Ялта, и «панцеркнапе» Гаврина...)! А достаточно было одного покушения – успешного! Сталин не мог не сознавать, что полезнее живой, а не лихо атакующий, как «красный маршал» Ворошилов под Пулково. Это – уже безысходность! Гитлер высказывался, что не Черчилль, не Рузвельт, не де Голь, а именно Сталин наиболее достойный для устранения объект, могущий смертью изменить ход истории.

На фронте, под Ржевом, Верховный принёс немало специфических забот и Берии, и начальнику особого отдела «Смерш» Ивану Серову. Для обеспечения секретности была прекращена всякая радиосвязь с нелегальными резидентурами за линией фронта, под Ржев отправили три эшелона охраны, под разными предлогами в штаб фронта были вызваны все оперативники Особых отделов. И всё внезапно, всё в спешке... Заранее в свои планы Сталин никого не посвящал, считая неожиданность лучшей формой конспирации. В разбитом городе для него не могли найти более подходящего жилья, кроме крестьянского дома на окраине.

– Беда с водопроводом... Туалет только во дворе, там же и умывальник... – извинялся Серов.

– А где, по-вашему, оправлялся товарищ Сталин в морозном Туруханском крае? В тёплом туалете? – вырвавшись из кабинетных стен и канцелярской обстановки, слегка взбудораженный близостью фронта и непонятных зарев на горизонте Сталин был в хорошем настроении. Наиболее приемлемая моральная и деловая среда ощущалась им здесь...

Утром Верховный позванивал краником жестяного рукомоЙника, прикладывая к лицу накрахмаленное вафельное полотенце. Неподалеку он заметил двух парней из охраны в одинаковых коричневых плащах и кепках с полуквадратными козырьками.

– Это кто? – спросил Иосиф, не отнимая полотенце от лица и пока не поворачиваясь ни в их сторону, ни к Серову.

– Охрана, товарищ Сталин... – Серов в замешательстве кашлянул.

Верховный медленно повернулся, на побледневшем лице оспинки стали заметнее, глаза – щёлочками:

– Это – не охрана... Это намеренная дешифровка объекта, то есть меня, руководителя государства... Этих заgrimированных остолопов любой лазутчик увидит за версту и сообщит в свой центр. В лучшем для нас случае, нашьют авиацию, в худшем – выбросят десант для захвата... Хочешь захваченным курёнком быть? Убрать их немедленно!

После завтрака он убедился, что вокруг дома никого нет, кроме караульного взвода автоматчиков, и, удовлетворенно усмехнувшись, сказал:

– Ну вот, эти меньше выделяются на фоне прифронтовой картины... И запомните, что в деле охраны важнее не яркий маскарад и многочисленность, а незаметность. А вечером поедем ближе к передовой...

Очень полно сумел Верховный олицетворить в своём имени борьбу, народ, государство! И неизвестно, что стало бы без такого олицетворения. Глуп тот, кто считает, что на Новгородском вече (уж демократичней не бывает!) можно было решить вопросы строительства заводов, оценивать производственные возможности, высчитывать необходимое количество танков, самолётов, планировать стратегические операции. Невозможно такое без специалистов, без управления, на одном неизвестно как вспухшем порыве. И порыв этот кому-то надо готовить, организовывать, и цели ставить... Наверное, и на Новгородском вече какой-нибудь «грамотей» под «личную ответственность» высчитывал в накладных бумагах количество коней и копий для войска...

Только тогда, когда Сталин с Ворошиловым безжалостной волей и огромным, греховным насилием над собственными душами навели относительный порядок на левом фланге южного фронта гражданской войны, желчный журналист Троцкий, успевая писать не только приказы о наступлениях, но и пылкие призывающие статьи, фельетоны, через Ленина выбросил обоих из Царицына в Москву. И отставленный от 10-й армии лихой Ворошилов писал опровержение в «Правду» на материал о его царицынских кутежах и матерился над ненавистным «крючкотворством»:

– Что ж, если я командарм, так уж и пальцем деланный, твою мать! Ну и пил! Ну и с бабами гулял, вприсядку плясал и морду бил...

А в конце опровержения заключал всё же, вопреки логике, что всё это «брехня контрреволюционных элементов». Правду каждый, и конокрад, и пастух, понимают неодинаково, со своих интересов. В частности, и за эту «брехню» непокаявшийся троцкист Сосновский, тогдашний редактор «Правды», потом подвергнется пыткам и допросам, которых близко в царских централах не испытывал. Тут дело не в присядке, а в «расейском размахе жизни», в нежелании подчиняться чужому, удушающему порядку и чуждой эрудиции. В подсознательной памяти миллионов цепко хранятся хмельные танцы и прыжки в скифских штанах у степных костров. Сталину, Ворошилову те степные костры ближе и понятнее, чем чужаку Троцкому.

В обтрёпанной солдатской шинели на одной из станций Сталин вылез из встречного поезда и пошёл в салон-вагон Троцкого: его отзывали в Москву, а предреввоенсовета Красной армии ехал, наоборот, в Царицын. Остановились... Вошёл Иосиф тихо и даже любезно.

– Мне нужен надёжный левый фланг Южного фронта, и я любой ценой подчиню ворошиловскую компрадорщину, этих портных, рабочих, этих разложившихся солдат, ищущих лишь воли и куска хлеба, центральному реввоенсовету! Идея выше вольницы! – среди мягких диванов и расстеленных на столе оперативных карт надменно кипятился Троцкий.

Сталин молча противопоставлял всемогущему председателю свою... трубку. Посасывал её мундштук, задумчиво пыхал дымом. Покурить зашёл, как мужик к соседу на посиделки?

– Они хорошие ребята. На кого ж мы в Царицыне обопрёмся... – только раз и возразил он.

Троцкий привскочил на носках командирских сапог, вскинул руку, напористый и всё равно нескладный:

– Эти хорошие ребята погубят революцию, ещё до того, как выйдут из ребячьего возраста! Кого-то точно выгоню из Совета фронта, но Царицын будет включён в Красную Россию, а не в абстрактную, самовольную ворошиловскую республику. Поняли? Нужен надёжный фланг!

Но оба понимали, что дело не столь во флангах, сколь в разнице нравственных подходов и настроений. Если Ворошилова можно было считать народным, то Троцкого чьим? Присадит Иосиф Виссарионович через десяток лет Троцкому звание антинародного и купит для него столь же беспощадный, острый, как его бывшие памфлеты и дела, ледоруб...

В его семинарском детстве откуда-то из-за Куры на волах с потёртыми ярмом шеями привезли в центр Тифлиса клетки с кенгуру, гризли, обезьянами... Составили тяжёлые повозки зверинца военным лагерем чешского Яна Жижки недалеко от цирка шапито и калачного рынка. Часто ветерок доносил до прилавков с румяными пирогами запах близких звериных лежбищ. Околоточный надзиратель с большой револьверной кобурой на боку и полицейской «селёдкой» в ножнах успокаивал жалующихся покупателей:

– Когда же вы, иверийцы, настоящей культуры наберётесь? Пахнет вам! Сыр «Пармезан», французский, ещё не так пахнет, его в навозе специально выдерживают... Через то и ценен!

Глиняные кувшинчики крепкой чачи и кругляши лаваша с гроздьями созревшего винограда, оставленные в уютных углах и цирка, и зверинца, были его мздой за такое заступничество...

Владелец зверинца в красной плисовой рубаше, перетянутой тонким кавказским ремешком с кошелём на пупу, в сафьяновых ичигах и шароварах метался, гремя собранными пятаками, от прохода до дальних клеток. Иногда, когда народу скапливалось побольше, он подходил к посетительнице, поколыхивая своим объёмным животом:

– Разрешите вас обнять...

Горянка, протестуя, закрывала тёмным платком лицо.

– Ради научного эскрэманта, – говорил он и притягивал растерявшуюся посетительницу к своему объёмному животу.

Рыжий бабуин в соседней клетке начинал вытягиваться в рост, скакать на задних лапах к потолку и озлобленно, громко верещать, острые, бритвенные зубы щерились, выказывая воинственную норовистость зверя. Короткая шерсть на его загривке по-собачьи вздыбливалась. Владелец зверинца разжимал объятия, женщина сердито и молчаливо отталкивалась от колыхающегося живота. Рыжий бабуин тут же успокаивался и садился. Владелец зверинца поворачивался к другой посетительнице и так же, против воли, прижимал её к себе.

И опять бабуин взвивался к потолку, яростно клокотал.

– Ревнует! – радовался владелец и в меру своей относительной грамотности развивал осмысление факта дальше: – Дарвин прав! Бабуин ревнует! Наглядное подтверждение теории эволюции... Это наше кыровное родство так играет и биспокоит этого примата.

В этот раз он больше адресовал свои «эскрэманты» небольшой группе семинаристов, в синих перепоясанных косоворотках, брюках навыпуск, пришедших с преподавателем на воскресную прогулку в передвижной зверинец: не тому, мол, вас учат попы с кадилами. Теория Дарвина завоёвывала не только европейские умы, но, разносимая множеством разного рода прогрессистов, ссылаемых сюда ещё с лермонтовских времён, уже давно пришла и на вольный, не столь обременённый отвлечёнными философиями Кавказ, отодвигая извечные понятия о божественном происхождении человека. И

преподаватель, с цивильной бородкой клинышком, в жилетке под пиджачком, интеллигентный, внимательно и быстро взглянул на приведённых за собой ребят, оценил: ничего, уже взрослые, поймут. Принял вызов:

– А есть, милейший, у твоих зверей девственная плева?

Какой-то нетрезвый зурнач с зачехлённой дудочкой на пояске озорно очерил пропахший чачей кривоzubый рот:

– Попался, растлитель. А то всё Дарвин виноват...

Женщина, только что освободившаяся из объятий толстого экспериментатора, досадливо плюнула в пыль, перемешанную с ишачьим помётом, и не пошла, а быстро засеменила подальше от стыда, к выходу. Каблуки её праздничных ботинок замелькали из-под длинной, до земли, юбки. Она спешила и сплёвывала:

– Абреки некрещёные... Тьфу!

– Плэва... Нету плэвы. Зачем она зверям, плэва? Зачем курице плэва, если пэтуху висё равно! – изумился владелец.

– И правильно... Только людям присуща нравственность. Зверям она не нужна... Не перешагнула тут грань модная теория и не перешагнёт. Где звериное, а где духовное... Ревность – чувство, а твой обезьян просто в... инстинкте. Есть же разница... – и преподаватель с достоинством повёл семинаристов дальше.

Может, с того случая семинарист Сосо философски задумался над сущно-стью человеческой нравственности? Мешает она, помогает? Нищета, тюрьмы, казалось, тянули Джугашвили в непроглядное, дикое, ограниченное болото низких поступков и пониманий, а эта самая, присущая только человеку, нравственность вытягивала, заставляя думать об общественном переустройстве, писать стихи, решать немалые задачи... В принципе, на свете есть два закона: один Божий, от природы; другой, созданный людьми для сплочения едиными правилами тысяч и миллионов различных человек, искусственный. Первый основан на врождённых понятиях нравственности, второй – на параграфах и правилах выработанного практического бытия. И какой главнее?

Дряхлый и растленный уголовник, убивший по нищенской необходимости молодого кенто, в камере с зарешеченным окном спрашивал Кобу:

– А ты, Иосиф, как хочешь, чтобы тебя судили, по совести или по Закону?

До сих пор в парковых комнатах смеха используются гнутые венецианские зеркала, некогда редкие, заморские и дорогостоящие. Изображение в них ломается, перетекает одно в другое, лица, руки, ноги то вытягиваются, то полнеют, то укорачиваются. Потеха посетителям... И два основных закона жизни часто соприкасаются понятиями, границами, но никогда закон параграфов и статей не должен бы главенствовать над божьим, являющимся оригиналом для всех побочных правил. Только редко так получается. Условностей за века выработали много. Гляньте только на прокурорские столы с пухлыми томами... И всё в них – сочинённые параграфы, а не вечные образцы.

Ничего не ответил тогда старому каторжнику будущий вождь. Не ответил бы ничего и позже, даже с высоты достигнутого неоспоримого положения. Слишком часто пришлось нарушать ему закон нравственный ради законов искусственных, ради сохранения власти и государства. И всё во благо, и всё – во дьявольское искушение! Как выберешь?

Красноречив пример последнего царя, потерявшего семью, трон, мощную империю из-за нежелания преступить закон нравственный, под-

чиниться дьявольскому закону необходимости, проявить жестокость. Нравственный закон за царя преступили солдаты, прекратившие войну самостоятельно, без всякого учёта политических и экономических выгод России. Чем не урок будущему вождю? Государство, как тройка, им тоже надо управлять, не отпуская вожжей...

Из тамбура соседнего вагона вслед уходящему Сталину смотрел Виталь. Не окликнул, не поздоровался. Хотя годы совместной ссылки должны бы сблизить не меньше кровного родства. Но здесь – политика, война... Здесь не в удобном взгляде уже опасность: похоже, что линия Троцкого у Ленина побеждает. Не отозвали бы иначе Кубу... Зачем показывать какую-то близость с этим молчаливым, непонятным, да и вовсе не столь уж желанным, грузином? Шуршала галька под сношенными каблуками... Смотрел Виталь вслед ему глазами безразличными, чуть презрительными. Если б мог предвидеть... Если б знал, что судьба будет невольно увязана с волей этого человека, то, наверное, сейчас выказал бы хоть какое участие уходящему. Позвал бы, напомнил бы о совместно прожитых на Енисее годах...

Ветер разносил по степи лёгкий запах угля из топок локомотивов, подерживающих пары. Прорезь на спине шинели Кубы, выше хлястика, равномерно, играя в такт шагам, сходилась и расходилась. Зачем приходил, что хотел увидеть? Кто ж его поймёт... Но что-то в душе отложил, унёс.

8.

– Побольше ситчика... – пожелал награждённому Михаил Иванович и приколот бледными, подрагивающими от старости руками на вельветовую толстовку Виталья орден Трудового Красного Знамени. В отличие от художественных представлений в Большом театре, здесь не было любимых и нелюбимых артистов, здесь всем хлопали одинаково, громко и азартно. Руководители делегаций предупреждали подшефных ещё в вестибюле:

– Вы руку-то Михаилу Ивановичу не давите, не кайло... Вас много, а он в годах.

Виталь так и не понял, почему «Всесоюзный староста» каждому шахтёру желал в работе «побольше ситчика». Пролетарского поэта-трибуна Маяковского Виталь не читал и про его стихотворно-плакатное «побольше ситчика нашим комсомолкам» просто не слышал.

Калинин мельком уловил в нём нечто родственное и отличное от большинства. В зале собрались одинаково весёлые, одинаково здоровые, наработавшиеся и задорные люди. А тут к нему вышел пожилой человек в старомодной толстовке с пояском, со сломанными и склеенными на переносице очками, со вспузырившимися коленками неглаженных брюк. Старость болезненно-ревнива и впечатлительна. Волосы награждаемого, сохранившие первородный оттенок рыжины, слегка уязвили душу Михаила Ивановича. «А мои уж седы, хоть крась...» – недовольно подумал некогда активный и высокопоставленный покровитель молоденьких балерин. Они успели обменяться родственными и тёплыми взглядами. Годы сделали жизнь для них одинаково понимаемой и, увы, не столь уже ярко играющей... К трибуне за наградой спешил на смену Виталю улыбающийся некрасивый забойщик с зубами, выдвинутыми лопатой.

Под сводчатым потолком с лепниной, в вышине мраморных колонн, между висящих хрустальных люстр Кремлёвского зала пчелиным роем неразборчиво сплетались и гудели человеческие голоса. Внизу же, у плиточного пола с коврами дорожками, звуки членораздельно дробились, пока не взлетали и не смешивались в этот густой неразборчивый рой в вер-

пинах колонн. Люди делились впечатлениями от праздничного совещания:

– Самого что-то не было... Раньше бывал.

– У него, брат, дел, не как у нас с тобой в угольном штреке... Бери больше, кидай дальше!

– А приятней было б: сам Сталин орден накрутил... Эко как!

Большинство участников торжества потянулись в боковые двери к загроуженным пивом и колбасою столам. Обязательная часть торжества кончилась. Лишь солидничающие одиночки, в основном из шахтных контор и управлений, с показной, чиновной деловитостью направились за верхней одеждой к дубовым панелям ограждения с вешалками и важными гардеробщиками гвардейского вида. В Кремле всё, от паркета до рубиновых звёзд и гардеробщиков, должно впечатлять, вселяя в посетителей необычность момента и трепетную торжественность.

Михаил Абрамович задумчиво сделал небольшой кружок по середине вестибюля, но идти с большинством к накрытым столам всё же раздумал. Опять там будут хвастаться успехами, спорить, смеяться друг над другом и сдувать пивную пену из кружек прямо под ноги, как в донецких забегах. Троцкий был прав, когда считал, что если хочешь добиться успеха, а не подчинённости, то над массой надо возвышаться, а не подражать ей. Правда, Виталья в эти буфеты никто и не позвал. Все шли мимо. Казалось, что у большинства делегатов были свои интересы, восторги, дела, а у него – свои, почему-то казавшиеся ему самому более значимыми, культурными. Семейные гены и врождённые понятия богатых маслоделов не позволяли Виталю сливаться с этим необузданным, нищенствующим энтузиазмом послевоенных строителей социализма, не позволяли даже понять, что в условиях губительной разрухи, нужды и технической нехватки этот энтузиазм, наряду с валютой, рублями, наряду со станками, заводским оборудованием является важнейшим орудием созидания.

– Минуточку, товарищ Виталь! – с прозвучавшей в голосе привычкой распоряжаться, а не просить окликнул его незнакомый молодой майор. Михаил Абрамович сразу рассмотрел на погонах шинели синие просветы офицера госбезопасности, более тёмные, чем у лётчиков, не цвета дневного неба, а скорее – аквамарин вечернего, позднего моря.

В ответ Михаил Абрамович со внезапно проявившейся из юности кичливостью выставил перед незнакомцем ногу в белом, прошитом бурными кожаными полосками фетре:

– Чем обязан?

С царскими жандармами он мог когда-то завести издевательский разговор. Те были не только людьми долга, но и жизненных понятий, не лишённые обывательского великодушия. Нынешняя служба безопасности состояла из более запрограммированных людей, чья основная сила проявлялась не через беседы, уговоры, а через конкретные уголовные статьи и определения. С ними не поиронизируешь...

Виталь старался не показывать удивления, держаться с достоинством, но по невозмутимому лицу майора понимал, что его благородные, с лёгким проявлением воинствующего провинциализма потуги не производят на того никакого впечатления.

– Мы просим вас, Михаил Абрамович, проехать с нами, – предложил майор.

– И объяснений не будет? – поинтересовался Виталь.

– Почему же... Я уполномочен сказать, что Вас приглашает товарищ Сталин. Сам он на торжестве не мог присутствовать.

Выставленный вперёд фетр дрогнул и убрался.

– Сталин... – с невольным придыханием и удивлением произнёс Виталь. И не мог удержаться, чтобы не спросить: – А зачем?

– Мне об этом неизвестно, – всё с той же маской безучастности ответил майор.

Виталь овладел своей растерянностью:

– А, впрочем, мы были вместе в Туруханске и под Царицыном.

Ничто не дрогнуло и не изменилось в облике офицера, но Михаил Абрамович почувствовал, как в душе этого служаки его значимость сразу подскочила. Офицер стал ещё официальнее и учтивее. Тычь его сейчас в лицо грязной тряпкой, хамя ему, майор будет неизменно сдержан. Какой-никакой, а перед ним был сподвижник самого вождя, а такое в этой стране много значит... Михаил Абрамович не стеснялся во время разных митингов, собраний, при посещении руководства ловко и тонко влиять на людей чужими авторитетами и, при случае, прикрываться ими.

Потрескивающая зимняя ночь давно опустилась на кремлёвский двор. Зарево большого мегаполиса за зубчатой стеной забивало свет нарождающегося месяца и окружающих его звёзд. Ярче, виднее из двора были звёзды рубиновые, с внутренней подсветкой. Майор открыл перед Михаилом Абрамовичем звонко щёлкнувшие на морозе дверцы чёрной «эмки».

Машина провезла их освещёнными улицами Москвы, давно потерявшими приметы некогда подступающего фронта с аэростатами, патрулями и противотанковыми «ежами», протянутыми поперёк Красной площади, а потом углубилась в толстоствольный сосняк, разлапистый и заснеженный. У первого шлагбаума на асфальтированной лесной дороге с электрическими фонарями на столбах их остановили какие-то военные. Начальник караула увидел пропуск на переднем стекле, узнал майора и без лишней проволочки махнул рукой:

– Сообщили... Проезжайте.

Этот ночной заснеженный лес жил своей потаённой, напряжённой жизнью: кто-то кому-то что-то сообщал, где-то попрятались в сугробах, близких к безлюдной дороге, частые «секреты», протирались спиртом заледеневшие стёкла наблюдательной инфракрасной оптики, прорезающей любую темноту. Михаил Абрамович всегда старался быть выше обстоятельств жизни, но сейчас обстоятельства были столь необычны и непредсказуемы, что смущали его и заставляли чаще обычного двигать кадыком, сглатывая тут же опять накапливающуюся слюну. Ему и хотелось поскорее понять причину вызова, и отсрочить неопределённость возможных последствий. Три десятка лет прошло с времён их давних, немногочисленных и не столь уж задумчивых встреч и пересечений...

Михаил Абрамович и допустить не мог, что при всей могущественности, царских возможностях, многолюдном окружении, Сталин, как любой человек, может тяготиться старостью и одиночеством, что захотелось ему заглянуть в трюмо прошлого, увидеть там хотя бы тени молодости, бездумно вспомнить о былом. Ему казалось, что вряд ли этот расчётливый, практичный горец опустится до таких бесполезных, с точки зрения общего дела, сантиментов... Не каждого директора шахты он желает лицезреть. В вызове мог быть большой пугающий смысл. Нынешние времена страшны не истерикой, не угрозами, а вот такой обыденностью.

– Долго ехать? – не выдержал и спросил Виталь.

– Приехали, – будто констатировал факт, а будто и ответил на его вопрос всю дорогу молчавший майор. Фары «эмки» пятном поярче выхватили из желтизны наружного освещения крашенный зелёной краской забор. «Эмка» проехала во внутренний двор Кунцевской дачи и остановилась у каменного крылечка с двумя побелёнными снегом кустами скудной акации по бокам. Майор, козырнув, передал Михаила Абрамовича другому офицеру, из внутренней охраны, и тот провёл гостя по коридору с коричневыми панелями из карельской берёзы, вешалкой у входа, с ковровыми дорожками в просторную комнату с длинным столом, доминирующим над всей гостиничной обстановкой. Вокруг стола стояли стулья с высокими спинками. В углу на лакированной тумбочке отливала цветочками пустая фарфоровая супница с черпаком и тарелками рядом.

Михаил Абрамович не мог знать, что именно здесь поздними вечерами, после угнетающих и просторных кабинетов, после трибун и митингов собираются обсудить дела и повеселиться самые приближённые к вождю члены Политбюро. В этой зале Сталин старается со своей дьявольской пронизательностью проникнуть в их самые сокровенные мысли и настроения, развязывает им водкой языки, веселится и находит в этом спасение от окружающего его одиночества и непонимания. На этой даче Хрущёв, багровея бородавками на лице, приседал в гопাকে до пола всем тучным задом:

*– Гоп, кума, не журыся,
Туды-сюды поверныся...*

И всегда серьёзный, сумрачный еврей Каганович (его приглашали редко, не умел веселиться от души!) пристукивал ладошками, подпевал Хрущёву по-украински:

– Поверныся...

Когда-то член военного Совета Украинского фронта Никита Сергеевич в целях поднятия воинского духа привёз в штаб для командующих армиями и других генералов расшитые украинские рубашки на оперативное совещание:

– Наши, знаете, ударницы-ткачихи вам дарят... Во внеурочное время шили, сверх нормы, знаете. Для победы!

И генералы усмешками отвечали на такую заботу:

– Как только начнём на Киев наступать, вместо кителей перед войском наденем рубашки, Никита Сергеевич...

Что ещё скажешь представителю ставки на такую заботу о расширении днепровских плацдармов?

Старался Никита Сергеевич и в пляске... Не за то ли потом вынесет из мавзолея, ночью, со срезанными на кителе пуговицами, Сталина, что и мавзолейный он продолжал затмевать и унижать его?

Всегда за столом, при любой выпивке, ощущалась незримая воля Хозяина и его наблюдательный, трезвый взгляд, из отдельных, незначительных проявлений складывающий самое обнажённое и верное впечатление о человеке. Тут его дом, его лежбище, а в лежбище никакой зверь чужого не пускает, не даёт проникнуть в сокровенное. Всю жизнь Сталин не мог рассчитывать на глубокое понимание ни у детей, ни у жён, ни даже у родной матери, которая сказала ему, услышав от него о нынешней «царской» должности: «Лучше бы ты стал священником, Сосо».

То ли боялась престарелая Кэкэ, что теперь место Бога в душе сына займёт дьявол, то ли прониклась мудрым сердцем, не умом, страшной его ответственностью за жизнь и гибель государства. Во Вселенной всегда

борются добро и зло. Он и желал родственного тепла, но не получал от него ожидаемого, жертвенного согревания. Частая беда властителей, для которых смыслом жизни становится страна: не понимать чаяний окружающих, а если и понимать, то только с точки зрения государственной полезности. В историю Иван Грозный, Пётр Первый вошли не только как твёрдые реформаторы, но и как сыноубийцы. Чего и для чего они реформировали? Жаждали ли невежественные мужики вообще их реформ? Словами, учёными выводами политологи, историки необходимость преобразований объяснят, а по жизни, не по писаному, так и непонятно чего в них больше, пользы или мучения, в реформах. «Не сомневайтесь, дело прочно, коли под ним струится кровь», – «черкнул» поэт-демократ Некрасов. Но так может быть в поэзии, ради красивого словца. Сама же жизнь под луной, при вечном движении звёзд, в греховной крови не нуждается.

Сталин приглашал известных артистов, литераторов, творческих знаменитостей на торжественные концерты в официальную обстановку кремлёвского зала, но совсем редко – на дачу, могущую раскрыть хоть как-то внутреннюю суть жильца. И Леонид Утёсов не на даче, в Кремле, выгибал спину, выбрасывал вперёд руки с тросточкой, судорожно передергивал плечами:

– С одесского кичмана бежали два уркана...

Пожилой, слегка захмелевший от киндзмараули Сталин с восторгом давнего террориста-экспроприатора и поэта-романтика воспринимал душой его блатные и надрывные куплеты, спрашивал певца:

– Такое ты пел Мишке Япончику, этому еврею-проходимцу?

– И это...

– Тогда повтори...

Входящие в моду саксофоны и гавайские гитары утёсовского джаза опять наполняли пространство зала с расставленными столами тоскливо-режущей мелодией, а Леонид Осипович, смущаясь своей выворачиваемой духовной сущности через не совсем приличествующий кремлёвской обстановке блатной талант, в который раз выгибал спину, крутил перед собой трость:

– С одесского кичмана...

Вождя «взвёл» неподобный, разбойный шансон. Его порадовало незабытое половодье собственных молодых ощущений. Через эти ощущения, а не только через сводки, доклады, можно было проникать в намешанный коктейль глубинных настроений перепутавшегося народа. Шансон во многом межнационален, а потому приемлем...

Скорее приглашению Виталия способствовал банальный ревматизм Иосифа. Весь день так тянуло и выкручивало жилы на икрах, что он несколько раз прогрел ноги на кирпичной, облицованной по бокам печи в малой столовой, укрывшись тулупом, отказался от посещения торжественного собрания работников угольной промышленности и решил позвать большевика-шахтёра с дореволюционным партийным стажем, к тому же знакомого, на дачу. Как же тот умудрился из боевика, пропагандиста, демагога стать руководителем серьёзного предприятия, какими методами управляется с чумазыми, прямолинейными забойщиками и конононами? Интересно поговорить...

– Ждите... Товарищ Сталин придёт к вам после бани, – сказал приведший Виталия офицер и смутился своей оплошности. Стоит ли кому бы то ни было знать о негосударственных занятиях вождя?

Как-то не подходит такая обыденность, как помывка в бане, вождю всего мирового пролетариата! А смутившийся офицер насупился и чётко прошагал на выход мимо супницы в углу.

Михаил Абрамович остался затравленно, исподтишка вертеть головою и осматривать залу со столом, стульями и зажжёнными на полную мощь светильниками. В голову не пришла мысль о несоответствии всей этой строгой, простой и в то же время претендующей на какую-то фундаментальную величавость обстановки с давним образом ссыльного, заставляющего хозяйскую собаку языком чистить миску и уже этим старающегося показать своё дикое, отличающее превосходство над нормами поведения. Изменчив человеческий путь и так непредсказуем...

Среди сдержанно-сурового и в то же время сверкающего дизайна Михаил Абрамович в дальнем углу залы заметил вовсе не уместный лист журнальной иллюстрации, на котором улыбающаяся и миловидная девочка поила из соски такого же маленького и миловидного телёнка. Судя по мелкой бахромке глянцевого бумажки, листок безжалостно выдран из «Огонька» рукой без ножниц, а потом присажен на стену канцелярской кнопкой, скорее всего, самим хозяином дачи. Кому ж другому позволено с такой безвкусицей, мещанством вторгаться в освящённый мир строгой трепетности и архитектурной рациональности?

Виталь удивился, но не понял глубинной сути иллюстрации, попавшей на стену дачи из другой, неиспытанной Сталиным жизни с прелестью понятных отношений, с душевностью родственных связей. Дети росли, требовали ласки, а он мог им дать только чужое воспитание, казённый достаток, учёбу. Государство не отпускало в семейную, безоглядную жизнь... Как он холодел душою! Не сострадал Якову – холодел(!), когда читал разлагающие его армию немецкие листовки, говорящие о сдаче в плен сына советского вождя! Думал, конечно, о судьбе сына, не без этого. Несколько диверсионных групп выбросили в ночь, чтобы освободить именитого пленника, и они... погибли, не имея нужных сведений об обстановке, усугубляя дополнительными жертвами боль отца. Но на первом месте для Сталина и тогда был не сын, а моральный урон, нанесённый его сражающимся войскам. И была реальная возможность обменять через «Красный Крест» Якова на Паулюса, но он решил, что солдата на фельдмаршала не меняют.

Отлегло от отцовского сердца только тогда, когда пришла определённая, когда узнал, что Яков и вёл себя в плену, и погиб достойно, что предательством в семье не пахнет. Шагнул Яков на проволоку под током и под пули...

Своенравная, вся в мать, Светлана погружена больше в личные любовные переживания, чем в его государственные замыслы, заботы. Василий в хмельном угаре всё рвётся куда-то, взбрыкивает, но так глупо и несерьёзно. Выскочка. И какого бы возраста ни были дети, а понимают, что не хватало им и не хватает не постоянной казённой правильности, а родительского тепла, душевности. Отцам, впрочем, тоже не хватает ответного тепла. Когда нет услуги, взглянет Сталин на приколотый листок, как-то оттаёт, вспомнит, прочувствует, что где-то, за стенами дачи, есть наивный, трепетный, доверчивый мир простой жизни. Умеют же и великие старики вздыхать...

Михаил Абрамович сидел, глядел на яркие светильники, на деревянную радиолу с пластинками на крышке, подаренную вождю в ответ на ящик армянского коньяка Черчиллем, и не сознавал, в какие сокровенности Хозяина допущен, каким доверием облечён, глядя издали на нелепый журнальный листок.

«В конце концов не по-большевистски сидеть пнём и чего-то, потя, ждать», – подумал Виталь, подошёл к этажерке с виниловыми пластинками, взял в руки верхнюю, прочитал: «На сопках Маньчжурии».

Именно здесь, на этой радиоле, вождь часто прослушивал новые записи певцов и прямо на пластинках писал свои оценки: «хор.» или «неуд.». И уж после такой, неоспариваемой оценки, песне или был закрыт ход к слушателям, или, наоборот, расширялся тираж её выпуска на фирме «Мелодия». Был на даче и просмотрный зал для фильмов. Причём пристрастия вождя не всегда совпадали с классовыми понятиями. В «Чапаеве» он искренне восторгался психической атакой «капшелевцев» на красную Анку-пулемётчицу:

– Как идут... Ну, как идут!

Бьют на экране полковые барабаны: «Трам-м... да, дах. Трам-м... да, дах...»

Переживал он «киношное», как реальность, заставлял по несколько раз прокручивать эту сцену... Будто никогда не видел настоящих последствий конной рубки, не переживал трудностей войны... Рассматривал трудности через остатки ребячества и хотел, чтобы и другие смотрели на них, даже и на смерть, так же: без угнетения и возвышенно.

– Хорошо живёт Кубань, – удовлетворённо, как о реальном достижении, сказал он, увидев на экране в «Кубанских казаках» множество блестящих велосипедов на колхозном рынке, праздничные скачки, хотя голодал этот цветущий некогда край, как все остальные. Вождю так хотелось видеть этот край цветущим, что он его таким видел... В этом прагматичном человеке удивительным образом сочетались махровый реализм и прорывающееся молодое нетерпение. Он спешил укрепить государство и потому сделал для него больше, чем кто-либо другой.

Послышались заглушаемые коврами, шуршащие шаги. Михаил Абрамович внезапно почувствовал от приблизившейся уже до самой двери встречи с неизвестностью почти режущее сжатие сердца и почему-то, как вор, застигнутый у сейфа, быстро положил пластинку на место, с мышинной проворностью, забыв о революционном презрении к чинам и условностям, метнулся обратно к стулу. Шаги шуршали уже за витражным стеклом створок. Судьбы двух бывших ссыльных опять перекрещивались.

Кривые венецианские зеркала на серебре, выплавленные из чистого египетского песка Гизы, были дорогостоящими, сродни алмазам. Парусниками и галерами их везли через моря в королевские дворцы. Под хохот монархов короны преломлялись в отражениях, становились искажёнными, большими, щеперились драгоценными зубцами, подыгрывая монаршим стремлениям накрыть ими мир. И тут же, при небольшом повороте головы, на изгибе, ободки корон мельчали, съёживались и, казалось, сдавливали хозяйский лоб вместе с потаёнными алчными мыслями. И уже становилось королям, принцам не так смешно. Кривые, скорее даже кривляющиеся, тени показывали всю изменчивость ситуаций, характеров, натур, стремлений и делали понятней непостоянство успехов и поражений.

9.

Две недели назад личный секретарь Сталина Поскребышев, топоча на пороге сапогами – Хозяин не любил, когда входят неслышно, положил на широкий стол вождя с телефонами, бумагами и письменными приборами список награждаемых шахтёров.

– Кем составлены списки? – коротко, не поднимая головы и продолжая что-то записывать на листе тяжёлым пером «Монблана», спросил Сталин.

– Наркоматом... Как обычно.

Сталин не оторвал пера и, обозначая конец разговора, кивнул впалыми, оспяными щеками и густой, жёсткой, чуть седеющей шевелюрой, низко надвинутой на лоб. Секретарь, опять в меру пристукивая подошвами, не вертя по сторонам большой бритой головой, понятливо удалился к себе, в приёмную.

В отличие от Ленина, который читал тексты судорожно, по диагонали, стараясь больше схватить не их внутреннее настроение, а информационный объём, Иосиф Виссарионович читал не столь быстро, выискивая в мелочах какую-то, одному ему ведомую, значимость, ничего не пропуская. Память у него была твёрдой: что попадало под её крышку, как в окованный сундук, уже было слабо подвержено выдувающему сквозняку времени. Мог бы и не читать списки: без него кандидатуры наверняка сверены в парткомах шахт, наркомате. Но вождь знал, что за мелочами может скрываться нечто очень большое, важное, и никогда не отрицал мелочей. Пуля тоже малюсенькая, а решает судьбы. Определила же она судьбу его жены Надежды... В висок. Мерзкий урок мелочей... Где-то в середине списка Сталин наткнулся на знакомую фамилию: Виталь... Тот ли это Виталь, с которым отбывали Туруханскую ссылку? Любопытно, как же он, еврей и какой-никакой, но сподвижник реального организатора октябрьской революции Льва Троцкого, пережил борьбу с космополитами и без технических знаний, с незаконченным университетом, даже умудрился стать директором шахты. Хотя кто их, университеты, из «красных директоров» закончил... Сильны практикой!

Он видел Виталя в тамбуре спецпоезда Льва Давыдовича. Тот не окликнул его, не подошёл, не посочувствовал отзыву в Москву... А ему кавказская гордость не позволила во время неопределённости, на непонятном переломе судьбы искать поддержки у кого бы то ни было, тем более у того, кто слабее. И Сталин сделал вид, что не заметил его притихшей в вагонной двери угловатой фигуры. Сейчас бледно смуглая рука с синими прожилками и рыхлящими кожу мелкими старческими морщинками потянулась к телефону.

– Лаврентий, предоставь мне все данные о директоре шахты БИС-27 Михаиле Абрамовиче Витале. Был ли он в Туруханской ссылке?

За окнами кабинетов давно сгустилась зимняя трескучая темнота, но ни в Кремле, ни в наркоматах свет не гас, все знали, что вождь работает чуть не до утра и может позвонить в ночное время.

Берия напряжённо задышал в трубку. Зачем понадобилась Хозяину такая справка, не просмотрела ли чего его специальная служба, не копают ли под него? В близком кругу, во время застолий, он мягкой муравой растилался перед Сталиным, порой льстил мелочно, подхалимски, очевидно и бессовестно: «О, мудрейший!», «О, величайший вождь со времени фараонов!», «О, заботливый отец народов!»... Сталин загадочно ухмылялся и не обращал на дурные восхваления внимания. Он прекрасно понимал цену слов. Телефонный же разговор требовал от наркома субординации, потому Берия был предельно лаконичен:

– Через два часа такие данные будут у Вас.

Неплохой случай показать вождю оперативность своей службы. Но Сталин любил остужать чрезмерный пыл подчинённых и ответил буднично:

– Нэ спеши. Завтра вечером на даче соберутся члены Политбюро, там минэ и доложишь...

«Вечером» на самом деле значило – за полночь...

В предбаннике, просторном и деревянном, Сталин посмотрел на градусник, висящий на стене. Истопник старался. Ртутный столбик показывал ровно тридцать градусов, как он и распорядился.

После размягчившегося в кипятке берёзового веника и ядрёного, злого пара ноющая боль в ногах стала значительно меньше. Врачи не рекомендовали ему париться, но он считал, что резкие отказы от вредных привычек эффективнее самих вредных привычек сокращают жизнь. Он мог бы назвать десятки знакомых и близких людей, которые никогда не рисковали, которые обращали внимание на каждую лишнюю калорию на столе, на каждый свой простудный чих или насморк, тем не менее долгожителями не стали, а давно покоятся под могильными тяжёлыми камнями.

Его давний политический недруг Черчилль, увесистый, дородный, не выпускающий изо рта крепкой гаванской сигары, ежедневно выпивающий не менее бутылки коньяка, здравствует у себя в Лондоне, уже на восьмом десятке лет. Так стоит ли разменивать некие – пусть вредные – проявления привычной жизни на призрачные обещания долгожительства и здоровья? А кроме того, над каждой головой ещё висит непредсказуемый «кирпич» трагических случайностей... Парилка по-прежнему оставалась одним из желанных занятий Сталина.

Ни охранников, ни друзей он в баню не приглашал. Однажды встревожившиеся от долгого молчания телохранители уже вознамерились сломать дверь в предбанник, но Сталин выглянул сам, одинокий, заспанный и уже... обутый, объяснил:

– В тепле задремал.

Когда-то умеющий прекрасно плавать, он стеснялся купаться в Куре. Старшеклассник Дживилегов однажды увидел сросшиеся пальцы его левой ноги и с хохотом объявил:

– Иосиф в туфле прячет дьявольское копыто!

«Медицинская история И.В. Сталина» подтверждает такой дефект ступни. Не стеснялся ли он этого дефекта и, став взрослым, невольно увязывал мистическую связь «копыта» с реальностью своей жизни? Трудно в истории вспомнить хоть одного великого правителя, путь которого был бы только благочестивым. Борьба со злом только добром и мягкостью зачастую означает только усиление этого зла. Тут важно, чтобы применяемое зло не было больше зла искореняемого. Но где мера тем козням, что остановлены и не свершились? Что не свершилось, того не было.

Вряд ли сам Сталин мог оценить, чего больше в его делах, божественного или дьявольского. Пресловутый ледоруб обрушился на голову Льва Давыдовича негуманно, но сколько жизней сгубили бы ненавистнические теории о военно-трудовых лагерях с женщинами по разнарядке, с отрицанием семей и всякой «буржуазной» нравственности, с питанием, работой, отдыхом, наказаниями, исключаящими всё личное и делающими из человека машину, если бы этот теоретик пришёл к власти? Не подсчитаешь. Но страшнее и жёстче колхозов было бы, точно...

Какой добропорядочный, умный, благодетельный, считая себя адекватным тому времени, кинет камень в историческую мешанину прошлого? Чтобы держать совесть в незапачканных, белых перчатках, невозможно брать на себя ответственность власти. Но кто-то всё-равно возьмёт и будет хуже, гаже и ненавистнее, чем ты... Ответственность и благородное умничание – вещи разные, даже противоположные. Чем значительнее деятельность человека, тем страшнее его ошибки.

Дождаясь, пока тело обсохнет, Сталин катнул кийём по зелёному сукну пару бильярдных шаров. Один из них, щёлкнув металлической дужкой, проскочил в лузу. Иосиф довольно хмыкнул в усы, шагнул к сиденью, где аккуратной, разглаженной стопкой лежали заранее приготовленные для него белые солдатские кальсоны и белая солдатская рубаша.

Неловко шевеля левой рукой, всегда полусогнутой из-за тяжёлого ушиба в молодости, он стал одеваться. Кальсоны его ближайшего соратника Кагановича сгодились, уже в будущем веке, для какого-то частного музея моды, хотя, в общем-то, назвать Лазаря модником было нельзя. Кальсоны самого руководителя государства ни для какой музейной коллекции не подошли бы – многомиллионный типовой экземпляр! Шёлкового нижнего белья Сталин не носил, считая его непрактичным и антисанитарным. Сам знал и видел, как раненые драли на перевязку хлопчатобумажные рубашки. Шёлком не перевязываешься... Шёлк не впитывает кровь и пот. В тюрьмах, ссылках осуждённые утверждали, что в шёлке меньше заводится вшей. А всё, чего сторонится живое, пусть и такого низшего порядка, как вша, вредно и для более совершенного человеческого организма. В быту вождь часто придерживался каких-то парадоксальных, несколько устаревших, не всегда оправданных, но укоренившихся и неколебимых в его обиходе привычек.

Не носил он фасонных галифе, а в голенища сапог заправлял штанины, хоть и защитного цвета, но прямого покроя и без лампасов. Правда, после войны, чувствуя, как с годами и силами уплывает его безоговорочное, гипнотическое воздействие на окружающих, Сталин нередко находился в кремлёвском кабинете, особенно перед визитом как своих, так и иностранных военных, в мундире генералиссимуса. Тоже без всяких аксельбантов, галифе, тем паче, гусарских лосин – лишь с облагораживающей погонной позолотой. Когда интенданты и портные принесли на примерку и одобрение первый образец мундира генералиссимуса, с пышными жгутами аксельбантов, эполетами, с ослепляющим блеском золотой и алмазной расшитости, Сталин рассмеялся:

– И как же в таких перьях вождь мирового пролетариата будет выступать перед пролетариатом с трибуны Мавзолея...

Пошили скромнее, того образца, что привлекает сейчас неизменное внимание посетителей в павильоне на Поклонной горе. Габардин, не габардин и не бостон, и не твид, но материал, видать, на редкость практичный, не мнущийся и добротный. На рукавах, полах заметна вязь нитяных строчек. На золотом погоне – большой герб с колосьями и серпом.

Сейчас вождь стоял на пороге гостиной в накинутом на плечи армейском полушубке, в белой бязевой рубаше с костяными мелкими пуговицами на вороте, в разношенных, мягких валенках на босу ногу, с заправленными в них отутюженными штанами. Клапана солдатской ушанки были завернуты наверх, но не завязаны, а потому разлапились и обвисли, как у деревенского плотника, почувствовавшего верхом на срубе первое мартовское тепло. Зеленоватого разлива глаза Сталина вполне приветливо смотрели на Виталья.

– Только мочки ушей стали в морщинках... – охарактеризовал вождь с порога внешний вид гостя, умел он замечать неожиданные детали. Его рука протянулась для пожатия:

– Здравствуй, товарищ Виталь.

Голос прозвучал с нотками старческой теплоты. Но в характере самого Виталья никогда не было теплоты. Не понимал он этого чувства, не сознавал

его полезности, облегчающей жизнь. Он не преминул отметить отсутствие имперского лоска в облике вождя.

«Как спал с собаками в избе, так, наверное, и спит...» – решил он, и это добавило ему врождённой самоуверенности.

– Здравствуйте, Куба, – сдержанно ответил Виталь, обходя привычное сочетание «товарищ Сталин». Я такой же, как ты, политкаторжанин, официализироваться не собираюсь и не очень-то ты мне и «товарищ», плебей... Но не протянуть в ответ свою руку, конечно, не посмел. На земле полно пустых людей, преувеличивающих собственные возможности... Им кажется, что и они ничем не отличаются от известностей, что и они не менее достойны пьедесталов. И только судьба-капризуля по какой-то каверзной причине не так выписывает роман их жизни, не даёт достичь высочайших вершин.

Между сыном сапожника Иосифа и сыном миллионера Абрама всегда должна оставаться грань: слишком разные понятия заложены в них с детства. Вот Лейба Бронштейн (Троцкий) равенства не допускал: говорил про интернационализм и коммунизм, а с рабочей артелью обедать не садился, роскошью с народом не делился, оберегал личный комфорт и личную обособленность.

Однозначно определить нахлынувшие на Михаила Абрамовича ощущения было невозможно. В них смешались зависть, ощущение собственного превосходства, основанное на раздутом самомнении и «высоком» происхождении, а главенствовала над всем запрятанная трусость не однажды униженного Бобика, способного слегка укусить, твякнуть и сразу покорно спрятаться в ближайшую будку. И в полушубке на старческих плечах, обутый в валенки, Сталин всё равно внушил бы большинству людей чувство необъяснимого преклонения.

На шахте с людьми других жизненных и политических позиций Виталь не церемонился: обливал их грязью на каждом собрании, писал доносы в парткомы...

– Семья у тебя есть? – спросил Сталин. Он к близкому окружению, друзьям не обращался на Вы. И в этой привычке проявлялись не кавказские, застольно-дружеские традиции и не пренебрежение к собеседникам, а ввевшийся наглухо в его государственную натуру практицизм: «Вы» – обращение к коллективу и «Вы» – уважительное отношение к одному человеку... Такое неоднозначное толкование, по его мнению, чревато было возможной путаницей. Ни в бою, ни в политике, ни в хозяйственных делах недопустимо путать одну личность и группу людей... Исключением для Сталина был покойный начальник Генерального штаба М.Б. Шапошников – человек, сохранявший манеры и культуру офицера ещё царской академической закваски. Только к нему Сталин обращался на Вы, как бы выделяя значимость знаний, заслуг и особую порядочность старого генерала.

– Не до семьи было. Моя жизнь отдана борьбе... – не без пафоса ответил Виталь.

В глазах Сталина просветилась чуть заметная искорка удивления:

– Зачем же так... Мы должны бороться за жизнь, а не против неё. Без детей и семьи не будет продолжения жизни.

Пыхнула затяжкой разжигаемая «серянкой» трубка...

Виталь хотел напомнить вождю, что в первые послереволюционные годы и Ленин, и Троцкий, и другие «просвещённые» коммунисты провозгласили семью пережитком. Мешает семья прогрессу! Вступать в «близкие» отношения желательно на основе классовых подходов: посписочно, по графику, без сватовства и венчания, комсомолец с комсомолкой... Но

вспомнил, что институт семьи был возвращён России не без усилий именно Сталина, и промолчал.

Промолчал и о том, что вообще-то и у него были «оппортунистические» попытки преодолеть собственное предубеждение не только к церковному браку, но и к «заговскому соединению сердец». Она работала маркшейдером шахты, была зависима от его распоряжений и была покорена его «боевым и революционным прошлым».

– А я прожила в Донбассе... всю жизнь в степях с курганами... – и слушала его восторженные воспоминания о Петрограде, ссылке, Царицыне...

Но когда он через два месяца сожителства заявил, что получает денег больше, и стал откладывать свои заработки в собственную шкатулку, под замок, она удивилась:

– Мы разве не вместе, Миша?

– Но ты же не проститутка, чтобы быть женой директора за деньги...

К сожалению Михаила Абрамовича, эмансипация на мужской лад у неё началась не с модной теории Коллонтай «О стакане выпитой воды», а с ... накачивания кулаков, как и положено прирождённой шахтёрке. Виталь почувствовал головой дубовую твердь серванта, небольшое кружение после удара и её донёсшийся разгневанный голос:

– А жрёшь на мои деньги. На последние мои деньги, жмот облезлый! Галоши хоть бы когда купил...

Виталь несколько раз бегал потом в местное отделение НКВД:

– Обижает контрреволюция... Я – старый член партии. Мы со Сталиным – соратники... В Кремль ему звонить, что ли? Беспартийная, а унижать коммуниста будет! Так, что ли?

Местные чекисты знали о его «соратничестве» со Сталиным (весь Донбасс просвещён об этом через газеты, выступления, праздничные встречи и митинги!), знали чекисты и склочный, злопамятный характер Виталья. Они с готовностью наклонялись, копались в столах при его появлении в кабинетах, будто хотели немедленно извлечь из выдвижных ящиков саму живую фигуру беглянки, потом виновато разводили перед ним руками:

– Точно в какой-то деревне она, Михаил Абрамович. Там – беспаспортная система. Но объявится...

Не объявилась, вопреки стараниям всей донбасской секретной службы. Жизнь заставила неопытную конспираторшу перехитрить мастеров конспирации. Понимала «маркшейдерша», в чью пользу будет суд...

– На морозе легче думается и вольнее разговаривается, – Сталин открыл дверь в коридор. – Валентина! Накрой на веранде.

Где-то зазвенела посуда. Потом домработница Истомина, уже несколько лет бесшумно прислуживающая вождю на даче, привычно и спокойно отозвалась из глубины освещённого коридора:

– Ещё до бани накрыла!

– Стараюсь жить просто, но строго, – обрисовал Виталью дачную обстановку Сталин, добавил: – Насколько позволяет, конечно, государственное положение... Могущество России землянкой представлять нельзя. Царские палаты, иногда и вынужденно, но всегда закономерно бывают роскошнее людских землянок. Это обязательные «излишки» власти. Часто рад бы их сбросить, сесть не в машину, а нанять извозчика с площади, как когда-то, но не сбросишь... Де Голль вот недавно по Кремлю ходил, на голову меня выше, барственный. Понимаю, что уморительно мы для французов в паре выглядели: аристократическая жердина, костюмчик с иголки, и жестокий, оспяной коротышка. Но позолота кремлёвских

залов не позволяла им долго заострять внимание на неуместных деталях...

– И лягушки были вместо котлет? – сумел с усилием воли поиронизировать Виталь.

– Лягушки... – приостановился Сталин, – Лягушки – основной продукт воздействия на французских буржуа... Как без них? Власик сам из Парижа выписывал с ногами пожирнее, чтоб не как у худющих танцовщиц их загнивающих варьете.

Не поймёшь, всерьёз сказал, в шутку – на шутку... Не изменил ни взгляда, ни мимики. Догадывайтесь: были лягушки на банкете в Кремле нет ли?

У вешалки Михаил Хаймович чуть отстал от вождя, надевая «москвичку» – появились в стране такие суконные, уже послевоенные куртки на вате, с прошитым тканевым хлястиком, с воротником из искусственного меха и скошенными боковыми карманами.

– И чем закончилась встреча? – поинтересовался Михаил Абрамович. Интерес его был какой-то механический, без предпочтений и сопереживания, больше обязательный.

– Договорённостью... – усы Сталина довольно дрогнули. – Я тосты на банкете произносил, старался, чтобы звучало ласковее: «Выпьем за Кагановича, хороший министр, но если поезда не будут приходить в срок, мы его расстреляем. Маршал авиации Новиков, хороший маршал, выпьем за него, но если он не будет своё дело хорошо делать, мы его повесим...» Французами вовсе перестала замечаться моя внешняя контрастность с де Голлем... «У вас, на Западе, говорят, что я чудовище. Как видите, я шучу по этому поводу. Может, я не так ужасен?»

Сталин тогда ещё сказал: «В конце концов победу одерживает только смерть».

И де Голль не мог не согласиться с ним, он, как любой государственный деятель, тоже был прагматиком.

На веранде пахло морозными соснами. Днём здесь была слышна трескучая, далеко разносящаяся дробь красногрудых дятлов, добывающих червяков из-под коры гнилых сучьев. Сейчас меж деревьев желтели фонари освещения, и царила удивительная тишина. Воробьи, синицы попрятались в тихие, безветренные места, спали, утихомирившись. Весь лес спал. Не видно окруживших дачу по периметру охранников, а они наверняка были. Не слышно из близкого леса скрипа их валенок по крупитчатому снегу.

Валентина быстро поправила на тарелках ломтики лимонов, несколько бутербродов с колбасой и маслом, переставила к центру бутылку присланного с Кавказа коньяка «Варцихе» и успела тихо сообщить Виталю о своём, поварском, как о чём-то сокровенном:

– Сготовишь на ужин ему деликатесы, а он, когда один, картошки жареной просит... Неприхотливый.

Сталин услышал её слова, никак не отреагировал на них, сам взял в руку бутылку, посмотрел оставшийся сургучный штамп «Лечебно-Санитарное Управление Кремля», говорящий о проведённой проверке, и звякнул о рюмку горлышком:

– Суворов говорил: «После бани штаны продай, но выпей...» Устарел со своим «штыком-молодцом» и «пулей-дурой» в век пулемётов, к сожалению, славный Суворов...

«К сожалению» потому, что войны теперь, знал Сталин, стали всё больше зависеть не только от доблести бойца, его личных качеств, как в суворовские времена, а от точности буссольных замеров командиром батареи,

от обеспеченности танковых, самолётных моторов топливом. Вершиной стратегии стала... продуктовая карточка. Хватит ли для армии картошки, хлеба на крестьянских огородах? У Германии не хватило... На эрзацы перешли. В этом сказался даже не просчёт Гитлера, а его преступный авантюризм. Напал на Россию без надёжной сырьевой базы, в летних сапогах, шинелях, без зимних масел и топлива. Лапти из соломы под Москвой стали плести на морозе...

Агенты Шандор Радо, Рихард Зорге, другие сообщали в Россию о неизбежности войны, но Сталин верил политической объективности и фактам, а не суждениям отдельных разведчиков, стараясь исключить любой фактор случайности, предательства, ошибки. Любой документ мог оказаться фальшивкой.

– Ищите доказательства, а не слова... – вполне разумно указывал он Тимошенко. – Толстый Черчилль радостные «канканы» плясать будет, если мы сами спровоцируем войну и оттянем Гитлера на себя.

Носом рыла русская разведка вокруг чужих солдатских привалов, искала ружейные протирки с зимним смазочным маслом... Не нашла. Следили на товарных европейских биржах русские «специалисты плаща и кинжала» и за ценами на мясо. Не снизились ли где они, указывая на массовый забой овец? Для тёплой одежды нужны овчины... Как воевать в России без полушубков? Простая и верная проверка. Но ни одна промасленная тряпочка, ни один клочок овчины не был представлен в подтверждение существующих агентурных донесений...

И авантюры бывают великими, но при всей великости обречены на конечный провал, если в сути они действительно авантюрны. Германия не была реально готова, а напала... На узких танковых гусеницах по российскому болотно-снежному бездорожью. Сношенные большими, нелёгкими расстояниями траки теряли надёжное сцепление с обледеневшей поверхностью, пробуксовывали вопреки задуманному «блицкригу».

Современная война высасывает последнее из тыла и фронта. Кто терпеливее, согбенные бабы на русском огороде или жилеточный бауэр в немецком свинарнике? Русские бабы оказались, к тому, же терпеливее...

Гитлеру надо было в первую очередь расстрелять Геринга, считал Сталин. При первоначальном, неоспоримом превосходстве в небе германской бомбардировочной и истребительной авиации и отсутствии нашей, погибшей на аэродромах, этот маршал выпустил из досягаемых западных районов русскую промышленность, специалистов на недосягаемый Урал. И это при полном отсутствии у Германии дальней стратегической авиации, в отличие от США, Англии, России! Ведь на чём союзники совершали знаменитые «звёздные» налёты на Рур, Дрезден, румынские нефтепромыслы? Конечно, на стратегических тяжёлых бомбардировщиках... Наш Вячеслав Молотов летал через всю противоздушную оборону Европы в Англию, а из Англии – сразу в Америку, через угрожающий корабельными зенитками и вражескими «мессершмиттами» океан на отечественном тяжёлом бомбардировщике. Член правительства не имел права рисковать собой. И Вячеславу Михайловичу постарались обеспечить минимальный риск ещё при выборе самолёта. Пятый двигатель – оригинальная разработка наших конструкторов – размещённый во фюзеляже, работал не на винты, а на помпы, нагнетающие воздух в основные двигатели, чем обеспечивал их почти прежнюю мощность даже на необычайных для того времени высотах и скоростях. Ни самые совершенные зенитки, ни чужие истребители достать его не могли.

Сталин с трудом отказался от начатой перед войной дорогостоящей программы строительства ста таких бомбардировщиков. Подвела всех превалирующая наступательная доктрина.

– При пятнадцатитонной бомбовой нагрузке на каждом самолёте, с таких недосягаемых для врага высот мы не сможем вести прицельное бомбометание и разнесём не отдельные военные объекты, а всю промышленность противника, а она пригодится самим захватившим, – приводили резонный довод военные специалисты. После долгих раздумий Сталин согласился с их доводами, отдав предпочтение средней авиации, аэродромы для которой невольно надо располагать ближе к границам, к противнику... А после внезапного нападения разом справиться с выпуском нужного количества танков, артиллерии, боеприпасов, уже существующих самолётов для идущих на территории страны кровопролитных боёв и ещё сверхбомбардировщиков промышленность, только что сорванная с фундаментов, не могла. Десяток таких самолётов до свёртывания программы успели изготовить, но существенного влияния на ход войны они не оказали. До Берлина долетали без них, с фронтовых аэродромов...

Наверное, было бы полезнее, если бы разведка предупредила не об угрозе войны – вернее, не только об угрозе войны, а выложила вместе с Генштабом на стол Сталина расчёты о реальной силе, масштабности, губительности для всего приграничного скопления наших немалых войск, всей стремительной опасности предрассветного нападения, оценила бы точнее чужой военный опыт, его превосходство в организованности. Предвоенная стратегия могла быть другой. Гитлеру же всю войну не на чем было долететь до заводов Урала...

Противники всё больше не видят друг друга в лицо, а такая отстранённость от творимой тобою же смерти, часто без собственного риска, порождает ожесточённость и безразличие. Не надо отбивать штыкового выпада и самому метить ниже грудины, в мякоть живота, чтобы «трёхгранник» губительно для тебя не застрял в чужих рёбрах. Фронтовики знают, что самый тяжёлый бой, бой без «дураков», – рукопашный, страшный, лицом к лицу и, как ни странно, он же не столь длителен и не столь кровопролитен. Нынешние войны – войны на полное продуктовое, сырьевое, экономическое истощение, вот о чём надо думать, если хочешь победить. Для таких войн вождь и готовил государство, максимально используя отведённое до войны время.

После первой рюмки Сталин поглядывал и непонятно чего ждал, а Михаил Абрамович прятал лицо в побуревший воротник «москвички», как бы грея щёки, и тоже молчал.

– А ты помнишь Хейнонена, контрабандиста, который отбивал с нами ссылку, учил рыбачить? – вдруг спросил Сталин. Наверное, сам захотел прервать затянувшуюся паузу.

– Уже не припомню, – с морозной хрипотцой ответил Виталь.

Тень из-под надвинутой ушанки закрывала выражение сталинских глаз, но и без того чувствовались их ощупывающие гипнотические лучи. На скулах, тронутых лёгкими оспяными кавернами, и на щеках, синеватых после недавнего бритья, переливались потоки от светильников, играя при каждом неторопливом повороте головы на тёмной коже, как при пламени кочевого костра.

– А я через Куиссинена интересовался... Памятны мне его хариусы из Курейки.

Виталь не слышал о Куиссинене – этом твёрдолобом, упёртом финне, делающем в России высокую партийную карьеру на связях со скандинав-

скими коммунистами, и не помнил он контрабандиста Хейнонена, но вид заинтересованный сделал. Сталин из своей затенённости видел выражение его лица и всё понимал, усмехнулся неопределённо:

– Расстреляли его шюцкоровцы за связь с карельскими партизанами ещё в двадцатых... Избегал человек революции, но так и не избежал... Погиб, получилось, на нашей стороне.

Михаил Абрамович революции не избегал, после Туруханска, в историческом октябре, он ходил с большевистскими лозунгами по Невскому, по Дворцовой, будоражил студентов университета, особенно с родного, так и незаконченного факультета, «разжигал» в массах революционные порывы. В вожди, при всей активности и относительно высокой грамотности, не выдвинулся, а остался обычным подручным главных кузнецов у горна больших и раскаляющихся событий. Ни в ревкомы, ни в Советы депутатов «массы» его не выдвигали, хотя всякие «руководящие органы» в то время самопровозглашались со скоростью растущих под пнями дурных грибов. Деловой расчёт не был сильной стороной Михаила Абрамовича, а государственные перевороты без делового, циничного расчёта да денег, да оголтелого авантюризма не возглавляются... Прислали б его с «мильёнами» в запечатанном вагоне или пароходом с долларами, как настоящих вождей... Тогда бы, как говорят на одесском Привозе, «Мы будем посмотреть»...

10.

«А ведь этот сфинкс может НКВД подключить... Вызвал меня для чего-то...» – подумал Виталь и почувствовал выступивший под «москвичкой» пот. Предположить простую задумчивость целью этой беседы он даже не мог. А рука Сталина, бесчувственно-старческая, уже тянулась к небольшой тумбочке, гремела деревянной, расквадраченной коробкой:

– В шахматы? Как в ссылке... Фигурами из хлебного мякиша играли...

С фигурами и сейчас оказалось не всё в порядке. Одну из пешек заменяла типовая ниточная катушка, выточенная какой-то фабрикой из берёзы по многомиллионному, массовому стандарту.

– «Сетанкина»... – с душевным теплом пояснил Сталин. Когда-то, играя с Власиком, он уронил со стола пешку, закатившуюся сразу под диван (бутерброды всегда падают маслом на ковёр, а пешки необъяснимо следуют их правилу и закатываются под диваны!). Маленькая Светлана тогда быстро подобрала с пола оказавшуюся на её виду пустую катушку, протянула игрокам, по-детски исказив собственное имя:

– Сетанка нашла.

С тех пор отец хранил катушку, как талисман. Напоминала она ему нечто светлое, ещё не столь греховное. «Сетанкина»... – так и называл.

В шахматы Сталин играл вдумчиво, расчётливо, передвигал по доске фигуры, как тяжёлые, сокрушающие каменья. Он мог бы достигнуть немалых успехов на больших чемпионатах, если бы специально изучал теорию игры и решал задачи известных стратегов Алёхина, Ласкера, Боголюбова, Тартаковера. В любой деятельности важно знать чужие достижения. По крайней мере, не будешь открывать открытое. Сталин открывал сам. Потенциал у него, без сомнения, был, а вот высоких чемпионатов и подготовки не было.

Михаил Абрамович считался шахматным королём Туруханской ссылки. В редкий погожий день, в сеточных накомарниках, два человека отшлёпывались от гнуса на рукавах, размещались с рисованными на картоне квадратиками (64 белых и 64 чёрных) недалеко от бочки с дождевой водой и лабаза на подпорках, расставляли сухие мякишные фигуры; чёрные – в

дѣгте, белые – сами по себе, без окраски... В присутствии глазающих тунгусов, вечно пахнущих выделанными меховыми шкурами, редких очалдонившихся казаков и нескольких ссыльных разворачивались поединки ума. Получался праздник в серых буднях ссылки! Никто турнирных таблиц не составлял и победы не фиксировал, в лучшем случае, пожимали друг другу руки.

Шахматная игра полна противоречивостей. Она ограничена пространством клеточного поля, и в то же время безгранична в комбинациях, как на настоящем батальном поле. Она в сути своей механистическая, но без фантазии в ней не станешь победителем. Мысль без выводов, математика без числовых результатов, архитектура без камня... «Королевская» игра, словом...

У Михаила Абрамовича слабым звеном в игре было терпение. Он не совсем хорошо мог играть вслепую, т.е. без шахматного поля перед глазами, слабо запоминал партии и часто надеялся на наитие. Это выдающийся композитор не может дирижировать оркестром без пюпитра и нот, а в шахматах... В шахматах Михаил Абрамович оказывался неплохим виртуозом. По крайней мере, среди ссыльных.

За счёт коварных ловушек, комбинаций, довольно легковесных, но дерзких, Виталь зрелищно выигрывал, но частенько не менее зрелищно и проигрывал вдумчивому, усидчивому сопернику. Постоянством в игре, как, впрочем, и во всём другом, не отличался. Когда побеждал, то откровенно торжествовал над побеждённым:

– Короля надо было выводить из опасной зоны. Ладью парировать... А так вам мат, милейший! Думать же надо...

Иосифу он «думать» не советовал, что-то неволью удерживало его от таких советов, хотя пару раз Сталин, занимающийся шахматами для «гимнастики» мозга и уступающий в теоретической подготовке, когда на первых порах у ссыльных поддерживались ещё довольно ровные отношения, Виталю проиграл.

Сейчас Сталин почему-то был уверен в выигрыше. И не потому, что за годы приобрёл чемпионский опыт в игре, натренировался, а знал: в жизни им сделано столько стратегических, важных ходов, которые неизмеримо важнее и сложнее шахматных, что мышление теперь адаптировалось ко всяким нагрузкам.

Неохлаждённая бутылка коньяка покрывалась белесой плёнкой из морози. Грань жидкости и грань изморози – вровень. Рюмки наполнялись угощающим хозяином уже не по первому разу. Игроки, словно бодаясь, склонились над доской, кривили рты от горького лимона, задумывались. Белела под полушубком пахнущая на свежем воздухе проутюженной бязью нижняя рубашка Сталина, в раздумье зависла над шахматной доской сухонькая, малосильная рука Виталья.

А где же был в Октябре Сталин? Почему он проголосовал на заседании ЦК против исключения из партии за штрейкбрехерское поведение Каменева и Зиновьева? Почему во время переворота отсиделся в редакции «Рабочего пути», а из тени дал выдвинуться в лидеры восставших десяткам, а то и сотням, других, менее способных радикалов, желающих потешить честолюбие на костре сгорающей империи? Он даже славил в одной из своих статей идею сохранения русского унитарного государства.

У его вечного оппонента Троцкого есть во втором томе книги, так и называющейся «Сталин», небольшой фрагмент: «Во время заключения в Бакинской тюрьме сокамерник Кобы предался однажды мечтам о рево-

люции. «Крови тебе захотелось?» – спросил неожиданно Куба. Он вынул спрятанный за голенищем сапога нож, высоко поднял штанину и нанёс себе глубокий порез: «Вот тебе кровь».

Соблюдая политический интерес, Лев Давыдович объяснил в той же книге поступок Джугашвили прирождённой жестокостью. Обвинить руководителя страны социализма в нереволуционности как-то не убедительно, непонятно массам. Жестокость бывает в отношении кого-то постороннего, а в отношении к себе уже называется не жестокость, а, в крайнем случае, – аскетизм. Вогнал нож в собственную ногу, чтобы научить дурака... Обвинить в жестокости было беспроигрышной, понятней. Политические, экономические ошибки вождей, хотя весомей, но быстро забываются, а психологические ярлыки живучи: они не работу, а сущность природы человеческой выворачивают. Для России человеческая сущность всегда почему-то важнее деловых качеств. Может, потому постоянно Россия мыкает нужду? Нетерпима к отступлениям от христианской нравственности... Мало у России сочувствующих и много недоброжелательных. Не по ошибке, без понимания сделал вывод Лев Давидович, а просто старался ударить надёжнее: жестокость – будет всем понятнее!

Немало есть исследовательских предположений по поводу странной организаторской неактивности Сталина в октябре. Полагают, что Сталин специально не заострял на своей личности внимания полиции, чтобы, в случае вполне возможного поражения революции, тайно переправить Ленина и его соратников в безопасные места, готовил им отходы. Таким было его секретное задание партии. Паспорта, деньги у партийцев были всегда заготовлены...

Уже в начале следующего века, через войны, индустриализацию, хаотическую неуправляемость горбачёвской перестройки и десятки пролетевших лет, нашли на задворках кремлёвских лабиринтов, на свалке, выкинутый из кабинета после смерти Свердлова забытый сейф. Вскрыли сейф и обомлели: драгоценности, пачки денег, бланки старых иностранных паспортов перемешались на полках... Не хотели революционеры на чужбине доживать годы в нужде. Да и где для них родина, где чужбина? Разберись-ка у космополитов! Им весь мир одинаков!

Обстоятельства жизни подчиняют человека, заставляют следовать логике развивающихся вне его воли событий. Может, Сталин и предчувствовал век революционных катаклизмов, но душой к ним не прикипал? Адепт, не принявший учение секты, всё равно не может покинуть отшельничье подземелье, а следует и дальше существующим правилам. Невозможно же взять и отказаться от учения батюшки Маркса, уже тряхнувшего над всем миром пышной бородой... Но нож в собственную ногу в отрицание революции Сталин, получается, воткнул... Не в этом ли основное объяснение его странного поведения в Октябре?

Задушевного разговора не получалось. Шахматы лишь явились поводом для сосредоточенного внимания и мешали общению.

– Ты в продотрядах был? – вдруг поинтересовался Сталин.

«С чего это он? Нащупывает во мне «троцкистскую» жилку, но к мужику мы все относились с твёрдой принципиальностью, не сюсюкали...» – насторожился Виталь. – Да и сам Куба активничал!»

– В Сибири я комиссарил в продотряде Гербера, – ответил Виталь. – Города уже голодовали...

– Ладью с с8 на с4, – прокомментировал свой ход Сталин. Угрюмый, каменный взгляд его из затенённости был теперь как удар кулаком:

– А почему город пришёл к крестьянину за хлебом с винтовкой, а не с мануфактурой и деньгами? Справедливее было купить или обменять зерно на промтовары. Продразвёрсткой Ленин именно самих сеятелей обрекал на голод, а укреплял рабочий класс. Излишков зерна, по большому счёту, в хозяйствах не было, а семьи большие, русские, их, случалось, на вымирание обрекали, если не говорить лозунгами. Тамбов, Кронштадт, сибирский Ишим, другие крестьянские мятежи нас отрезвили, вынудили смягчить продразвёрстку, перейти на продналог.

Непривычно слышать такие провокационные выводы из уст первейшего организатора продразвёрстки, который когда-то даже из фронтового Царицына гнал эшелоны с зерном в Москву. Откровенничает; расслабился или специально проверяет, вызывает на открытость? Коба, он всегда был мастером прочтения именно скрытых мыслей человека...

– Не было мануфактуры... – отозвался нерешительно Виталь.

– Тут ты не совсем прав. Россия ещё оставалась богатой страной, несмотря на грабёж и хаос. Имеющиеся в Гохране ценности не надо было разбазаривать по иностранным банкам, по партийным верхам, а можно было направить на закуп продуктов.

От такой крамолы Виталь испуганно оглянулся по сторонам, растерянно опустил взятую с доски пешку на стол. Сталин заметил обескураженность гостя, усмехнулся:

– Со мной можно говорить обо всём. Ежов не придёт. Репрессировал активно сам, репрессировали его. Диалектика. А что же первичней в жизни, хлеб или станок?

Директор шахты не вёл политических дискуссий с забойщиками, больше провозглашал догмы о плане, о пятилетке, выдвинутые другими, как, впрочем, и на всём протяжении прежнего комиссарства и у Троцкого, и в парткоме донецкого управления культуры от догм не уходил... Но вопрос требовал однозначного ответа. Михаил Хаймович попытался, как делал чаще всего, опереться на чужой, непререкаемый авторитет:

– Если по Марксу... Передовым является рабочий класс... Ему «нечего терять, кроме цепей»...

Не согласиться с этим было невозможно: руководитель первого в мире социалистического государства – и вдруг не согласен с Марксом, с основоположником... Но Сталин поднял палец, выдохнул вместе с лёгкой изморозью в пространство веранды табачный дым, с хрипотцой произнёс:

– Это теория... А в реальности Россия имела тогда две власти: одну нашу, большевистскую, с армией и декретами, а другую крестьянскую, могущую диктовать условия хлебом... Государство должно было показать силу, сломить крестьянскую, самовольную власть. Сломали...

Эту реальную, неформальную власть – власть хлеба и мужицкого большинства – Сталин реально почувствовал когда-то в образе беззубого узкоплечего крестьянина с неожиданно большими, разлапистыми кистями рук, разбитыми работой с вилами и плугом. От махорочного дыма в избе, под потолком, словно нависло второе небо, густое, в пелене туч. Прищуренные глаза мужичонки смотрели из поднимающейся пелены на выступающего от первых скамеечных рядов Сталина насмешливо и с ощущением внутренней правоты.

– А ты, кацо, спляши, может, мы тебе хлебца и отсыпем, как побирающемуся цыгану, – сказал мужичонка. По переполненной избе прошёл ядовито-сдержанный, угрожающий смешок. У собравшихся крестьян было явно другое, не комиссарское, понятие справедливости. Сгноив на спине не

одну рубаху в поту, не раз прорвав в труде кровавые мозоли на заскорузлых ладонях, сами впроголодь, они полагали самостоятельно распоряжаться намолоченным тяжёлыми цепями зерном. Люто ненавистны им были посторонние хозяева в собственных амбарах. Справедливое понимание... Не для Сталина такая справедливость. Он уже тогда сознавал, что нужно строить державное государство без прежнего царя (не вернёшь!), но тоже с единой властью и лишь формальной коллегиальностью. Этот мужичок с большими ладонями не мешал бы такому построению только на далёких Соловках, а может, ещё дальше – в полном небытии. Живуче в людях чувство хозяина и собственника, может, самое живучее... С корнем, болью его выжигали...

– Государство не будет побираться, а будет распоряжаться... – ответил тогда мужичонке Сталин.

Придуманные им колхозы частную собственность превратили в ничью и позволили на полных законных основаниях забирать урожай из утлых закромов в ненасытные «закрома Родины», не спрашивая хозяев. Кончилось в России многовластие! Но такой путь был обречён на великую историческую, природную несправедливость. И так бывает...

– «Всё куплю!» – сказало злато; «Всё возьму!» – сказал булат», – процитировал известное изречение Хозяин, внимательно посмотрел на шахматное поле, а потом мельком, почти незаметно, на Михаила Абрамовича. Нарушились логика и стройность игры. Офицер, продвинутый на три клетки вперёд, предательски открывал ему почти явный проход к королю, обеспечивая победный мат. Не мог так уж совсем по-простопильски проглядеть Михаил Абрамович этот ход.

«Он мне подыгрывает», – догадался Сталин. Догадка вызвала на первых порах даже некоторое удовлетворение: боязнь и уважение были для вождя отнюдь не антиподами, а родственными понятиями... Страх тоже спланивает. Однако тут же в душе его поднялось с самого дна чувство глухой, плохо скрываемой досады: «Он считает, что Сталин нуждается в таких подачках, держит Сталина за беспринципного человека? Сталину сапог лизать не надо... У ползающего на коленях за пазухой – не добро, а камень. Поднимется – и сразу ударит».

Перед встречей Берия доложил ему, что в результате агентурных справок выяснен у Михаила Абрамовича не технологический, а скорее, демагогический стиль управления. Да и откуда у прежде комиссариатского директора появится технический талант, требующий понимания о гайках, балках, машинах вместо призывов и слов? К тому же чаще нужного опирается этот директор на самим же тиражированную близость к вождю и на непреходящие трудности момента. А местное МГБ ему покровительствует.

Недавно зашёл в кабинет главный инженер шахты – опытейший «технар»:

– Михаил Абрамович, мы 30 процентов выработки в забоях теряем из-за схода вагонеток... Пока «коногонки» женскими своими задами полные вагонетки на место взгромоздят, уголь в сыпных люках скапливается без отвозки... Конвейер, хочешь – не хочешь, приходится выключать... Порой свет вырубается – слаба подстанция. С подстанцией сложно, заказ только-только на завод разместили, а вот новые рельсы под вагонетки соседи вчера в управлении всё-таки получили, нас обошли. Употребите авторитет, вот так нам новые рельсы нужны!

И резанул по своему горлу ладонью, как кинжалом.

Непонятлив главный инженер, дело у него всегда впереди начальственного почтения, даром, что бывший репрессированный. И тюрьма не разучила

высовываться. Виталь представил заляпанные чернилами столы снабженцев, надменность сидящих за ними важных людей. Не хотелось ему, старому ссыльному и большевику, унижаться перед ними. С излишней обходительностью он даже робел перед их неприкрытой, всегда похмельной, толстошей солидностью. А они, психологи от мелкого мошенничества, хорошо чувствовали любую неподготовленность клиента в снабженческих вопросах и недостаток грубой настойчивости. Слова хороши на митингах, а с ними желательны и коньячок, и толковая мена, и твёрдый напор. Директор соседней шахты прост, чуть что не так, по столешнице кулаком грохает, чернильницы-непроливайки разлетаются:

– Ух вы, козлодой несчастные! Я вас сам, как вшу непристойную, попитанью выведу... Отписывайте!

Соседа боялись. Его не слишком интеллигентный подход к вопросам снабжения, тем не менее, действовал эффективно...

Фронтвики рассказывали, что грузовики с хлебом, случалось, не доходили с пекарен до передовой и чаще других гибли от мин и от бомб посреди голодающих городов и деревень. Интенданты при этом как-то живыми оставались, пьяненькие, при золотых колечках, часах, а в окопах – нехватка хлеба. И появился приказ Главкомандующего: по каждому пропавшему «хлебному» грузовику проводить расследование Особыми отделами НКВД с соответствующими выводами. А вывод конечный при виновности один: расстрел перед строем голодных солдат. И то ли немцы перестали ставить мины на пути таких грузовиков, то ли их лётчики и артиллеристы утеряти навыки избирательного бомбометания и стрельбы, но хлеб стал доходить до передовой...

Сейчас не война... До «престола» своих олухов за столами много. Пока до Сталина дойдёт, до его приказа... Да и нехватка действительно везде и во всём, а не на одной шахте, отговориться можно. Неслучайно многие, как не большинство, не в производство, а в распределение рвутся, поле для роста собственной значимости там шире. Просто безмерная в сфере распределения личная значимость становится на фоне окружающей бедности! В этой реальности Виталю бы брать крепче за грудки, трясти, не дожидаясь волокитных решений. А он – всё больше через суды, слова, законы... А в результате, по закону, ему и выходила последняя очередь.

Не скажешь, что «соратнику» Сталина не шли в просьбах навстречу (боятся все той незримой и всевластной руки в Кремле!), но без грамотного, «старорежимного» главного инженера, каким был Щепелев, всё проржавевшее за долгие годы оборудование не обеспечило бы и половину достигнутой выработки при существующем слабом обеспечении и не дождалось бы высоких распоряжений, рассыпалось на гайки. Это именно главный инженер с помощью постоянной технической рационализации и реставрации даже наращивал производительность труда.

Щепелев по-свойски втолковывал шахтёрам в подземных курилках:

– Страна нас славит... Кино про нас... «Большая жизнь»... Папиросы так и называли в нашу честь – «Шахтёр»! А на пачке изображён чумазый проходчик с чем на плече, а? На плече, говорю, что? А отбойный молоток. Отбойный! И нам негоже возвращаться в забоях к технологии дедовского обушка. Транспортёры переклепать надо, подшипники на валиках перебрать... Ещё на полсмены останемся. И нечего роптать, контора оплатит...

И слегка хмурился от собственной неправды: знал, что оплата за сверхурочные, если и будет, то не на хлеб с маслом, а только на сухую корочку. Михаил Абрамович привык экономить на вещах очевидных, доступных его

пониманию и поверхностных: на зарплате, резиновых сапогах, на старых лопающихся шлангах высокого давления, но в первую очередь, конечно, на зарплате. И всё равно инженера любили, считали своим.

И он не ждал лучшей обстановки! Знал, что эта обстановка в виде мартепов, заводов, электростанций, паровозов как раз и зависит от количества, качества шахтного угля...

– Часто директору самому приходится бывать в забое? – неожиданно поинтересовался Сталин. Он будто не заметил открывшегося нового прохода на шахматной доске и взял ферзя слонем, лишая себя преимущества. Ферзь тукнулся рядом с доской. Теперь у Виталья появились условия для проходной пешки д7 и для угрозы ладье, обещая через пять-шесть ходов мат королю. Воспользуется ли такой подставой? На сковородку его посадил Сталин, как карася...

Виталь сделал вид, что задумался над очередным ходом. Сталин не привык, чтобы его даже самые незначительные вопросы оставались без ответа, переспросил:

– Бываешь в забое?

«Он же всё знает... Самодур!» – с внутренней неуютной тоской понял Виталь, ответил: «Сейчас у директора столько дел на поверхности, бумаг... Не каждый день спускаюсь. Земля, а под землю не пускает, товарищ Сталин.

Скаламбурил Виталь неуклюже, неудачно, но более-менее уверенно. Только теперь назвал Сталина не по-равному, не по-ссылному – Кобой, а общепринятым обращением, распространённым не только у партийцев, но и во всей стране: «Товарищ Сталин»...

Этот авторитет подавлял его внутренней, корявой силой. Сталин поправлял расходящийся на груди полушубок, дымил трубкой, парализовывал непроницаемостью глаз и лица. А ведь умел тепло разговаривать, шутить... Родственница вождя Анна Аллилуева неслучайно так вспоминала его возвращение в Петроград из ссылки: «Он смешно показывал в лицах ораторов, которые устраивали встречи на вокзалах. Он был весёлый».

Что Сталин действительно букой не был, подтверждается многими. Чего значат одни дачные «посиделки» друзей в Кунцево! Но без женщин, без разврата – больше всё-таки деловые... Только получалось, что почему-то не в момент встречи двух бывших ссыльных он мог расслабиться.

Сказать по правде, не занятость мешала Виталю быть в забоях. Директора тяготили проваливающиеся в темноту гремящие клетки, шахтёрские фонарики, поблескивающие в пыли поминальными, церковными свечами, тяготили его и давящие чёрные своды штреков с текущей, как в азиатских арыках, водой вдоль вагонеточных ржавых путей, тяготили оглушающим, пулемётным стуком отбойные молотки. Даже подземные курилки с деревянными, сколоченными столами и алюминиевыми большими чайниками отторгали Михаила Абрамовича необустроенностью. А больше всего не нравились Виталю блестящие из угольной пелены глаза шахтёров, смотревшие на директора, как на мешающий, путающийся в забое предмет. Это нервировало и злило: ишь, какую взяли самостоятельность!

Подчинялись ему лишь из-за раздутой славы и страха; без реального уважения профессионалов к профессионалу. Шахтёры знали, что Михаил Абрамович с поспешностью слабого человека, без раздумий, а даже весьма охотно воспользуется помощью грозных церберов порядка: МГБ, парткомов и судов, если что. В них – его сила. В северном, пугающем Магадане прорастал корень их покорности. Шахты здесь, в обжитых донецких местах, и шахты в вечной мерзлоте, при скудном лагерном пайке и северном

неустройстве, под постоянным конвоем – разные шахты. Ни семейные обстоятельства, ни полуголодный картофельный обед не вызывали никаких поблажек у Михаила Абрамовича. Были бы машины, он заменил бы без всяких колебаний людей машинами, у них нет чувств и пределов...

– Я знаю, что в России люди зовут жидкий свекольный суп – «супом Победы», – невесело сказал Сталин, ожидая ответного шахматного хода. – А как же питаются донбасские шахтёры, у них есть хотя бы свекольный суп?

Виталь замаялся. Вопрос был трудным. На бытовую сторону шахтёрской жизни он не обращал особого внимания, считая, что государство должно кормить лишь солдат и заключённых, пропитание остальных – дело вольное.

– Общей столовой нет... А дома... дома, наверное, с огорода...

– Во всём должна быть конкретность, – укорил Сталин. Он не собирался вопросы обеспечения в голодающей стране отдавать в руки региональных руководителей, хотя они решаются только через них. Тут тоже нужна государственная плановость и... справедливость. Всем по заслугам и по работе.

– Недавно мне Ворошилов рассказывал, как выпившие фронтовики разбирались между собой: «Гитлер пугал в войну, что у него солдаты сытые, а наши голодные. А товарищ Сталин сказал ему, что мои голодные солдаты всегда порвут твоих сытых. И мы их порвали!» Но это не совсем верная точка зрения. Голод есть голод, и товарищ Сталин не в силах изменить физиологию человека. Иногда и через предел природных возможностей преодолевали трудности... Обстановка была такой, а не стратегический выбор, – он встал из-за стола, пошёл по веранде мягкими, валеночными шагами. Он не привык говорить сидя, по выработанной годами политбюровской привычке. Хожение помогало ему контролировать, убеждать, выслушивать собравшихся за длинным столом. Ходил за их спинами, ничего не пропускал, обдавал сидящих с затылков до позвонков морозцем и напряжением... Часто думал что-то своё, отвернувшись от говоривших. И только белесый дымок трубки виден из-за спины:

– Ф... ф...

Всё время ему приходилось догонять под давлением экономически развитого враждебного мира. Не ткань ткали, ковали танки... Постоянное кроваво-голодное напряжение и ослабить нельзя... В Потсдаме, на послевоенной конференции союзников-победителей, президент Трумэн получил шифрованную депешу: «Операция сделана сегодня утром. Диагноз неполный, но результаты уже превосходят ожидания. Доктор Гровс доволен». Но не аппендицит вырезали... В пустыне, окружившей Аламагордо, был взорван атомный заряд. За облака поднялся невиданный песчаный гриб со сверкающим гулким шаром, извещающий о пришествии века ядерного. Четыре тысячи стратегических бомбардировщиков требовалось поднять в воздух с полной бомбовой загрузкой, чтобы заменить один такой заряд.

А неделями позже, в разгар Потсдамской конференции, на Окинаве стремительно зашуршали по бетонке аэродрома тормозящие колёса «летающей крепости» Б-29 со специально переделанным под «Толстяка» бомболоком. Осознавая возможную занятость взлётной полосы и обеспокоенный последними крохами бензина в баках, не дающими возможности тянуть на новый круг, пилот Суней приказал на подлёте дать залп всеми сигнальными ракетами. По кодовой книге такой разноцветный фейерверк означал: «Дым в кабине. Есть убитые и раненые».

Бетонку быстро освобождали...

Первым по трапу в самолёт, задыхаясь, поднялся санитар в белом халате:

– Где убитые и раненые?

В конце полосы уже стоял подъехавший закрытый катафалк.

Суней мрачно отшвырнул шлем, снял солнцезащитные очки и махнул за спину рукой:

– Остались в Нагасаки...

Главное событие его жизни уже произошло, и с ним ему жить дальше...

В Нагасаки действительно осталось много – очень много – покойных и раненых... Тысячи. Это было уже второе практическое применение атомной бомбы на земле. До этого «Малыш» разрушил Хиросиму... Такие мягкие имена и такие жестокие последствия...

В Фултоне Черчилль откровенно выказал недовольство результатами послевоенного «дележа» и советизацией Европы:

– Не ради укрепления большевизма в мире мы боролись против Гитлера...

И эта речь, положившая начало «холодной войне», лучше всего обозначила успех Сталина на поприще послевоенной дипломатии. Даже Польша с буржуазным правительством в Лондоне стала социалистической. А тогда, ещё на стадии переговоров, Трумэн удивился:

– Он не задал мне ни одного вопроса. Не понял значимости?

Но именно тогда, в Потсдаме, Сталин понял, что новое оружие существует, оно в руках потенциального противника, его воздействие сильнее магии любых увещательных слов, политических течений и пацифистских философий. Государства, как люди, они не могут не использовать своих материальных или военных преимуществ. Циклотроны, урановые котлы, добыча радиоактивных руд требовали от страны, освещающей керосинками, с бабами, пашущими землю на себе за неимением не только тракторов, но и быков, значительную часть электроэнергии, финансовых средств опять вынужденно направлять не им и не на улучшение «супа победы».

*«Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик...»*

Актуальна оказалась горькая частушка...

Опять от страны требовался не философский, не политический, а реальный и материальный ответ: в виде такого же атомного заряда и средств его доставки.

Пример блокадного Ленинграда и всей войны говорил Сталину, что ему удалось воспитать и вырастить поколение людей, не боящихся трудностей, людей, способных презреть неудобства. В предсмертном лазаретном бреду или перед гибельной атакой они не роптали, а произносили его имя! Он стал выше материального воплощения, стал неовеществлённым духом со своих портретов, утвердился в людских мыслях. Но если страна хочет двигаться вперёд, то от примитивности военного быта как-то надо уходить. В самых тяжёлых условиях, а уходить! Отстать в вопросах с бомбой – тоже гибельно. Что ни говори, как ни заклинай, а смерть считается только с обстоятельствами, не с пожеланиями и словами.

Вряд ли ему положили на стол доклад комитета начальников штабов США № 329, предписывающий: «Отобрать приблизительно двадцать наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». Вряд ли. План был и целей было двадцать (вплоть до Омска, Нижнего Тагила и однокорейной Транссибирской магистрали), но секретные документы Пентагона были преданы гласности много позже. Но и без чужих секретных документов Сталин сознавал, что и эта тихая веранда в лесу с деревянными шахматами на столе, с ним самим – руководителем государства, с Виталем, сидящим

напротив, с десятками промышленных городов и миллионами людей по всей российской территории имеют полную возможность испепелиться в одну особо приятную, звёздную ночь с хорошими наземными ориентирами. С помощью прилетевших от авиабаз Британских островов, с итальянского Фоджа, с индийского Агра... (со всех азимутов!) дальних бомбардировщиков. И СССР не располагает ни флотом, ни авиацией, а главное – такой бомбой, чтобы нанести аналогичные разрушения через океан, за пять тысяч миль. С этой тяжестью он жил. Догоняем, всё время догоняем...

– Организуйте на шахте общественное питание по сниженным ценам, надо быть убеждённым, что люди хотя бы сыты. В колхозах на полевых станах общественное питание давно практикуется. – Сталин махнул ладонью перед лицом, словно вместе с табачным дымом разгонял тяжёлые мысли, не сдержал раздражения: – Ходи, наконец!

Снова ближе склонился к доске.

И всё равно видел через тронутые инеем стёкла веранды звёзды. Сверкают, переливаются, шифруют в чёрной бездонности переливающиеся точки, тире в таинственные знаки и послания. Плывут, как отличительные огни на крыльях. Так звёздно бывает редко... Знобка в душе от такой звёздности... Эти светящиеся космические тела опять ставили его по ту сторону человеческого понимания добра и зла.

11.

Через десятки лет постовой милиционер опубликовал любопытный эпизод из своей жизни в одной из центральных газет. Может, в «АиФ»? Но не столь важно... Такие темы хлынули тогда на страницы, как зерно из лопнувшего мешка. Забылась газета, забылась фамилия постового...

Прямо в застеклённые двери универмага, в толпе озабоченных, увлечённых посетителей, ручейком втягивающихся в торговый зал, мимо постового шёл... Сталин. Как с портретов, но какой-то неотличимый, такой, как все. Вместо привычной полувоенной фуражки надета выцветшая шляпа, прикрывающая глаза, скромное, усреднённое пальто; один из толпы... Но усы, усы те – портретные, что через Красную площадь, за Мавзолеем на Кремлёвской стене. Постовой даже вытянулся, хотел отдать честь, но вовремя спохватился: «Не сходи с ума, Сталин на улице и без охраны... Так не бывает».

Через блестящие стёкла протёртых от пыли витрин милиционер наблюдал, как человек объявлялся меж прилавков, наклонялся к ценникам, присматривался к товарам, постоял в самой большой очереди колбасного отдела (ну, точно – Сталин!), а потом тихо, незаметно, как и был с пустыми руками, вышел через дальнюю дверь, опять смешался с пёстрым разнообразием прохожих на тротуаре.

– Ты давно медкомиссию проходил? – подозрительно спросил начальник отделения, когда постовой доложил о результатах дежурства. – Что мелешь... Сталин тебе ровня? Вот так вот и ходит...

Пришлось прикусить язык: реально за шизофреника примут...

– Подворотнички, портупей, носовые платочки в карманах... – через два дня на разводе их проверяли особенно тщательно. Начальник районного отделения, майор, сам присутствовал:

– Не оплошайте... На нашем участке будет комиссия из ЦК партии торговлю проверять. Сверху звонили. Не по нашу душу, но соответствуйте...

Через витрину постовой сразу заметил, что в универмаге тоже «освежили подворотнички»: товар новый завезли, укладку на полках раскра-

силы, даже манекены моднее переодели. На закрытых дверях стандартные таблички: «Санитарный день». Прочитают люди – уходят. В залах – одни продавцы в белых передниках, колпаках. Без толкотни; спокойно, чисто, неругливо... И напряжение, как в ждущей крепости.

Со стороны Боровицких ворот подъехал кортеж из тяжёлых, отечественных, чёрных «зисов». Тупо, без жестяночного звона захлопали дверцы, высыпала охрана при золотистых погонах, кожаных кобурах. Сталина постовой заметил не сразу, он чуть приотстал у машин от первых рядов. Годы... А заметнее всех был Микоян, он всех вёл, всем что-то горячо доказывал, нервически жестикулировал... Смотрели его «епархию» – торговлю – и он заметно тушевался, но чувствовал себя хозяином. Сталин был в том же самом сером демисезонном пальто, сапогах, только на голове уже была надета привычная полувоенная фуражка с тканевым козырьком. Делегация сосредоточенно, целеустремлённо прошептывала в универмаг.

И через давно привычную витрину сержант видел, как Сталин, теперь идущий впереди, останавливался у прилавков, разговаривал с продавцами, а они застывали перед ним колом, как объяснял ему что-то Анастас Иванович, как спешно черкали самописками и карандашами в блокнотах какие-то люди при галстуках, скорее всего, товароведы, клерки, журналисты, руководители московской торговли. Как несколько отстранённо от происходящего, сумрачно молчал (не при делах!) и отворачивался к стеллажам Молотов в европейском костюме и шляпе.

Столь же деловито и напряжённо делегация выходила в ту же дверь. Наркоматы уже переименовали, но Сталин почему-то назвал Микояна не министром, а как когда-то – наркомом. Может, хотел подчеркнуть устаревшие методы его работы? Он ничего без смысла не путал, хотя с неохотой отвыкал от привычного.

– Ты зачем, нарком, американские, ещё по ленд-лизу, ботинки на витрину выставил. С заклёпками, прочные... У тебя вся лёгкая промышленность в подчинении, своих таких нашить не можешь, а глаза Сталину замазываешь... Ведь два дня назад этих ботинок на полках не стояло.

И повернулся к безучастному, непроницаемому Молотову, не стал ждать от Микояна ответа:

– Видишь, как скудно в магазинах даже в присутствии Сталина, а без него тут вообще – пустота. Пусть твоя дипломатия тоже поработает, мы можем предложить в обмен на западные продукты и технологии сибирскую пушнину, лес... Мы богаты ресурсами. А потребительские цены будем снижать ежегодно, системно, насколько сможем.

В незаметных переглядах членов комиссии прочиталось скрываемое удивление: «Откуда он знает, что два дня назад на полках не было американских ботинок?»

В душе постового проявилось через напряжённое внимание восторженное удовлетворение, даже умиление происходящим: «Эх вы, олухи... Пролетарского вождя не проведёшь. Ведь это он и был в прошлый раз. Инкогнито... А вы припудрились, выскребли последнее со складов на витрины... Он знает, всё знает, он наведёт порядок».

Проходя мимо милиционера, Сталин вдруг подмигнул, словно просемафорил ему доверительно жёлтым, проницательным глазом:

– Наблюдательный...

Сказал походя и негромко, больше в пространство, вряд ли кто и понял смысл, кроме замершего постового. Шаги, словно перекачываемые лёгким

порывом ветра многочисленные листья, прошуршали дальше, к машинам... Опять захлопали дверцы.

– О, конспиратор... Он же такой конспиратор! Все его знают, и никто его не узнаёт, никто... «Наблюдательный...» – меня назвал... – теперь почему-то в полной уверенности, что друзья ему верят, рассказывал после смены в красном уголке постовой. И ему почему-то, столь же бездоказательно, как и прежде, сейчас верили. Не может человек дважды врать столь кощунственно и вдохновенно о неприкасаемом, высокоом, отцовском.

– Как же он мимо часовых незаметно ходит?

– До метро подземный ход есть из Кремля... У него, поди, и другие такие ходы есть. Открыл дверь, и вот – уже улица... Здравствуйте, я – электрик. Да и кто додумается?

– Умно... Выходит, что сам лично убеждается, как народ живёт, не по докладам... Потом уж раздаёт по заслугам. Не на словах о народе радеет наш вождь...

И атмосфера общего удовлетворения, восхищения, преданности сгустилась в милицейском красном уголке. Если бы собравшиеся здесь офицеры и сержанты вдруг до обморочной глубины осознали всю важность выбора, делаемого в это время страной, всё равно доверили бы такой смертельно – значимый вопрос для решения Сталину. И не только потому, что тяжела такая ответственность и для любого в отдельности, и для всех вместе, а и потому, что уже уверились и убедились в компетентности вождя и государственности его подходов. Гибельна бомба, гибельно и отсутствие супа... Он сумеет и совместит – верили. С ним выживем: «где наше не пропадало!»

А Михаил Абрамович сделал ход. Сталин помолчал и, наконец, разлепил, словно смёрзшиеся, нехорошо шевельнувшиеся губы:

– Зачем, Михаил Абрамович, за дурака меня держишь? Я в поддавки не играю... – разочарованно махнул рукой. Разочарование было подлинным. От встречи он хотел чего-то тёплого, возвращающего к жизни безответственной, простой, завалиночной. Как плыли лодками по Енисею, как жгли от гнуса чадные костры, как играли в хлебные шахматы... А Виталь не понял, стал отгораживаться испугом, хитростью, неприятным угодничеством. Опять незримым винтом стало накручивать жилы на ногах. Наверное, зря после бани и – на морозную веранду. Коньяк не согрел.

– Мудры китайцы... Они говорят, что в одну реку дважды не войдёшь, – Сталин оставил фигуры на местах и шаркнул валенками ко входу в тёплый коридор, обернулся. – Считаю, что получилась ничья!

Михаилу Абрамовичу показалось, что его окатили ледяной водой, а на спине, под одеждой, тёк обильный горячий пот. Он видел толстые швы сталинского полушубка, покорным школьником поспешил за ним меж коричневых панелей карельской берёзы:

– Так получилось... Не подыгрывал я...

– Брось ты, – чуть приостановился Сталин, но не повернулся лицом, украли у него вечер душевной близости. – Ещё больше меня дураком делаешь. Испугался – и признайся... Гордыню никчемную прижми...

– Но что теперь-то, товарищ Сталин? Мне что... – в голосе Виталья слышалась тоскливая интонация, раздражающая вождя. Вот какие безвольные есть у него руководители!

– А ещё представлялся боевиком, моим соратником! – резко сказал он, но тут же раздражение загасил, усмехнулся в усы. – Что теперь... Шахту ты восстановил, производительность поднял. Орден возвращать не заставлю... Очень уж ты в Донбассе пропагандой поднят, хотя малоценен. Большевикам

не пристало гнаться то туда, то сюда... Скажешь людям благодарность, которые много лет своим тяжёлым трудом, своими лишениями покрывали твою руководящую никчемность, и напишешь заявление об уходе. На пенсию пойдёшь... Заслуженную. Только прежде шахтёрам питание организуешь!

Своевременно появился офицер охраны. Может, есть всюду незаметные кнопки вызова?

– В «Москве» разместился? – спросил Сталин, не оборачиваясь к гостю.

– В «Москве», – ответил Виталь. И почему-то рад был, что его ответ совпадает со сталинским предположением. Хоть этим угодил...

– Отвезите Михаила Абрамовича в гостиницу, – распорядился вождь и молча, так и не оборачиваясь, свернул в боковую дверь. Облезлый воротник полушубка исчез в проёме.

«Малоценен»... Получить такую оценку из уст Сталина всё равно, что подойти на самый край рушащегося обрыва. Потому Михаил Абрамович и на крыльце не почувствовал зимнего мороза. Перед ним стояла привёзшая сюда «эмка», и тот же самый майор при ультрамариновых петлицах смотрел на него через лобовое стекло машины...

12.

Понятно, что до профессиональной глубины ни Берия – официальный организатор атомного проекта, ни сам генсек Сталин не могли вникнуть в суть ядерного распада. Талантливые, исключительные учёные этому посвящают жизнь. Эйнштейн, когда создал теорию относительности, считал, что в мире во всей полноте её поймут лишь двенадцать человек. Он знал их по именам и знал, что говорит... Но руководители могут правильно оценить значимость проекта, помочь его продвинуть, а это уже очень много.

– Зачем мы будем копировать американцев и строить для испытания атомного заряда дорогостоящую башню, как в Аламагордо? Мы что, на местах бомбёжек тоже будем заранее башни строить? Нет, вы уж рассчитывайте сразу под самолёт и... под ракету. По последнему вопросу с Королёвым свяжитесь... Параметры, вес... И про перспективу развития не забывайте... Созданное не будет стоять на месте, – передавал Сталин указания длиннородому, похожему на факира Курчатову. И учёный с уважением воспринимал его слова.

Сталина многие принимали, как своего, металлурги, конструкторы, военные... Перед каждой серьёзной беседой он заказывал через секретариат книги по нужной теме из богатой кремлёвской библиотеки. Вникая в суть проблем в электронике, самолётостроении, металлургии, прочитывал разом до 300 страниц, оставляя реплики, столь ценные для историков, прямо на полях. Иногда вспоминал, что в ссылке скучал без книг:

– Легче было бы мне с ними в Туруханском крае...

Нынешняя беседа с учёными была утомительной, в последнее время Сталин уставал, чаще прежнего брал отпуск. Тема была столь сложна и специфична, что для его самообразованного, достаточно самобытного и интуитивного ума давалась только через сопоставления, готовые расчёты, а не через сами физические формулы, раскладывающиеся цифрами, буквами невидимые ядра и атомы в колоссальную энергию.

За окнами кабинета синело.

– Ваши просьбы о поставке тугоплавкой стали для первого контура охлаждения и увеличении денежных средств мы выполним. А вы – определяйтесь с окончательными сроками испытания, через неделю доложите, – напутствовал учёных Сталин. Они молча и сосредоточенно двинулись

вдоль длинного стола и спинок стульев, повёрнутых в ковровый проход. Какие выпотрошенные гнетущей работой, постоянным мыслительным напряжением их невыразительные спины, груди и лица... Только в глазах нечто – упрямо-фанатичное, оживляющее. Вершители мира...

– Лаврентий Павлович, останься...

Напряжённость обстановки в кабинете после совещания разрядилась, но Берия оставался настороже. Чего-то спросит этот въедливый, близкий ему – аж, до личной дружбы – византиец? Дружба никогда не бывает выше политики... Он хорошо знал, как Сталин перешагивал через свои чувства, давил в душе собственные слабости ради задуманных интересов.

Сталин не любил без оснований переходить с темы на тему, но тут он устал, хотел уйти от не очень понимаемых до конца (Бывает ли у них конец!), непосильных вопросов:

– Русские всегда умели воевать, но никогда не умели заключать мир, – он подошёл к закрытой на противоположной стене шёлковыми занавесками карте СССР в новых границах, раздёрнул их. – Недавно отпечатали, принесли...

Карта была достаточно подробной. Она пестрела многочисленными названиями городов, районов, как зеркало, засиженное мухами, на коричнево-зелёном фоне расцвеченных равнин и гор. Берия, изображая заинтересованность, подошёл следом, приподнял голову, открывая из-под жирной складки подбородка завязанный узел галстука.

– Посмотрим... Сумели ли мы правильно заключить мир? Финляндия перед нами провинилась, и мы отодвинули её границу от Ленинграда. Это на севере. Прибалтика – эта исконная русская земля – снова наша. И на западе всё нормально. Мы объединили белорусов, украинцев, молдаване теперь вместе... А на восточных границах? Курильские острова наши, Сахалин наш полностью... Видишь, как хорошо – и Порт-Артур наш. – Трубка коснулась юго-восточных границ. – Китай, Монголия – всё в порядке. Выходит, наше время было временем собирания. Это главная историческая оценка... Мы собрали, а кое-где даже расширили потерянную прежде империю. Факт неоспорим, и он должен пережить нас, Лаврентий. Всё остальное будет от лукавых фарисеев.

Берия поправил пенсне, согласно кивнул.

– А что ты, Лаврентий, считаешь главным успехом курируемой тобой спецслужбы? – Сталин повернулся от карты к нему. Берия знал, как он умеет прятать тяжёлую суть вопроса за его внешней безобидностью, стал на всякий случай осторожничать:

– Мы сумели противостоять германской разведке...

– Ай, ты... – нетерпеливо шевельнул левой полупарализованной рукой Сталин. – Что бы вы тогда делали, если бы не занимались борьбой с чужими разведками, и за что вас тогда содержать... Главный ваш успех в том, за что, возможно, вас будут клеймить и укорять сибаритствующим потомкам. Спецслужба хорошо прочесала тайные вражеские закрома зла и сопротивления на территории страны ещё перед войной. Представляешь, что бы было, если, как в Испании, встала «пятая колонна»... Гитлер, между прочим, на неё рассчитывал... Но «глиняный колосс» оказался на гранитном монолите, не на глине, и, вопреки его ожиданиям, не рухнул. В таких условиях везде рухнул! Наша Белоруссия выгорела, а стояла столько лет, даже в оккупации...

Берия по-совиному округлившимися за пенсне глазами довольно равнодушно смотрел на карту:

– Но и у нас был генерал Власов... Пропустили, – сыграл в честное прямотушие Лаврентий Павлович. Знал, что Сталин не любит экивоков и безответственности.

– Был... – подтвердил Сталин. – Но это явление произошло, скорее, под давлением очень тяжёлых обстоятельств и слабости, а не в результате заранее подготовленного предательства. Были проявления национализма, массовой сдачи в плен, было и честолюбие некоторых полководцев, презревших интересы страны, ставящих себя выше простого народа, возомнивших себя непревзойдёнными Бонапартами, было... И что противопоставили бы эти полководцы Гитлеру, кроме своих безрезультативных теорий и знаний? У Гитлера таких было много – прусская военная школа... Нам нужнее были жуковские бескомпромиссные подходы, свернувшие шеи лучшим военным теоретикам мира. Иногда важнее не ум на ум, не знания на знания, а дело – на дело. Массового отвержения советской власти не было. Это главная заслуга спецслужб... Пену вычерпали вовремя.

Берия был доволен оценкой вождя. Тем не менее с его обрюзгшего лица не ушло выражение настороженности, сочетающееся с отталкивающей и какой-то неприятно-активной мягкостью. Сталин заметил его внутреннее расслабление и вернул бывшего наркома в русло напряжённости. И похвалы в устах вождя должны звучать официально, торжественно и мобилизующе...

– Я лично разговаривал несколько дней назад с человеком, удачно избежавшим чистки Ягоды, Ежова, твои чистки, Берия... Скрытый троцкист, – сказал он. И Берия сразу выпятил под штатским костюмом свою маршальскую грудь вместе с животом:

– Немедленно примем меры, товарищ Сталин!

– Зачем? – остановился напротив Сталин.

– Он же... троцкист, – недоумённо глянул на него через стёкла пенсне Берия.

– Теперь он уже беззубый троцкист! Меры нужны были раньше. А сейчас, без купированного хозяина, без поддержки в обществе, он – безвредный и... пугливый. И лет ему уже почти, как мне! Немало. Опоздал, Лаврентий... Мы ведь не мстим, а предотвращаем. – Сталин подошёл к столу, разорвал душистую сигарету из пачки «Герцоговины Флор», стал набивать табаком трубку. – Врачи курить запретили, но ты ведь не выдашь меня ни им, ни политбюро, чекист?

– Что ты, Иосиф... – даже смутился Берия, – Не до сигарет... Такую «сигарету» сами готовим американцам...

Он не стал спрашивать фамилии престарелого троцкиста, разговаривавшего недавно с вождём: грош – цена спецслужбе, если сама не вычислит. Сталин набил трубку, повернулся к Берии и продолжил разговор:

– Ты, Лаврентий, проконтролируй питание на шахте БИС-27. С заявлением, без заявления – её директора уволить в любом случае. И пусть остаток жизни догнивает дома в ненависти ко всему глубоко народному, русскому. Всегда был злобно-мелочен да беззуб! Ему на такую державу рот не разинуть...

– Кто же может разинуть? Американцы? – спросил Берия.

– Опасней в относительной сытости станем себе сами...

Ответ вождя Берия не понял. Посчитал: риторика, не больше...

* * *

Едва погас в деревянных крестовинах окон ровный розовый сполох утренней зари, приехал в гости дядя Поляшка. Из соседней деревни, за десять

километров, через заиндевелый лес, по темноте, санным следом... В гости. Пораньше дал сена, воды корове, овцам и... приехал. Длинный, до земли, тулуп так и остался лежать в розвальнях. Валерка ходил по широкой лавке вдоль стены меж нескольких чугунков и кастрюлек, выглядывал через глазок во двор и размышлял: «Чего тулуп оставили? Вымерзнет... А и что ему, овчинному, сделается – неживой... Пальчик не отморозит».

Что-то гнетущее царило в деревне. Так бывает при покойнике, но тогда в печали-грусти один, может, несколько, домов, а тут – вся деревня. Видел вчера Валерка два – на сельсовете и школе – вывешенных флага. Они там всегда вывешены, но прямо... А вчера как-то не прямо, с наклоном к земле, и чёрные ленты на них повязаны. Бабы у казённого колодца толпились с коромыслами, под нависшими шальями глаза протирали, хлюпали:

– Мы всё пережили... Как дети теперь? Хлеба б хоть вдоволь...

– Чи Молотов, чи Берия править-то станут?

– Назначат...

И над всеми разговорами, над всей деревней незримый, но тяжёлый, словно из брезента, полог какой-то сиротской обречённости, не защищающий, а давящий. Даже воробьи и сороки на заплотах присмирели и задумались. Сталина Валерка видел на картинке в учебнике брата. Он потом нарисовал его в тетрадном листе цветными карандашами. Тётя Лена в голубом модном берете, городская, подошла, глянула:

– Кого же ты, Валерка, так хорошо нарисовал?

И он ей добросовестно ответил, кто нарисован в виде непонятого клубка с кругляшами глаз, чёрными стрелками, подразумевающими усы, с погонами, ярко раскрашенными прослюнявленным красным стержнем:

– Сталин.

И тётя Лена отшатнулась, словно её ударили по лицу:

– Что ты, что ты... Это Черчилль. Сталина нельзя так рисовать, нельзя...

Разрешение надо.

Черчилля можно было рисовать всяким.

Сегодня вокруг большого – наверное, больше старой мельницы на бугру – усатого человека велись все разговоры. Какая бы тема ни затрагивалась, а всё – о нём.

Отец с Поляшечкой сидят перед остывающими говяжьими мослами, вытасенными на клеёнку из щей, разливают из ковша брагу, и Поляшечка задумчиво смотрит в пробелённый угол:

– На том параде я левым крайним шёл, а он как раз напротив, на мавзолее... Рукой как-то так, неловко, честь проходящим войскам отдавал, улыбался. А Жуков ловко вылетел, жеребец под ним гарцует... С саблей. Рокоссовский... В орденах все. А на нём – без блеска... Мундир. А всеми командовал...

О разном с отцом говорят, а понимают, как об одном. Вот и отец вспоминает:

– Первый убитый запоминается. Мы за озерком в копы сена залезли: потеплее, помягче. На той стороне пулемёт стрекотнул, а он как заорёт, не орёт так человек... К нему – а он уж замолк, готов совсем. Ох, и посыпались мы тогда из этих копен!

И это почему-то о нём, Сталине!

И братья пришли, принесли холщовые сумки с учебниками:

– Не учимся... Траур.

И это о нём. Не радуются, схватили братья по пшеничному калачику и тихо – на улицу, за дверь. День-то погожий, с лёгким морозцем.

– А что, Поликарп Васильевич, хоронить, пожалуй, с салютом будут?
– спрашивает отец.

– Как без салюта... Генералиссимус, – мужики за столом как-то встре-
пенулись и почему-то с лукавинкой смотрят в сторону Валерки.

– У нас, поди, видно будет?

– Что же, и будет... Салют...

Из тёплого творила большой печи доносит в дом запах свежееиспечённого
круглого хлеба на жестяных листах.

– Смотри, Валерка, не пропусти, как шарахнет... – говорит отец. Отцу
Валерка верит.

– Куда смотреть-то? – озабоченно спрашивает Валерка.

– А прям на кума Васи стог... На Москву – прямо.

Хороший ориентир – стог кума Васи. На боках проступили обдутые
ветром рыжие пятна сена, а макушка – под нетронутой шапкой снега.
Только торчат из белизны шапки коричневые веточки с несколькими не
облетевшими за зиму листочками берёзы. Как специальные насесты для
неугомонных сорок эти притужалины на макушке... До огородных задов,
до самых первых ивняковых кустиков на лесной опушке тянутся простру-
ганые, прогнувшиеся от гнили и старости жерди межи.

Валерка добросовестно всматривается в небесную голубень за стогом.
Каков он, московский салют? Салютов он ещё не видел...

В проталине окошка посверкивают, играют маленькими радугами лучи
давно поднявшегося яркого солнца. Слепит снег сугробов. Глаза быстро
устают, и Валерке уже не хочется видеть салют. Он просто так, без всякого
умысла, кричит от окошка:

– Стрел-л-яют.

Да ему и правда кажется, что над стогом взлетают какие-то серебристые
клубы.

– Стреляют! – ещё громче и звонче кричит Валерка.

Мужики прервали свой озабоченный разговор, переглядываются в
недоумении и сомнении. День-то – траурный, повсеместный... В деревне
людей хоронили тихо, без оркестров и без хоругвей. Несли гроб на плечах
мимо церкви, ставшей школой, без колокольни, мимо крупноствольного
березняка, по тропинкам на погост. Лопаты гребут мёрзлую глину... Долго,
с надсадным дыханием, с каменным звоном пробивались через неё пешни
и ломы... А сегодня такого великого человека хоронят. Может, и грохну-
ли... Как в такой день не грохнуть! Что-то могут в Москве и придумать...
Обманутые бессознательным криком ребёнка мужики отставляют стаканы,
неловко идут к окну:

– Где стреляют?

Мартовский порыв ветерка сорвал с затвердевшего наста белую порошу
на открытой чистине огорода. Как всегда, неколебимо и тихо коричневел
оголёнными ветками недалёкий лес... Тысячи километров от Москвы...

– Чудес не бывает, – сказал дядя Поляшка, и мужики смущённо по-
вернулись назад к столу с остывшими щами. Вздохнули по-взрослому и
серьёзно.

...А тем шестилетним пацаном на лавке, у окошка, был я. Запомнилось...
почему-то это.

*3 апреля 2014 года,
с. Сладково, Тюменская обл.*

ПОЭЗИЯ

Эвилина РИЗЕПОВА

Солнце

Каждый раз, когда просыпается солнце,
Оно потихоньку ко мне крадётся,
Чуть слышно, на цыпочках, чмок – и смеётся,
И прячется тут же за ближнюю тучку,
За тумбочку, шкаф, за чернильную ручку.
Сидит, затаясь, почти что не дышит,
А я очень громко, специально, чтоб слышало,
Тянусь и особо протяжно зеваю:
«Не прячься. Ты здесь – и я это знаю.
Послушай меня, я и так вся в веснушках,
И щёки, и лоб, и нос, даже ушки,
У меня от тебя уже аллергия,
Я ведь не в Африке, я же в России!
Ну, что за ...прости...африканские страсти?
Давай, вылезай, моё ты несчастье!
И больше, смотри, никогда так не делай!
Запомни – ЦЕЛЮЮ САМА. ТО ЕСТЬ ПЕРВОЙ.
При этом гораздо сильнее и жарче.
Так было всегда. И не будет иначе!»
И ближе к семи, после всех разговоров,
Я выставляю солнце с позором.
Оно, опустив к груди подбородок,
Уходит. Но знание метеосводок
И просто моё нутровое чутьё
Мне говорят, что моё бытие
Обречено. И упрямое солнце
Снова целует меня и смеётся.

30.07.2014 г.

Иди

Иди с Богом.
Иди с Миром.
Иди.
За порогом
Моей квартиры
В себе найди
То, что перед порогом
Вчера невзначай потерял,
По дороге,
Ведущей из кухни
В мой крохотный зал.

* * *

Я коснуться губами тебя не смогу на прощанье,
Помешает оно – неизменною данностью вновь – расстояние.
И в глаза я твои заглянуть не смогу напоследок,
Дальность стрел так мала, и Амур недостаточно меток.

Я тебя отрываю безмолвно, почти что бесслёзно,
Ты подарен мне был нежнейшим январским морозом.
Ты отобран мохнатыми лапами грубого лета,
Мы друг друга нашли нигде, мы друг друга теряем где-то.

Но ни мыслей дурных и ни фраз оскорбительно колких
Мы не выбьем на сердце чернильным узором иголкой.
Не родится упрёк, ибо мы, предвкушая прощанье,
Убивали в утробе зародыши всех обещаний.

И, жуя километры, давились иссохшими милями,
Нам усердно мешали быть вёрсты по-детски счастливыми.
Так пускай эти вёрсты, лежащие шпалами тощими,
Хоть проститься с тобою помогут нам чуточку проще.

2010 г.

Другой/другая

Тебе руки на плечи положит другая,
И заснёт на коленях моих другой.
Ты её будешь звать – моя дорогая,
Я его называть – мой дорогой.

Я его буду ждать вечерами с работы,
Провожая, желать удачного дня.
Ты её окутав нежнейшей заботой,
Целовать при встречах будешь, любя.

У тебя родится прелестная дочка,
Я же сына буду ночами качать.
Мы мечтали о счастье...так вот оно...ТОЧКА!
Но однажды случайно, совсем невзначай

Ты окликнешь её моим именем длинным,
Ненароком ему я твоё прошепчу.
И смутившись немного под взглядом ревнивым,
Ты отшутишься тут же...и я ...отшучусь.

2010 г.

Письмо маме

С чего начать...
Где нужные слова
Насобирать
Для этого письма...
У нас вовсю – сибирская зима,
У вас там – слякоть.
Кругом голова...
Ну, вот, с погоды, как всегда...
Вода.
Не то... Совсем не то...
Спасибо, мам, за новое пальто,
Оно впритык, конечно, но зато
Есть повод скинуть пару килограмм...
.....
Я вот чего пишу... послушай, мам,
Мне хочется о многом рассказать,
Но я молчу, чтоб ты могла ночами спать.
А это, чёрт возьми, даётся мне непросто,
И я горжусь собой.
Мне, кажется, что взрослой
Становятся вот так!
Мне хочется беречь тебя:
И это – добрый знак...
И вот ещё... наверное, пустяк...
Хотя... пожалуй... нет:
Мам, я пишу, ты знаешь, много лет,
Но о тебе я не нашла ни строчки.
Я – отвратительная, верно, дочка!
Прости...
Прости, я виновата, каюсь!
Но я, мам, видишь, исправляюсь:
Пусть, разменяв аж четверть века,
Из обезьяны в человека
Я всё же как-то превращаюсь.
Я плачу, мам, и улыбаюсь
Сейчас... вот в эту самую минуту.
Мам, я люблю тебя и буду
Любить сильнее, чем «ТЫЩУ» эскимо,
Чем всё «ФЕЛЛИНИно» кино,
Чем тонну вишни, осень и зефир,
Стихи и театр – это весь мой мир!
Чем Достоевского, Набокова, Дюма...
И это говорит тебе сама
Себя сейчас назвавшая БОЛЬШОЙ!
Не дружит твой ребёнок с головой!
...А если взять без шуток... если в суть:
Мам, будь со мной...
Вернее, ПРОСТО БУДЬ!

7.01.2014 г.

Прирастаю

Я почти ничего о себе не знаю,
Кроме того, что я прирастаю
Сердцем
Ко всему, до чего касаюсь
Глазами, губами, руками, ступнями.
Я прирастаю выше на терции,
Я прирастаю под сотней паскалей,
Я прирастаю глубже на футы.
Из этого путное
Выйдет едва ли.
Я понимаю.
Но тут же касаюсь
И прирастаю...

2013 г.

Постепенно

Так в горную входят реку, Так, пожалуй, приходят в религию. От примата – до человека, От «Колобка» – до Библии.	Так белеют цветные головы, Так лицо утопает в морщинках. Так к солдату – из чёрного олова, К буре так – от одной песчинки.
--	---

Так стакан горячего чая, Так от незрелости – к опыту. Так от борьбы – к отчаянью, Так по динамике – к шёпоту.	Так корабль ночной – к причалу, Так глюкозу больным – внутривенно. ТАК тебя я в себя впускала – Осторожно и постепенно.
--	--

2013 г.

Она говорила

Она говорила: я крыльев твоих не сломаю,
Я их сохранию, положив под пуховый матрац.
И если решишь улететь – улетай!
Но только один и единственный раз.

Она говорила: я цепь на тебя не наброшу,
Мне хватит того, что меж нами незримая нить.
Не рви, я её развяжу по-хорошему!
Но больше она нас не сможет скрепить.

Она говорила: я дверь на замок не закрою,
А если и так, то оставлю ключи под ковром.
Захочешь уйти, уходи, Бог с тобою!
Но можешь забыть про дорогу в мой дом.

Однажды слова он эти проверил,
И крылья тайком от неё он примерил,
И лопнула нить, захлопнулись двери,
Она говорила...а он не поверил.

2010 г.

ПРОЗА

Ольга ОЖГИБЕСОВА

БУМЕРАНГ

В последнее время самолеты падали так часто, что у Ахматова при одной только мысли о предстоящем полете где-то глубоко под ребрами рождался маленький противный холодный комочек, который, разрастаясь и расплываясь, словно липкая медуза, проникал во все органы, вызывая животный, инстинктивный страх. Он старательно боролся с ним, призывая на помощь логику и здравый смысл, убеждая себя в том, что рядовая поездка на автомобиле куда более опасна и непредсказуема, чем полет на высоте десять тысяч метров. Понимал это разумом, но страх все равно оставался, концентрируясь, казалось, не столько в сердце, сколько на дне желудка. И осознать его присутствие было тем более противно, что летать Виталий любил с детства, с того самого дня, когда он, пяти- или шестилетний мальчишка, впервые сел в самолет и испытал дикий, ни с чем не сравнимый восторг, выглянув в иллюминатор и увидев под собой расчерченную на квадратики разноцветную поверхность земли.

Самолет мягко вырулил на взлетную полосу. Ахматов с удовольствием откинулся на спинку кресла, привычно, не дожидаясь, пока стюардесса зачитает инструкцию, застегнул ремень и бросил прощальный взгляд на здание аэровокзала за выпуклым, словно линза очков, иллюминатором.

Соседнее кресло пустовало. Виталий поставил на него дипломат, бросил туда же газету, только что купленную в зале ожидания. Подумал: «С Богом...».

Он не верил в Бога – ни воспитание, ни образование не позволяли: закончил философский, как тогда говорили, идеологический факультет, новомодные веяния не коснулись его – следовать вере, словно моде, он считал ниже своего достоинства. В церковь не ходил, не крестился и не терпел, когда друзья, вчерашние атеисты, начинали впадать в религиозный экстаз. Но в глубине души верил, что, безусловно, есть какая-то высшая сила, с которой нужно считаться, с которой нельзя шутить, а как эту силу называть – Бог, дух святой... Какая разница! Вот и говорил себе по привычке: с Богом!

Виталий Ахматов любил командировки. Любил суету сборов, нетерпение последних минут. Успокаивался лишь тогда, когда заканчивались хлопоты, и оставалось пройти на посадку. Он покупал в дорогу газету, в сувенирных киосках рассматривал безделушки, с любопытством разглядывал лица пассажиров, стараясь угадать, кто летит с ним одним рейсом. Не торопясь, и, тем не менее, одним из первых проходил в самолет, занимал свое место и расслаблялся.

Одиночество в толпе – в этом есть что-то притягательное. Не надо ни с кем разговаривать, не надо делать вид, что тебе кто-то интересен, не нужно, слушая собеседников, сочувственно кивать головой, мысленно посылая их к черту. Можно сделать отстраненный, недоступный вид, чего никогда не позволишь себе на работе. Можно уйти в себя, уткнуться в газету или смотреть в окно, за которым ничего не видно, будучи уверенным, что никто не задаст тебе идиотский вопрос: «Ну, что там?».

Виталий развернул газету.

Тэ-э-экс, политику оставим на потом. Она требует серьезного настроения...

Он перевернул несколько страниц. Пальцы тут же почернели от типографской краски. «Свежая!» – подумал с удовольствием непонятно о чем: о краске или о газете.

В глаза бросился крупный заголовок: «Грехи молодости». Ахматов любил читать житейские истории. Это было сродни мальчишескому подглядыванию в замочную скважину. Или в соседское окно – сквозь щель между шторами. Когда в животе – холодок от страха быть застигнутым на месте «преступления», но любопытство сильнее этого страха...

Что скрывать? – мы не слишком любим, когда лезут в нашу жизнь, зато хлебом не корми – дай обсудить чужую. Хотя... если посмотреть с другой стороны: опыт – всегда опыт. И лучше учиться на ошибках ближних и дальних, чем на своих.

Он поерзал в кресле, устраиваясь удобнее. По салону, дежурно улыбаясь, прошла стюардесса с подносом, предлагая конфеты, пассажиры тянули к ней руки, брали – кто по одной, кто целой горстью, но Виталий в ответ на вопросительный взгляд девушки в голубой пилотке лишь помотал головой и уткнулся в газету.

«...Они занимались любовью на жесткой панцирной сетке от железной кровати, поставленной прямо на пол. На сетку был брошен старый домотканый половичок и – для мягкости – свернутое вдвое изношенное шерстяное одеяло...».

Виталия вдруг бросило в жар. Он даже поднял голову и огляделся в непонятном, не объяснимом для него самого страхе: не заметил ли кто? Словно испугался быть застигнутым, уличенным в чем-то неприличном, постыдном. Сердце, оборвавшись, ухнуло вниз, как будто самолет упал в воздушную яму.

«...Сетка проваливалась до самого пола, и Юлька время от времени ударялась маленькой худой попкой об истертые доски. Звуки заглушались одеялом, но все равно было страшно, что кто-нибудь услышит их или негромкие Юлькины стоны, и Виталий, злясь и нервничая, зажимал ее рот ладонью, а она впивалась в нее зубами, заставляя его вскрикивать от боли».

Что это? Что?.. Ахматов заторопился, глаза побежали вниз по газетной странице в поисках фамилии автора. Ульяна Ростова... Какая Ульяна?! Кто она такая?! Откуда узнала про Юльку и про чуланчик, и про скрипучую сетку?.. Черт! Даже имена не изменила! Хотя... какая разница! Кто сможет узнать его? – никому и никогда он не рассказывал об этих ночах.

От тревоги, перемешанной со страхом, пробежавшим с кровью по венам, по тончайшим сосудам, похолодели кончики пальцев. Словно бомба взорвалась и ударной волной выбросила его за грань реальности, по ту сторону сознания, в те дни, память о которых, как он думал, давно уже стерлась за ненадобностью, так, как стирают с доски выполненное классное задание.

Они действительно любили друг друга в чулане, на скрипучей, продавленной панцирной сетке от железной кровати. Домотканый половик вместо матраса и тонкое одеяло не спасали Юлькину спину: просовывая руки под ее лопатки, Виталий ощущал, как врезаются в худое тело выпиравшие из сетки железные горбы.

Юлька ойкала, и Виталий, злясь на неудобство, торопился скорее закончить и от этой спешки злился еще больше – на себя и на Юльку, которая обхватывала его напрягшуюся шею тощими руками и, не чувствуя ничего,

кроме досады на себя и жалости к нему, шептала пересохшими, горячими губами: «Бедненький мой! Бедненький...»

... Виталий заставил себя открыть глаза и взглянуть в газету. Эти слова отыскались сразу и, словно увеличившись вдвое, выпрыгнули из строки: «Бедненький мой!..»

«Нет, – подумал он, – это просто наваждение. Никто, кроме нас двоих, ничего не знал об этих словах».

Виталий вообще предпочитал, чтобы никто ничего не знал о встречах в чулане. Комиссару стройотряда крутить шашни с поварихой не полагалось. Тем более что повариха-то была... Господи! Ахматов поймал себя на том, что произнес это слово вслух. Быстро огляделся. Нет, никто не обратил внимания на его возглас. На что там было смотреть! – вернулся он к своим мыслям. Маленькая, тощенькая, на затылке – мышинный хвостик, стянутый черной резинкой. Разве что глаза – карие, чуть раскосые, внимательные и печальные. И улыбка на пухлых детских губах – загадочная, как у Джоконды Леонардо да Винчи. Да-да! Вот чем так привлекла его эта улыбка: он не понимал, каким таким потаенным мыслям всегда улыбается непонятно откуда взявшаяся на его голову повариха!

Он не собирался ее соблазнять. Если честно, ловеласом Ахматов себя не считал. До четвертого курса доучился, но даже девушки постоянной у него никогда не было – так, встречался иногда, но ничего серьезного. А когда увидел Юльку, тихую, робкую мышку, невесть как попавшую поварихой в мужской студенческий стройотряд, у него вдруг затряслись колени.

Он хотел ее с первой минуты. У него дрожали руки, пересыхало в горле, пропадал голос, когда Юлька оказывалась рядом. Виталий старательно избегал встреч, передавая все необходимые распоряжения то через вторую повариху Светку, прошедшую с мужиками и Крым, и Рим, то через бригадиров. Юлька такое нарочитое игнорирование понимала по-своему: ей казалось, что комиссар ее недолюбливает. Тщательно скрываемую тягу к ней, с которой Ахматов пытался бороться, воспринимала как откровенную неприязнь, и потому постоянно боялась вызвать его неудовольствие. Поэтому когда однажды, во время вечеринки, устроенной по поводу прибытия в гости дружественного женского стройотряда, Виталий, решившись, пригласил Юльку на танец, девчонка едва не упала в обморок...

У Ахматова вспотели ладони – точно так же, как тогда, когда он прижимал к себе, держа почти на весу, обмякшее Юлькино тело, а она, спотыкаясь, едва передвигала ноги. Он и сейчас помнил, как пахли ее волосы – розовой водой, помнил капельки пота на ее бледном лбу. «Юлька! – шептал он ей прямо в ухо и ничего другого просто не мог сказать: – Юлька! Юлька!»

Она влюбилась в него до потери разума – сразу и навсегда. По-прежнему боялась, но теперь уже того, что разочарует своего комиссара. Она была похожа на бандерлога перед удавом из мультика про Маугли, когда немигающим взглядом следила за ним, боясь пропустить его взгляд, улыбку, малейшее движение бровей. Пользовался ли он своей властью над влюбленной девчонкой? Какая власть?!.. Да он готов был разбиться в лепешку, лишь бы угодить ей! Вставал в шесть утра в дни ее кухонного дежурства, чтобы часок, пока еще все спят, побыть наедине с Юлькой. Потихоньку от всего отряда таскал ей конфеты и яблоки, помогал чистить картошку, а потом, незадолго до подъема, уходил и ложился обратно в кровать, чтобы проснувшиеся бойцы видели своего комиссара спящим.

Нет, он не хотел ее соблазнять. Так получилось. Танцы, музыка, темнота. Из холла, где натужно орал магнитофон «Юность», узенький коридор

чик вел через кухню в подсобку, оттуда – в пыльный чулан. Он протащил ее за руку по этому коридору и втолкнул в маленькую комнатку, прикрыв за собой дверь и подперев ее палкой. Если бы Юлька сказала «Нет!»... Что, если бы она сказала «Нет»? Он стал бы настаивать, просить, уговаривать?.. Или взял бы свое силой?.. Черт его знает! Как можно судить об этом сейчас, когда прошло столько лет! Но Юлька уступила. Сразу. Молча. Помогла ему расстегнуть добрый десяток пуговиц на своей форменной стройотрядовской рубашке, сама сняла бюстгальтер, с застежкой которого в горячке не мог справиться кавалер... Он хотел эту девочку – и он ее получил. Была ли это любовь? Может быть... А может быть, просто юношеская похоть, жаждавшая немедленного удовлетворения...

Почему именно с ней? Сейчас, став зрелым и опытным мужчиной, он мог себе это объяснить. Других, более сильных, знающих себе цену, нужно было завоевывать, нужно было тратить на них время и душевные силы. У него – отличника, общественника, активиста, комиссара стройотряда – не было времени на личную жизнь. Юльку не нужно было завоевывать. Она сразу же попала под его власть и покорила, не сопротивляясь. Любила ли она его? Наверное, если можно назвать любовью слепое поклонение. Получала ли удовольствие от их близости? Тогда Виталий не думал над этим – условия не позволяли получать полноценное удовольствие им обоим... А Юлька ничего не просила для себя. Она молча отдавалась ему, а потом еще и жалела, когда он мучился и злился, боясь скрипа этой чертовой сетки, ее вскриков и собственных стонов.

«Бедная!» – вдруг запоздало пожалел Юльку Виталий. Он был слишком занят собой, слишком боялся, что кто-нибудь узнает про их отношения. Как будто это можно было скрыть! Но тридцать человек, на глазах у которых разворачивался их роман, делали вид, что ничего не замечают. Все молчали. Это был какой-то заговор молчания... Как он понимал сейчас – заговор против Юльки. Потому что если бы о них говорили, если бы обсуждали, если бы их имена связывали между собой, возможно, не случилось бы то, что случилось позже...

Но все делали вид, что ничего не происходит. И они сами в том числе. А вечерами, когда отряд засыпал, тайком пробирались в маленький пыльный чуланчик со скрипучей железной сеткой, застеленной половиком и тонким одеялом...

А потом был вокзал, перрон, зеленый от студенческих «целинок», – шумящий, поющий, плачущий, смеющийся. Закончилось лето, закончилась работа, закончилась целина.

*А все кончается, кончается, кончается,
Едва качаются перрона фонари.
Глаза прощаются, надолго изучаются –
И так все ясно, слов не говори...*

Виталий в душе всегда оставался романтиком, комиссаром тех далеких студенческих лет. До сих пор лучшим для него отдыхом было закатиться на дачу с друзьями юности – с теми еще, с рабфака, из стройотряда, посевшими, погрузневшими, постаревшими... С теми, кто сумел выстоять в бешеной гонке последнего десятилетия двадцатого века, не сломаться, не скурвиться, остаться верными стройотрядовскому братству. Какое это было счастье – попариться в баньке, с веничками, с холодным, настоящим домашним кваском, с шашлычками под водочку, потом взять в руки старую гитару – ту еще, стройотрядовскую, в трещинах под разноцветными на-

клейками, много повидавшую, как и ее хозяин, – и петь, петь до рассвета, со слезой, с надрывом про вишневую косточку, про есаула, про комиссаров в пыльных шлемах и золотые города под голубым небом...

Виталий с трудом поднял руку, нажал кнопку вызова стюардессы. Через минуту она нарисовалась между кресел – вышколенная красивая кукла с отрешенной улыбкой на умело раскрашенном лице. Склонилась к нему предупредительно.

– Девушка, будьте добры, мне бы коньячку...

Как хорошо, что на дальних рейсах стали предлагать бесплатную выпивку! Очень даже полезно для поддержания тонуса.

Улыбка исчезла с лица стюардессы, сменившись настороженным, вполне человеческим вниманием.

– У вас все в порядке?

– Да-да, – успокоил он ее, – все нормально. Сердце чуть-чуть давит... Будьте добры – для профилактики.

Стюардесса принесла на металлическом подносе пластиковый стаканчик с темной жидкостью, оглядела пассажира подозрительно.

«Ну, переполошил, – подумал Ахматов, – теперь будет за мной всю дорогу присматривать».

...Тогда, на вокзале, тоже пели песни. Отряд уезжал, а начальство – командир, комиссар и бригадиры – оставались сдавать имущество и утрясать последние бумажные формальности. Юлька не плакала. Следила за ним неотступно испуганными глазами, а он делал вид, что не замечает этого взгляда. Смеялся, пел, шутил, обнимался, прощаясь, с ребятами. А они все ждали, когда же, наконец, он подойдет к несчастной девчонке в зеленой куртке с разноцветными нашивками.

Смешно, но он ничего не знал про Юльку – ни адреса, ни номера телефона. Не знал, кто ее родители, что она любит, чем живет. У него не было времени поговорить с ней о ее семье и друзьях, словно короткая целина не отпустила для этого ни дня, ни часа. Но самое страшное состояло в том, что Виталий испытывал странное облегчение от их расставания: словно спало наваждение, словно он враз освободился от желания обладать ее телом и разумом. Как будто знал, что внезапно вспыхнувшая страсть не доведет до добра, и радовался, что сумел разорвать соединившую их нить.

У них не было возможности проститься накануне ночью: сборы, прощальный костер, бойцы, оторвавшиеся по полной программе после двухмесячного «сухого закона»... Виталию было не до Юльки: комиссар отвечал своей головой за каждую беговую головушку, пока студенты не сели в поезд, перестав быть единым целым, пока не рассыпались, подобно цветному горошку, по вагону, перемешавшись с бойцами из других отрядов.

В поезд грузились весело. Юлька растерянно стояла у вагона, разрываясь между необходимостью подняться по железным ступенькам и желанием остаться на перроне. Воспользовавшись суетой и суматохой, он выдернул ее из толпы, притянул к себе быстро, пока никто не увидел, и так же быстро, наклонившись, поцеловал в пересохшие губы: «Все, пока!». И, развернув на сто восемьдесят градусов, подтолкнул к вагону: «Иди, а то опоздаешь!». Повернулся и пошел, закуривая на ходу, к перронной ограде, где ждал его лучший друг, а по совместительству командир отряда Вадик Шорохов.

– Дурак! – коротко сказал тот.

Виталий вскинул брови, но спорить не стал. Может быть, и дурак.

* * *

Ахматов перегнулся через пустое соседнее кресло, отдернул голубую шторку, прикрывавшую иллюминатор. Усмехнулся: словно в трамвае! Скоро ли остановка? Не выйдешь, брат, не выйдешь... Самолет, казалось, завис неподвижно над облаками. Они были повсюду – белые, рыхлые, словно свежеевыпавший снег, еще не успевший осесть под собственной тяжестью.

Снег... В тот день, когда он снова увидел Юльку, кажется, тоже шел снег, несмотря на октябрь... Зима в том году началась рано. Виталий лежал на кровати под двумя одеялами с книжкой в руках. После бархатного сезона в Гаграх («Боже, – подумал он, – тогда еще Гагры были курортом!»), где они после трудов праведных отдыхали вместе с Вадиком Шороховым, Тюмень казалась особенно грязной, сырой и неудобной. Полупустое общежитие затаилось в ожидании возвращения своих шумных жильцов. Гостей Виталий не ждал, поэтому, когда в дверь постучали, и не подумал подняться. «Открыто!» – крикнул он и повернул голову, чтобы посмотреть на неожиданного гостя. На пороге стояла Юлька.

Если быть до конца честным, то Виталий почти не вспоминал о ней. Точнее, старался не вспоминать о часах, проведенных в пыльном чуланчике, о раздолбанной железной сетке. И об острых Юлькиных лопатках, в которые врезалась скрученная проволока... Вернувшись с каникул, пару раз ловил себя на мысли, что надо бы найти Юльку в университете, что нехорошо – вот так, оттолкнуть ее на вокзале и забыть. Но суета первых дней учебы отодвигала на задний план неизбежную встречу, и Виталий успокаивал свою совесть: «Успею еще, никуда она не убежит!».

Юлька не убежала. Наоборот, пришла сама. Виталию бросилось в глаза ее спокойствие, даже сосредоточенность, как будто она раздумывала, советовалась со своим внутренним голосом: остаться? Уйти? Говорить? Промолчать?

– Привет...

Совершенно растерявшись, он вылез из-под одеяла, хотя ему, наоборот, вдруг захотелось укрыться с головой, спрятаться от разговора, который неминуемо должен был сейчас состояться. Поднялся, подошел к Юльке, обняв за плечи, прижался губами к ее холодной щеке – такой же холодной и чужой, как шуршащая болонья красной куртки, мокрой от растаявшего снега.

– Холодно?.. Замерзла?.. – суетливо, совсем не похоже на себя, спрашивал он, заглядывая Юльке в глаза. – У нас, видишь, еще окна... Тоже мерзнем... Садись, садись... Чаю хочешь? Давно приехала?

Он кинулся к столу, где стоял на деревянной дощечке электрический чайник со свистком – блестящий, с начищенными боками, в которых отражался свет горевшей под потолком лампочки. На втором курсе они с Вадиком, скинувшись со стипендии, приобрели это чудо техники и очень им гордились, потому что соседи вынуждены были по утрам стоять на кухне в очереди, чтобы вскипятить воду, а у них с Вадиком всегда был горячий чай.

– А я и не уезжала никуда...

Виталий уже взял чашку, и теперь рука его застыла в воздухе. Значит, Юлька – местная. Живет, скорее всего, с родителями. А он и не знал...

Чайник зашумел, оживляя напряженное молчание. Юлька, не снимая куртки, сидела на стуле и сосредоточенно смотрела на стену, туда, где были развешаны большие портреты битлов и Виктора Цоя, и группы «Modern Talkings» и еще бог знает каких певцов и музыкантов, чьи фамилии за давностью лет стерлись у него из памяти. Виталий сел напротив и неожиданно понял: что-то случилось... Это внезапное появление... Непохоже на

Юльку. Любовь любовью, но вешаться на шею ни ему, ни кому другому она не будет. Го-о-о-ордая! Значит, что-то случилось. И он даже начал уже догадываться, что именно, хотя боялся даже про себя произнести это слово. Его произнесла Юлька.

– Виталик, я беременна.

Она сказала это так спокойно, как будто речь шла о простуде или о больном зубе. Ни тени страха или паники. Ни намек на истерику. Просто констатация факта.

И Виталий опять растерялся. Не от ее сообщения – за полминуты до этого внутренне он был готов именно к этим словам. От ее спокойствия.

– Ты... уверена?

И сам на себя разозлился. Что за идиотский вопрос! Стала бы она говорить, если бы была не уверена.

Чайник засвистел, и Виталий подскочил, кинулся выключать его, обрадовавшись этой секундной передышке. Господи, что сказать?! Что-то надо сказать... Она ждет его реакции, его ответа, а он не знает, что говорят в таких случаях. Что он рад? Но он не рад. Что готов жениться? Но он не готов. Женитьба, семья, ребенок – все это не входило в его планы. У него диплом, государственные экзамены, впереди светит аспирантура и защита кандидатской... Юлька сама еще на втором курсе, а значит, ей придется бросить учебу, уйти в академку... Ее родители вряд ли обрадуются такой перспективе и не простят ему сломанной судьбы дочери.

Виталий присел перед Юлькой на корточки, снизу вверх заглянул ей в глаза.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Да или нет...

– Сама-то ты что думаешь? Зачем? Сейчас – зачем?

– Значит, нет!

Она сказала это, как выдохнула, с облегчением, словно ждала именно этого ответа. Словно сняла со своих плеч груз ответственности за принятое решение. И эта легкость разозлила Виталия: он предлагает ей, мучаясь и страдая от собственной подлости, избавиться от ребенка, а она, похоже, только этого и ждала. Хотела, чтобы грех детоубийства лег на его совесть, а она вроде и ни при чем?! А потом, при случае, поставит ему это в вину?! Мол, ты так хотел. Ну, нет, он ей такой радости не доставит!..

И снова получил удар под дых.

– Ты не думай, я сама так решила. Ты ни при чем. Просто хотела поставить тебя в известность. В конце концов, это и твой ребенок тоже.

И встала, и пошла к двери, оставив его, растерянного и злого, стоять почти на коленях посреди комнаты. И уже когда из темного коридора вдруг потянуло вместе со сквозняком запахом борща и жареной картошки, он спохватился и запоздало крикнул ей вслед:

– Если нужны будут деньги, ты скажи!..

– Спасибо! – и на губах у нее появилась знакомая до боли, сводившая его с ума загадочная усмешка. – Я заработала...

В тот вечер он напился. Пьяный, плакал, пел под гитару душещипательные блатные песни. Вадик – верный друг и сосед по комнате, ничего не понимая, поздно ночью еле уложил его спать, уговаривая, как маленького ребенка.

– Вадик, я – подлец! – сопротивлялся Виталий. – Сволочь я! Брось меня! Таким, как ты, не место рядом с таким мерзавцем, как я... Скажи, что я мерзавец!

– Хорошо, хорошо... – соглашался с ним Вадим. – Ты – мерзавец, сволочь и подлец!

И крутил пальцем у виска.

Юльку Виталий больше не видел. Он писал диплом, пропадая днями в библиотеке, потом проходил преддипломную практику и в университете почти не появлялся. Сначала болело где-то внутри, и, вспоминая о своей «целинной» любви, он думал, что надо бы разыскать ее, узнать, как дела... И в то же время старательно гнал от себя эти мысли: зачем? Зачем беречь рвану? Не свою – своя уже зажила.

Виталий Ахматов не был ни слабонервным, ни суеверным, но прошлое, вышлеснувшись с газетной страницы, почему-то пугало. Оно грозило перейти в настоящее. Надо быть полным идиотом, чтобы не понимать: у прошлого всегда есть продолжение. Иначе не о чем было бы писать. И предчувствие этого продолжения вызывало у него страх. Может быть, потому что он не хотел ничего знать. Он так спокойно, так хорошо жил все эти годы, ничего не зная...

Пластиковый стаканчик чуть вздрагивал, выдавая движение самолета, и, чуть опаздывая, на какую-то долю секунды, вздрагивала на дне темно-янтарная жидкость. Виталий заставил себя сконцентрироваться на этих колебаниях. «Псих! – выругал он себя. – Совсем нервишки распатались... Права Вика: в отпуск, в отпуск пора, на юг, морским воздухом подышать... Давай рассуждать спокойно: ну, было. Было! А с кем не было?»

Он огляделся вокруг, точно желая убедиться, что на лицах пассажиров написано согласие. «Сотни, тысячи мужиков поступают так же. И ничего, не комплексуют. Это жизнь! А ты, сентиментальный придурок, через двадцать лет рассопливился...».

Утешало мало. Виталий аккуратно, двумя пальцами взял стаканчик, поднес ко рту, сделал глоток. Откинулся на спинку кресла. «Не читай дальше... Просто закрой газету и убери ее! Тебе абсолютно не интересно, что произошло потом. Это не имеет никакого значения. Это уже не твоя жизнь».

Ахматов сделал усилие над собой и убрал газету на соседнее, пустующее кресло. Но схитрил, оставил себе шанс – не закрыл. А может, не схитрил? Может, волю свою решил проверить? Мол, пусть лежит, открытая на той же самой странице, а меня это не волнует. У меня хватит выдержки, чтобы не дочитывать до конца этот бред, эту глупую, никому не нужную исповедь брошенной им двадцать лет назад девчонки. И потом, кто сказал, что это та самая девчонка?

Виталий допил коньяк. Прикрыв глаза, попытался успокоиться, расслабиться. И даже слегка задремал. И уже в полусне подумал: а может, все наоборот? Может, соль истории в том, что за столь драматическим началом последовал счастливый финал, и у Юльки все хорошо? Любящий муж, семья...

Странно, но осознание этого факта, вполне вероятного, вместо успокоения принесло ему непонятное чувство досады. «Да ты не ревнуешь ли, голубчик? – посмеялся он над собой и, открыв глаза, решил: – Дочитаю!».

* * *

Во Владивостоке шел дождь. Тяжелые тучи сползли со склонов сопки и накрыли город. Виталий вымок за те несколько минут, пока бежал до автобуса, встречавшего у трапа прилетевших пассажиров, а потом от ав-

тобуса до здания аэровокзала. Ничего хуже, что могло бы испортить ему настроение, придумать было нельзя. Он взял, не торгуясь, такси и скоро уже закрывал за собой дверь гостиничного номера.

Гостиницы Ахматов любил, как и все, связанное с командировками. Номер, как правило, заказывал заранее и располагался в нем, как дома: развешивал на плечиках одежду, достав ее из чемодана, аккуратно складывал на полочке смену белья и чистую рубашку; бумаги, книги, газеты занимали предназначенное им место на столе. На этот раз, сняв ботинки и бросив небрежно мокрый пиджак на стул, Виталий, не переодеваясь, упал на кровать лицом вниз. Он чувствовал себя разбитым и смертельно уставшим, словно не провел несколько часов в комфортабельном салоне самолета, а трясся семь суток на перекладных. И все эта газетная история...

Итак, Юлька не стала делать аборт, а родила сына. Его сына. Сын... Сын... Он повторил это слово несколько раз, словно пробовал его на вкус. У него не было сына, только дочь. Наташка – шестнадцатилетняя умница, красавица, мамина и папина гордость и радость. И вот теперь выясняется, что у нее есть старший брат. Вряд ли Наташку обрадовало бы такое известие. В отличие от многих ее подружек, она никогда, даже будучи маленькой, не просила ни братишку, ни сестренку. Может, потому что ее мать, в свою очередь, не хотела иметь второго ребенка, да и сам Виталий, честно говоря, тоже.

«Надо позвонить домой...». Ахматов с трудом поднялся, сел на кровати. Так было заведено: где бы он ни находился, в первую очередь всегда звонил жене. Но сейчас сидел без сил, чувствуя, что не в состоянии подняться и даже просто протянуть руку, снять трубку телефона и набрать номер... Но больше всего он боялся собственного голоса.

...Ребенок родился больным. Врачи так и не смогли поставить диагноз и определить источник болезни. В свои девятнадцать лет Ваня – его сына звали Ваня! – выглядел на десять. Его можно было бы назвать горбуном, вот только выпирала не спина, а грудная клетка, неестественно большая и широкая. Плечи уходили назад, чтобы хоть как-то удерживать тело в равновесии. Неестественно длинные для такого маленького роста руки, большая голова, которая, казалось, сидела прямо на плечах... Чтобы лучше видеть, мальчику постоянно приходилось запрокидывать ее вверх. Он почти не ходил – не потому, что ноги не слушались, а потому, что им тяжело было держать изуродованное тело. И это был его сын!

Юлька, ах, простите, Юлия Александровна, не отказалась от ребенка, несмотря на настойчивые советы врачей сдать Ваню в дом инвалидов. Жили на маленькую пенсию и ее скромные заработки: Юля, чтобы не оставлять мальчика дома одного, занималась репетиторством – давала уроки английского. Им приходилось бороться за жизнь в полном смысле этого слова.

Ахматов, наконец, справился с собой и позвонил домой. Вика ждала его звонка и сразу взяла трубку.

– Привет!

– Привет!

– Как долетел?

– Нормально... Погода, правда, подкачала – дождь...

– Что-то случилось?..

Конечно, было бы странно, если бы по его упавшему голосу жена не определила сразу же, что с ним что-то не так.

– Нет, все нормально. Устал и, кажется, немного простудился. Сейчас поужинаю и лягу пораньше спать.

- Завтра позвонишь?
- Конечно...

Ахматов переоделся и спустился в ресторан. Полупустой зал, чересчур громкая – для кого? – музыка, скучные официантки. Все, как всегда. Посетители – в основном люди в возрасте, скорее всего, такие же командированные, как он.

В углу, за дальним столиком, сидела молодая женщина, лениво, полупрезрительно и, казалось, без всякого интереса оглядывала зал. Виталий знал этот тип посетительниц. «Ловля на живца» – так назывался их маленький бизнес: раскрутить приезжего гостя на угощение, если повезет – то и на подарки, приложив максимум усилий, чтобы не закончить вечер в постели, в номере наверху. Последнее ему как раз было не нужно, а вот отвлечься от своих мыслей хотя бы на час – это не лишнее. И Виталий решительно направился к столику нарочито скучающей дамы.

- Вы позволите?..

Она подняла на него глаза, оглядела оценивающе, с деланным неудовольствием: мол, так хотелось посидеть в одиночестве, но нет же, разве от этих мужиков отделаешься! Проще было пройти сквозь зубы:

- Пожалуйста...

«Ух, какие мы неприступные! – подумал Виталий. – Интересно, на какой минуте она растает?»

Официант, молодой парнишка в черных брюках, белой рубашке с черной бабочкой, подпирившей идеально выглаженный воротничок, принес меню. Ахматов заказал салат, горячее и, поколебавшись мгновение, графинчик водочки. Он давно уже не пил. Нет, не то, чтобы совсем не пил, но – по чуть-чуть, для аппетита, для настроения. «Отпил свое!» – отшучивался он, когда допекали в компаниях. Но сегодня... сегодня захотелось.

Первые пятьдесят граммов он принял на душу один. Прислушался к теплой волне, пробежавшей по телу, с удовольствием закусил. Только потом с интересом посмотрел на свою соседку по столу.

Она сидела со скучающим видом, курила тонкую длинную сигарету, изящно оттопырив пальчик с аккуратным, покрытым розовым лаком, ноготком, и всем своим видом показывала, что мужчина за ее столиком ей абсолютно безразличен.

- Составите мне компанию?

Женщина облила его презрением.

«Переигрываешь, голубушка!» – усмехнулся Ахматов про себя, а вслух сказал:

- Неужели вы допустите, чтобы я напился в одиночку?

- А вы что, хотите, чтобы мы вдвоем напились? – съязвила женщина.

– У-у-у, с чувством юмора у нас все в порядке! – засмеялся Виталий и, уже не спрашивая, налил ей водки.

Они почти не разговаривали – так, перекидывались лениво фразами, словно теннисным мячиком: вопрос – ответ, вопрос – ответ. Виталий заказал еще водки, закуску и фрукты для своей новой знакомой. Сам почти не ел, курил и в открытую, в упор рассматривал женщину, которая уже успокоилась, расслабилась, осознав ненужность своей вечерней охоты. Она была почти уверена в успехе и не понимала, пожалуй, только одного: кавалер не был настойчив, не тянул танцевать, не расспрашивал о работе, о жизни, как это делают другие. Иными словами, не давал повода пожаловаться на нелегкую женскую долю, а без этого трудно растопить суровое мужское сердце.

«Сколько ей? – думал Виталий. – Лет тридцать пять. Может, чуть меньше. Симпатичная. И при фигуре. Явно одинокая, иначе что бы она здесь делала? Скорее всего, разведена. Наверняка есть ребенок. Зарплата мизерная. Вот и пришлось забыть то, чему мама с папой учили, и прийти в этот ресторан. Именно в этот, потому что приезжие, командированные: приехал – уехал, и никто ничего не узнает. Интересно, если он сейчас предложит ей деньги, она возьмет? Возьмет! Не погнушается принять помощь от чужого человека. А Юлька... Юлька, выходит, погнушалась... Гордая потому что... Го-о-о-ордая!

Виталий резко раздавил в пепельнице окурок. Женщина испугалась его движения, отпрянула.

– Простите, – он отодвинул стул, поднялся, – мне, кажется, уже пора. Завтра рано вставать.

Женщина как-то странно замешкалась, огляделась нервно вокруг. Виталий понял: она боялась, что он сейчас уйдет, и дай бог, чтобы расплатился, а на продолжение и рассчитывать не приходится.

– Я оставлю вам деньги, заплатите, пожалуйста. Хотите, закажите еще что-нибудь...

Он достал из бумажника несколько купюр с таким расчетом, чтобы хватило заплатить за ужин и осталось немного сверху.

– Спокойной ночи! Удачи вам!

И пошел, чувствуя на себе удивленный взгляд.

* * *

Ахматов любил научные конференции. С удовольствием слушал доклады, выступал сам. Во время перерывов с азартом спорил с коллегами в курилке; после заседаний они «кучковались» – разбивались на группы, шли в какую-нибудь недорогую кафешку и, взяв бутылочку, разговаривали до тех пор, пока им не намекали, что кафе закрывается и вообще-то пора бы уже и закругляться. На второй день расходились по секциям, снова слушали доклады, но к обеду, как правило, заседания заканчивались, и ближе к вечеру народ, весьма довольный продуктивно проведенным временем, разъезжался и разлетался по своим городам. Но на этот раз Виталий едва пережил эти два дня. Когда поднялся по трапу в самолет, чтобы лететь домой, вздохнул с облегчением. Ему казалось, что стоит только вернуться, увидеть жену, дочь, и наваждение исчезнет, всколыхнувшаяся память вернется в свое русло, и все пойдет по-прежнему. Ему страстно хотелось этого...

Его место у окна было занято. Соседом оказался батюшка – худой, жилистый, с загорелым лицом, на котором совершенно чужой и какой-то неуместной смотрелась жидкая бородка. «Мистика какая-то! – с неудовольствием подумал Виталий. – Вот только священника мне еще не хватало!». Батюшка был сравнительно молод – вряд ли старше самого Ахматова, хотя в бороде проглядывали седые волосы. Глаза за стеклами очков в желтой оправе – «Золотые, что ли?» – почему-то с раздражением подумал Виталий, хотя почему бы им и не быть золотыми? – смотрели весело и приветливо.

– Ничего, что я занял ваше место? Люблю смотреть на облака...

– Надеетесь увидеть Всевышнего? – криво усмехнулся Виталий.

– Кто знает? – поддержал неловкую шутку сосед. – Пути Господни неисповедимы.

Пока самолет взлетал, пока набирал высоту, оба молчали. Ахматов, закрыв глаза, думал о том, какой ужин приготовила ему Вика, придет ли пораньше Наташка, зная, что отец вернулся из командировки, или опять

будет сидеть допоздна у подружки, пока мать, потеряв терпение, не начнет звонить и звать ее домой. Можно прогуляться перед сном и встретить дочку, если, конечно, ее не будет провожать очередной кавалер. Взрослая уже девица, возраст такой – глаз да глаз за ней нужен. А то найдется какой-нибудь умник... Как он сам нашелся на Юлькину голову...

Умиротворяющие, на первый взгляд, мысли опять вернули его к той «болевой точке», что вот уже два дня не давала покоя.

Виталий приоткрыл глаза и покосился на соседа. Тот уже не смотрел в иллюминатор, а с увлечением решал кроссворд в журнале. Почувствовав на себе взгляд, повернулся.

– Не спите? Что такое преломление световых лучей? Первая «и», последняя «я». И еще буква «Ф» посередине...

– Интерференция, – проявил эрудицию Виталий.

– О-о-о! – батюшка посмотрел на него с уважением. – Вы – физик?

– Нет, философ.

Батюшка хмыкнул.

– Значит, коллега.

Еще пять минут Виталий просто смотрел, как тот вписывает слова в квадратики. Ему ужасно хотелось поговорить. «Что за страсть у нас, у русских, исповедоваться перед первым встречным? – думал он. – Ну и что, что этот человек носит рясу. Это не говорит ни о его уме, ни о его сердце. И вообще, может быть, он счастлив от того, что хоть в самолете может отдохнуть от людской назойливости, а тут я к нему, со своими проблемами...».

Батюшка бросил ручку на столик, повернулся к Виталию, блеснув стеклами очков.

– Ну, что? Побеседуем?

От неожиданности Ахматов растерялся, забормотал что-то вроде «боюсь вам надоесть».

– Бросьте, – засмеялся батюшка, – мы, служители культа, как врачи или милиционеры – всегда на посту.

Его подшучивание над самим собой странным образом успокоило Виталия. Еще минуту он собирался с мыслями.

– Скажите... – он запнулся, вдруг подумав, что вопрос прозвучит слишком заумно и от того фальшиво.

Батюшка молча ждал.

– Отчего страдают дети?

Взгляд за стеклами очков мгновенно стал серьезным.

– У вас болен ребенок?

– Не у меня, нет... У... знакомых... у моих знакомых... Очень болен, неизлечимо... И никто не знает – почему. И помочь тоже никто не может. За что ему это?

– Вы в Бога верите?

Вопрос был неожиданным, Виталий растерялся.

– Н-н-нет... Наверное, нет...

– Верите! – убежденно сказал батюшка и коснулся указательным пальцем ахматовской груди. – Вот здесь. Иначе не спрашивали бы. По сути, вопрос в том, за что Бог наказал невинное дитя. И ответ вы знаете не хуже меня: за прегрешения родителей. Дети всегда платят своей жизнью за грехи своих родителей. Их несчастьем Всевышний наказывает грешников.

– Нет, не понимаю... Если грешен отец, почему бы Богу не наказать его...

– Но разве вид больного ребенка, его страдания не есть самое большое наказание для отца? Если ребенок слеп, он не страдает от того, что не видит

солнца: он не знает, что он потерял! Если ребенок глух, он никогда не поймет, сколь многого он лишен: музыки, пения птиц, ласковых слов матери. Он не страдает от утраты, ибо нельзя потерять то, чего не имел. Но родители знают, чего лишено их дитя, какие возможности навсегда утрачены для него. Их душевную боль нельзя сравнить даже с физическими страданиями больного ребенка. Он не знает другой жизни, а они знают. И страдают от невозможности дать ему эту жизнь. Поверьте, это гораздо тяжелее: не иметь возможности помочь.

– А если согрешивший отец ничего не знает о болезни ребенка? Выходит, тот страдает зря?

– Но вы же узнали! – улыбнулся батюшка печально. – Бог дал вам знак. Бог всегда дает человеку понять, что он наказан. А за что – каждый должен думать сам.

– Что же мне теперь делать? – Виталий уже и не думал отрицать, что речь идет о нем. – Что? Я действительно ничего не знал! Не знал даже о ребенке!

– Или не хотел знать, – спокойно поправил его батюшка.

– Пусть так, пусть не хотел... Я не сплю уже две ночи... Думать ни о чем другом не могу... Как быть? Прошло двадцать лет!

– Никогда не поздно исправлять ошибки и замаливать грехи. Для благого дела нет срока давности. Приди к ним и помоги, чем можешь.

– А если он не примет ни меня, ни мою помощь?

– Будь настойчив, но не назойлив. Веди себя так, чтобы твой сын поверил в искренность твоих намерений. Душа, которая много страдала, становится доброй и понимающей. Он знает, что такое боль, и не захочет причинить ее человеку, пришедшему к нему с добром.

– А его мать? Я так виноват перед ней! Если она держит на меня зло? Если она не захочет, чтобы я им помог?

– Захочет. Не ради себя – ради своего сына.

* * *

Домой, домой! Виталий не стал ждать автобус в аэропорту, взял такси. Голова раскалывалась – и не столько от боли, сколько от мыслей. Он надеялся, что вернется в родные стены, и тоска, которая съедала его, утихнет, притупится. Вот только увидеть Вику, обнять ее, вдохнуть ее запах, почувствовать ладонями теплое, податливое тело, и напряжение, державшее его в цепких объятиях, отпустит, и все встанет на свои места. Он просто устал. Три дня морочил себе голову! Что, собственно говоря, произошло? Во-первых, не факт, что речь в той злосчастной статье шла о нем. Не факт! Да, совпадения очевидны, но можно предположить, что это только совпадения. «Слабое утешение!» – усмехнулся он своим мыслям. Водитель взглянул на пассажира, но, увидев, что тот не расположен к разговору, снова сосредоточился на дороге. Во-вторых, продолжал думать Виталий, если допустить, что это правда, – если только допустить! – надо успокоиться и определить свое дальнейшее поведение. От того, что он мучает себя нравственными исканиями, лучше никому не будет. Батюшке в самолете легко было рассуждать, но, по большому счету, он прав: грех надо искупить. Вот этим он и займется!

Дома никого не было. Виталий, не раздеваясь, прошел на кухню, щелкнул клавишей электрического чайника. Из настенного шкафа достал банку кофе, сыпанул в чашку ложку коричневых гранул. Подумал полсе-

кунды и добавил еще. Чайник, мгновенно вскипев, отключился, и Виталий залил кофе кипятком.

Все, как всегда. Что могло измениться за три дня его отсутствия? Все те же красные занавески в белый горох, тот же огромный матерчатый абажур под потолком: улица красных фонарей – так, смеясь, он называл свою кухню. Две тарелки в раковине, оставшиеся после завтрака: вымоет тот, кто вечером первым вернется домой. Виталий разглядывал кухню так, как будто не узнавал ее. У него вдруг появилось ощущение, что он в чужом доме: зашел однажды случайно и задержался на два десятка лет.

– Бред! – выругался он вслух. – Бред!

Ахматов никогда не был бабником, хотя и пользовался успехом у женщин. В университете, когда учился еще на третьем курсе, однокурсница призналась ему в любви. Виталий откликнулся на ее чувство: ему не хотелось обижать девушку отказом. А если потом у нее разовьется комплекс неполноценности? И полгода они дружили целомудренно – ходили в кино, в театры, держась за руки, и, кажется, даже ни разу не поцеловались. Инициатором разрыва стала подруга. Может, она ожидала большего? – настойчивости, страсти, пылкого проявления чувств, а, не получив желаемого, поняла, что дальше дружбы дело не пойдет, и решила не тратить на Ахматова быстро убегающие студенческие годы. Расстались они без бурных объяснений и переживаний, сохранив вполне дружеские отношения.

После нее у Виталия был еще один не менее целомудренный роман, где ведущей опять оказалась девушка, а он лишь подчинялся ее желанию быть рядом с ним. Может, потому и не складывалось ничего, что он, мужчина, не хотел выступать в главной роли? До секса у них дошло, но это не помешало мирно расстаться спустя несколько месяцев. А потом... потом появилась Юлька. И вот тут Виталий впервые почувствовал себя хозяином положения. Почему? Он и сам не мог себе этого объяснить. Наверное, потому что любил. Впервые. Страстно и самозабвенно. И не смог справиться с этим. Проснувшееся в нем желание подчинять, опекать, отвечать за женщину, которая оказалась рядом, не было ему присуще. Может, поэтому он испугался? Не выдержал ответственности, которая свалилась на его плечи? Он привык к тому, что женщина любит, а он лишь принимает эту любовь, позволяет себя любить. В отношениях с Юлькой он взял на себя роль ведущего, но она оказалось слишком тяжелой ношей...

С Викой Ахматов познакомился в аспирантуре. У них был один научный руководитель, одна специальность, в общежитии их комнаты были рядом, они вместе ходили в университет на занятия и вместе – в библиотеку. У них сложились сначала вполне дружеские отношения, совсем не напоминавшие роман: ровные, спокойные, полусерьезные-полушутливые. По утрам они пили кофе – как правило, у нее, вдвоем ходили обедать в студенческую столовку, по вечерам Вика готовила ужин из продуктов, которые они на двоих, сбросившись, покупали в магазинчике по пути в общежитие. Все в их отношениях напоминало семейную жизнь, кроме одного: они не спали вместе, хотя на кафедре все были уверены в обратном. На второй год аспирантуры их профессор, кажется, во время новогоднего застолья, пожелал им, наконец, узаконить отношения. Коллеги отреагировали бурными аплодисментами и со знанием дела начали советовать, куда поехать в свадебное путешествие. В тот вечер Виталий не дошел до своей комнаты. А летом они поженились.

С Викой было хорошо и спокойно. Она знала, чего хотела от жизни, добивалась своего, но умела при этом оставаться со всеми в прекрасных отношениях. На кафедре ее если не любили, то, по крайней мере, относились

к ней доброжелательно – насколько доброжелательно можно относиться к женщине, удачно совмещающей семью и научную карьеру. Защитились они с мужем одновременно, вместе работали на кафедре. Получили квартиру. Потом родилась Наташка.

У Ахматовых была очень благополучная семья. Виталий обожал своих девчонок, как он их называл. Многочисленные одинокие преподавательницы, первое время пытавшиеся завлечь в свои сети молодого, подающего надежды кандидата наук, скоро оставили это бесполезное занятие: других женщин для Виталия просто не существовало. Нет, конечно, встречались те, кем он хотел бы увлечься. Но... Для этого требовались определенные душевные усилия, которых у Виталия не было. Плюс физические и материальные... Для этого требовалось принимать решения, чего он терпеть не мог, вносить коррективы в устоявшуюся жизнь. Зачем? Жизнь его вполне устраивала. В общем, Вика могла быть спокойна за своего мужа.

И вот теперь Ахматов сидел на маленькой кухне собственной квартиры и размышлял о том, что на его месте мог быть совершенно другой человек, если бы тогда, двадцать лет назад, он не отказался от своей любви и не отвернулся от маленькой девчонки со смешным хвостиком на затылке, раскосыми глазами и улыбкой Джоконды.

Резкий, неожиданный до испуга звонок выдернул его из прошлого. Минуты, пока он шел к двери, хватило для того, чтобы собраться, подготовиться к встрече с женой – в том, что это она, Виталий не сомневался.

– Привет!

Вика сдернула с плеча сумку, бросила ее на пол и, крепко обхватив руками голову мужа, звонко расцеловала его в обе щеки.

– Ты что такой невеселый? Устал?

– Есть маленько...

Он шел вслед за женой в спальню и сзади оценивающе оглядывал ее фигуру: не худую, но и не полную, с крепкой прямой спиной, развернутыми плечами. Круглые бедра заманчиво покачивались из стороны в сторону. Юбка чуть выше колен открывала белые, еще не успевшие загореть икры.

Они вошли в комнату, и Виталий предусмотрительно закрыл за собой дверь, хотя дочь не должна была появиться раньше вечера. Вика обернулась и смотрела на него выжидающе и чуть насмешливо. Виталий приблизился к ней и стал медленно расстегивать пуговицы на ее блузке. Грудь у Вики была красивой – для женщины, разменявшей пятый десяток, просто идеальной.

«А у Юльки грудь была маленькой и какой-то острой», – неожиданно подумал Виталий.

Вот странно! Он держал в объятиях собственную жену, а вспоминал совсем другую женщину, с которой был близок двадцать лет назад и о которой, казалось, давно уже забыл. Ан нет, даже мельчайшие подробности вдруг всплыли в его памяти. Какой она стала? Все так же покорна и податлива в постели? В постели – с кем? Если она положила жизнь на ребенка, значит, у нее никого нет? Бедненькая!

Он сам не понимал, почему вдруг у него в голове всплыло это слово, но оно захлестнуло жаром, как тогда, в самолете, когда он увидел его в газете и словно услышал Юлькин шепот «Бедненький мой!».

Виталий застонал сквозь зубы от этих воспоминаний и так стиснул жену, что она, всегда ровная и спокойная даже в минуты близости, даже на пике чувств не позволявшая себе выплеснуть их, невольно вскрикнула. «Юлька!» – Виталий чуть было не произнес вслух давно забытое имя, но вовремя спохватился и не произнес. Но подумал! И, как двадцать лет на-

зад, в нем проснулось желание обладать ее телом и ее мыслями. Ахматов вдруг представил себе, что рядом с ним в постели в эту минуту его Юлька, и он любил ее так же неистово, так же бешено, как и много лет назад на железной сетке в пыльном чулане.

Вика не сопротивлялась. Внезапный пыл мужа вверг ее в полное недоумение. Первым желанием было осадить его, остановить, может быть, даже оттолкнуть, но она вовремя опомнилась. К тому же внезапно вспыхнувшая страсть мужа льстила самолюбию сорокапятилетней женщины, с досадой отмечающей каждую лишнюю морщинку на лице и каждую лишнюю складочку на талии.

А Виталий испугался. Выпустив жену из объятий, он вдруг понял, что произошло несколько минут назад: он изменил жене! Он занимался любовью не с ней, а совсем с другой женщиной...

* * *

С Вадимом Шороховым они встречались не часто. Вадик, Вадик... Любимец женщин. Было время, когда Виталий завидовал ему. Невысокий, потенциальный толстячок с кудрявыми волосами до плеч ... Как он откидывал их рукой со лба с рано наметившимися залысинами! Это был жест артиста! Кривизну его коротких ног не скрывали джинсы, обтягивающие круглый, аппетитный зад. Он не был красавцем, и все-таки все девчонки факультета были буквально влюблены в него – кто тайно, а кто и явно. И, как ни странно, ни одна из тех, кто удостоился внимания Вадика, не обижалась и не держала на него зла после расставания. Он легко сходился с девушками, красиво дружил и безболезненно рвал отношения, когда они казались ему исчерпанными. Исключение составил лишь первый, уже после университета, брак.

Жена Вадима, которую он холил и лелеял, как заморский цветок, вдруг решила сделать карьеру актрисы: несколько лет училась сценическому мастерству в театральной студии, и Вадик, ставший в начале девяностых преуспевающим бизнесменом, покорно оплачивал дорогостоящее увлечение жены. Потом вдруг развелась с мужем, уехала в Москву, забрав с собой их единственную дочь и разменяв трехкомнатную квартиру, которую Вадим купил, когда начал зарабатывать хорошие деньги. Шок от предательства был настолько силен, что Шорохов резко изменил свои взгляды на женщин: стал подозрительным, мнительным, не стремился больше тратить на своих недолговременных пассий ни деньги, ни душу. И, даже вновь женившись, все-таки никак не мог оправиться от потрясения: с женой обращался как деспот, совершенно не считаясь с ее интересами и желаниями, ограничивая ее в деньгах и позволяя себе время от времени сходить налево.

Удивительно, но жена все равно любила своего маленького, лысого, толстого и кривоногого мужчину. Может, потому, что в глубине души он по-прежнему оставался все тем же добрейшим, обаятельным Вадиком, каким помнили его университетские друзья. А она не помнила, но чувствовала интуитивно, что настанет время, и роль деспота, которую он так старательно играл, надоест ему, и он станет самим собой, превратившись из чудовища в прекрасного принца.

Ближе Вадима у Виталия никого не было. Они дружили еще с рабфака. Шесть лет отсидели за одной партией в университете, вместе ездили в стройотряд, в один год обзавелись семьями, и даже дочери их тоже родились в один год.

Жизнь, конечно, развела. У Вадика был свой бизнес, Виталий же по-прежнему работал в институте. Влачил полунцищенское бюджетное существование... Встречались по праздникам, но чаще – когда душа просила. Тогда выбирались на дачу, парились в баньке, жарили шашлыки, пили водку и долго сидели у костра и пели те еще, студенческие, бардовские песни. Вадик был единственным человеком на свете, кому Виталий мог открыться, у кого мог попросить совета и даже помощи.

К этому разговору Ахматов готовился долго. Его отношения с женой напоминали дремлющий, но готовый вот-вот взорваться вулкан. После возвращения из командировки Виталий попытался еще пару раз исполнить свой супружеский долг – никакими другими словами нельзя было назвать это жалкое подобие секса. Но стоило ему только прикоснуться к жене, провести рукой по ее груди, ощутить себя частью ее тела, как что-то замыкало у него в голове. Он боялся назвать ее чужим именем, он боялся любить ее так, как любил другую двадцать лет назад. Он знал, что, ложась в постель с женой, в действительности обманывает ее, потому что думает не о ней, разговаривает не с ней и любовью занимается тоже не с ней...

Ахматов вел себя так, как обычно ведут себя женщины, когда не хотят подпускать к себе мужа: отговаривался недомоганием или усталостью, ложился раньше спать или, наоборот, позже, если Вика звала его в спальню. Это было смешно и глупо, и Виталий мучился, но ничего не мог с собой поделать.

Странно было бы, если бы такая умная женщина, как Вика, ничего не заметила. Она заметила и сделала определенные выводы, но вот только не могла понять истинных причин внезапно изменившегося поведения мужа. Спросить же не решалась: у них не было принято обсуждать интимные проблемы. Да, собственно говоря, до этого момента и обсуждать-то было нечего. По крайней мере, Вика искренне так считала. А Виталий молчал.

Поговорить начистоту он мог только с Вадимом. Для того и пригласил того на дачу – внезапно, совсем не запланировано, просто позвонил и сказал, что хочет встретиться. Вадим не задавал лишних вопросов: надо – значит, надо.

Они истопили баню, от души, со вкусом попарились, отхлестав друг друга запашистыми вениками – с оттягом, до стога, несколько раз выбирались в предбанник, падали в изнеможении на широкие деревянные скамьи и снова возвращались в парную.

Потом, разомлевшие, уставшие, чуть ли не на последнем издыхании, развели по всем правилам огонь в мангале и стали жарить шашлыки, на низывая на шампурочки сочные куски мяса, перемежая их луком и помидорами, поливая сверху мясным соком вперемешку с уксусом. И только когда налили и выпили по первой, Вадим, откинувшись на спинку складного стула, оттер полотенцем пот с раскрасневшегося лица.

– Ну, давай уже, выкладывай...

Виталий дожевывал мясо, собираясь с мыслями. Потому что подготовленная речь улетучилась у него из головы.

– Ты Юльку помнишь?

– Юльку?

Вадим старательно наморщил лоб.

– Это которую?

– Ну, повариху из стройотряда!

Виталий почему-то испытал чувство досады: как Вадик мог забыть ее?! Хотя... разве он обязан помнить?

– А... пигалицу твою?

– Почему мою? – опешил Виталий.

– А кто ее по ночам в чуланчик таскал? Я, что ли? – искренне удивился Вадик и, заметив растерянность на лице друга, поспешил успокоить: – Да ладно, с кем не бывало! С чего ты вдруг о ней вспомнил?

– Нет, погоди, погоди... Ты один знал?

– О чем?

– Ну, что мы с ней... Что у нас...

– Да побойся Бога! – захохотал Вадим. – Как же я один мог об этом знать, когда у тебя при одном ее появлении кое-что из штанов выскакивало?!

Несколько секунд, не моргая, Виталий смотрел на друга.

– Что, это было так заметно?

– Ха, не то слово! Между прочим, я из-за тебя бутылку коньяка проиграл... Марочного, пять звездочек! Так что за тобой должок...

– Это как?

– А мы поспорили, что осенью свадьбу будем играть. Да ты же его и пил, коньяк этот, только мы тебе не сказали, по какому поводу.

Виталий вдруг отчетливо вспомнил, как накануне Нового года Вадик приволок откуда-то бутылку роскошного армянского коньяка. Это было событием! Коньяк тогда просто так в магазинах не продавался. На вопрос «За что пьем?» ему ответили: «Тебе налили? Ты пей и не спрашивай».

– Я вот только одного не понял... – Вадим взял в руки бутылку, зачем-то посмотрел на просвет, хотя выпить они успели, что называется, по глотку, и наполнил рюмки. – Куда она пропала? Что у вас произошло?

– Давай! – Виталий поднял рюмку, опрокинул содержимое в рот, зажевал, поморщившись, зеленью.

Меньше всего ему хотелось снова вспоминать и уж тем более рассказывать эту историю. Но... для того и позвал он сегодня друга, чтобы открыться.

– Она пришла ко мне... Осенью... Помнишь, мы только что с моря вернулись?

– Ну?..

– Баранки гну! Сказала, что беременна... А я... Я испугался...

– Подожди, подожди, – перебил его Вадим. – Ты хочешь сказать, что она пришла к тебе и сказала, что ждет ребенка?

– Да!

– Предложила тебе жениться, а ты отказался?!

– Нет, не так... Она не предлагала ничего, просто сказала, что беременна. Ну, типа – поставила в известность. А я... я сказал, что ребенок пока не нужен...

Ахматов, вскочив, вдруг сорвался на крик.

– А что я, по-твоему, должен был сказать?! Пятый курс, диплом, экзамены... Она сама... пацанка!!! Какая из нее мать?! Какой ребенок?! И где? В общаге? Где одна раковина на сто человек?!

Вадик ошеломленно молчал, переваривая новость.

Ахматов потух, сел, сгорбившись, опустив голову.

– Понимаешь, все глупо получилось... Она пришла, сказала и ни минуты не дала мне на размышление. Сказала – и ушла! Да, я проявил слабость, но она-то готовилась к этому разговору! Месяц готовилась! А я должен был принять решение за минуту... Разве это честно?

– Ну, хорошо, – у Вадика на лице появилось задумчивое выражение, – ты этого не ожидал, растерялся... Но потом-то, по здравому размышлению...

– Она сказала, что сделает аборт. Она все решила сама, без меня. Она позволила мне стать подлецом, не дав шанса стать порядочным человеком...

Ну, не знаю... как-то по-другому можно было... не так сразу... А то – как обухом по голове...

– Да уж... – Вадик подобрал с земли прутик, поворошил угли в костре, сноп искр взлетел и осел пеплом на траву. – Даже не знаю, что тебе сказать... У каждого свое понимание того, что он может и должен делать в такой ситуации. Да ладно, дело-то давнее! К чему ворошить? Не пойму, к чему ты все это вспомнил? Неужели встретил?

– Сейчас...

Виталий поднялся нехотя, прошел на веранду, туда, где лежали вещи, достал из бумажника сложенный в несколько раз газетный лист и вернулся к костру.

– На, читай!

– Что это?

– Ты прочитай...

Вадик читал, и удивление на его лице сменялось откровенной насмешкой.

– Ну и что? Сентиментальная история... А ты здесь при чем?

– Не понимаешь?

– Нет...

– Это же обо мне!

– Да с чего ты взял, дурень?! – расхохотался, не выдержав, Вадим. – Это же газета! Га-зе-та! Выдумка, фантазия!!!

– Фантазия? – разозлился Виталий. – Чуланчик – фантазия? Кровать эта раздолбанная – фантазия? Юлька? Тоже фантазия? Стройотряд?... А ее приход ко мне? Это же невозможно придумать! Это надо знать!

– Ладно, сядь! – Вадик, улучив момент, ухватил угол полотенца, обмотанного вокруг Виталия, едва не оставив приятеля нагишом. – Ну, что ты бесишься? Ну, хорошо, допустим, что эта история в газете настоящая... Только допустим! Столько лет прошло! Что дальше?

– Не знаю...

Вдруг налетел ветерок, дым от костра плеснул в лицо, обжег глаза, перебил дыхание. Виталий закашлялся, смахнул набежавшую слезу.

– Я хочу найти их...

– Зачем?!

Удивление на лице Вадима было настолько неподдельным, что Виталий на мгновение пожалел, что открылся ему. Не понимает! Даже лучший друг его не понимает! Но следующая фраза Вадика показала, насколько хорошо он знал натуру своего приятеля.

– Хочешь замолишь свой грех?

– Хочу...

* * *

Когда-то Вадик любил женщин, причем любил в общечеловеческом смысле этого слова. Если друзья-приятели рассматривали девчонок как предмет удовлетворения сексуальных потребностей, то Вадик с ними дружил. Они были интересны ему – своим восприятием жизни, пониманием житейских ситуаций, трактовкой мужских поступков. Вадик, в отличие от многих мужчин, искренне считал, что нужно прислушиваться к женщинам, пытаться иногда встать на их место, взглянуть на мир их глазами, и потому не обижал их своим невниманием, уважал их мнение, за что и пользовался бешеной популярностью.

Женился Вадик по любви, по крайней мере, он так считал. Уход жены стал для него ударом ниже пояса. Он не понимал, почему она так поступила?! Что он сделал неправильно?! Странное дело: если большинство мужчин, как правило, в таких случаях обвиняют жен, то Вадим, как истинный философ, искал причины в себе. И находил. И главным своим недостатком считал свою исключительную порядочность. Поэтому, женившись во второй раз, решил исправить ошибку: жену держал в ежовых рукавицах. Но, будучи человеком умным и добрым, понимал несправедливость своего отношения к ней и страдал. И одновременно боялся проявить слабость, вновь ошибиться и позволить себя предать. Этого Вадик просто уже не пережил бы. Жить в таком раздвоенном состоянии было тяжело, порой невыносимо...

Историю Виталия он воспринял неоднозначно. Во-первых, все-таки не был до конца уверен, что все написанное в газете правда; во-вторых, даже если допустить – только допустить! – что это – правда, стоит ли устраивать трагедию? Если за 20 лет Юлька ни разу – ни разу! – не только не обратилась за помощью, но даже не дала о себе знать, значит, не хотела? Не нуждалась... И это ее право, ее выбор. И надо ли что-то менять?

Внезапно родившуюся в голове Виталия идею найти Юльку и своего мифического ребенка Вадим не то чтобы считал блажью, дурью, – просто не видел смысла в таких поисках. Что это изменит?

Он так и спросил у друга: «Что это изменит?». «Мне станет легче!» – не задумываясь, ответил тот.

Виталия Вадик любил больше, чем женщин. Дружба с ним была выше всего. Если другу станет легче от того, что он найдет девчонку, хотя какую уж девчонку! – женщину почти сорока лет, с которой поступил неправильно много лет назад, он, Вадим, поможет ему это сделать.

Вадик ловил себя на том, что употребляет слово «неправильно». Он не мог произнести слово «непорядочность», «подлость» по отношению к Виталию. Ахматов и подлость – вещи несовместимые. Человек совершил ошибку, – значит, надо помочь ему исправить то, что еще можно исправить.

Студенческие стройотряды приказали жить добрых, точнее, недобрых пятнадцать лет назад. Где хранились архивы, в которых можно было отыскать хоть какие-нибудь данные на повариху Юльку, всего-то два месяца отработавшую на целине, Вадик не имел ни малейшего понятия. Давно уже не было ни райкомов комсомола, ни штаба студенческих стройотрядов. Обращаться в университет не имело никакого смысла – Вадик не только не знал факультета, где когда-то училась Юлька, но даже не помнил ее фамилии. Пришлось начать с телефонных звонков, откопав на дне ящика письменного стола старые записные книжки.

Набирая очередной номер и ожидая, пока на другом конце провода возьмут трубку, Шорохов удивлялся тем переменам, которые произошли со вчерашними комсомольскими жожаками и активистами. Не бедствовал никто – это выяснялось с первых слов: у одних были свои фирмы, у других – заводы, у третьих – коммерческие банки. Они искренне радовались неожиданным звонкам: «Старик! Сколько лет! Ну, как? Ну, что?» И так же искренне удивлялись, узнавая, что цель его поиска – архив студенческих отрядов.

– Вадик...

На пороге его кабинета, сложив умоляюще ладошки, с виноватым выражением лица стояла Лиза, жена.

– Вадик, прости, пожалуйста...

– Что? Ну, что?

Глядя на нее, Шорохов испытывал чувства досады и жалости одновременно. Всегда покорная и послушная – он сам воспитал ее такой, но это же его и раздражало: нельзя же быть такой бесхарактерной и безропотной! Нельзя же постоянно заглядывать ему в глаза и, стараясь угодить, ловить каждое движение. Иногда Вадиму хотелось, чтобы Лиза закричала на него. Устроила скандал, хлопнула дверью. Порой его так и подмывало взять жену за плечи, встряхнуть, как куклу: очнись же ты, наконец! Хотел, чтобы она почувствовала себя сильной, равной ему, и одновременно боялся этого: сильные женщины любят сильных мужчин. От тех, в ком чувствуют слабинку, они уходят.

– Ты же видишь, я занят!

«Какая же я сволочь! – подумал он. – Это же я, я сделал ее несчастной – в угоду своим мужским амбициям...»

Пышнотелая, аппетитная Лиза несколько лет назад перешагнула черту тридцатилетия. Это была хорошенькая женщина с глазами лани, как говорил Вадим в добром расположении духа, или коровы, когда злился.

– Извини, я нечаянно услышала... Ты ищешь какие-то бумаги?

– И что?

– Вадик, тебе нужно обратиться в областной архив...

– При чем здесь архив, Лиза! – раздраженно отмахнулся Шорохов. – Это же стройотряды!

– Да, но их организацией занимался обком комсомола, а вся комсомольская документация в 92-м году была передана в областной архив. Я как раз работала там в то время – проходила практику, я это помню, мы составляли описи...

– Да? – Вадим взглянул на жену с интересом. – Слушай, а ты могла бы туда сходить?

– Конечно, конечно...

Лиза так обрадовалась возможности угодить мужу, что Вадим снова почувствовал себя негодяем.

– Слушай, нужно разыскать данные на одну студентку...

И вдруг, словно испугавшись, что она неправильно его поймет, заторопился объяснить, предупреждая вопрос.

– Витальке взбрело в голову найти свою давнюю любовь.

* * *

«Все смешалось в доме Облонских... Это обо мне... – с горькой усмешкой думал Виталий. – Все полетело кувырком!»

На первый взгляд, все было, как всегда. Утром первой вставала Вика. Виталий слышал сквозь сон, как она ходила по квартире, как журчала вода в ванной, шаркали тапочки по коридору. Жена поднимала Наташку в школу, и они переговаривались вполголоса, чтобы не разбудить главу семейства. Потом Вика возвращалась в спальню – переодеваться.

Раньше Виталий любил подглядывать сквозь опущенные ресницы, как она снимает через голову ночную сорочку, оставаясь, в чем мать родила, надевает по очереди трусики и бюстгальтер... В этом было что-то от юношеского озорного бесстыдства, – оно возбуждало, отзывалось сладким томлением где-то под ложечкой. Хотелось вскочить, схватить жену и, повалив на кровать, преодолевая ее сопротивление, заняться с ней любовью. Но он сдерживал себя, говорил себе: вечером, дружок, вечером! И в этом ожидании была своя прелесть. Иногда, правда, ему казалось, что Вика

знает о его маленькой тайне и специально дразнит его, демонстрируя свои прелести, но потом все-таки понимал, что это не так. Вика собиралась неторопливо, деловито, у нее и в мыслях не было ничего того, о чем мечтал муж. Теперь и эти мечты закончились...

Он просыпался по привычке и так же по привычке подглядывал за Викой. Но теперь в этом было что-то нехорошее, постыдное, неприличное, как будто он наблюдал со стороны за интимной жизнью чужого человека. Он не испытывал неприязни к женщине, которая еще несколько минут назад лежала рядом с ним, но и прежней теплоты тоже не было. А вместе с ней исчезло и щекочущее чувство собственности: он как будто бы смотрел на чужую женщину и от этого испытывал неловкость, более того – чувство вины. И был рад, что на занятия в институт она уходила раньше.

Виталий позволял себе еще поваляться после того, как за Викторой закрывалась дверь, успевал перекинуться парой слов с дочерью, прежде чем та убежала в школу, пил кофе и ехал в институт.

Утро теперь начиналось со звонка Вадиму.

– Привет, старик!

– Привет!

Вадик, как всегда, был бодр, и в голосе его не чувствовалось ни тени упрека.

– Ничем не могу тебя порадовать. Лиза вчера два часа в архиве провела – пока безрезультатно. Как у тебя?

– Да все так же...

Виталий взялся обзванивать бывших бойцов стройотряда в надежде, что хоть кто-нибудь помнил Юлькину фамилию, а еще лучше – знал, где она жила. Работа оказалась не из легких. Из тридцати пяти человек они с Вадимом не вспомнили и половины, к тому же и о тех Вадик не мог с точностью сказать, ездили они в отряд в том году или годом раньше.

Виталий побывал в университете и сумел разыскать их адреса; кому отправил письма, кому пытался позвонить, но за двадцать лет изменились и адреса, и номера телефонов.

– Слушай, у меня есть идея!

Что бы Виталий делал без идей Вадика?

– Давай... – согласился он, даже не зная, о чем идет речь.

– Что нам известно? Имя и курс. Так?

– Так...

– «Иронию судьбы» помнишь? Действуем методом исключения. Могла ли она учиться на нашем факультете?

– Нет! – однозначно отверг такое предположение Виталий. Юлька не была философом – это не вызывало у него ни малейшего сомнения.

– Значит, отмечаем! – легко согласился Вадик. – Есть ли вероятность того, что она училась в нашем корпусе?

– Сто процентов! У нас были только гуманитарии, а физики, химики и математики учились во втором здании. И отряды у них были свои.

До Виталия начал доходить смысл идеи.

– Правильно! – радостно провозгласил Вадим. – А это значит, что круг поисков мы можем ограничить первыми курсами трех факультетов – филологов, историков и журналистов.

– Ты хочешь сказать, что нужно поднять личные дела первокурсников этих факультетов и отобрать всех Юль?

– Совершенно верно!

– О'кей! – согласился Виталий.

А что ему оставалось делать? Он прекрасно понимал, что шансы отыскать Юльку невелики: девушек с таким именем может оказаться несколько десятков. Проверить придется каждую. А если учесть, что женщины имеют обыкновение выходить замуж и менять фамилии и адреса, то можно себе представить, какую работу им придется проверить!

* * *

Вика понимала: что-то происходит. Вот только – что? После командировки Виталий стал сам не свой. Она видела, чувствовала: что-то мучает мужа, гложет его изнутри, не давая покоя. Их брак всегда был безоблачным и, как она считала, счастливым. Виталий никогда не подавал ни малейшего повода для недоверия и ревности. Со спокойной иронией Вика слушала жалобы подруг на неверных мужей, то и дело гуляющих на стороне. Она их не понимала. В ней жила уверенность, что в их семье не может такого случиться. Никогда. Ей бесполезно было жаловаться: она не могла встать на место обиженных подруг – просто не имела того печального опыта, которым была так богата женская половина кафедры.

Но, с другой стороны, именно поэтому странная и такая внезапная отчужденность Виталия задевала и нервировала ее. Первое, что приходило в голову, – другая женщина. Но ей не в чем было упрекнуть мужа: с работы он возвращался вовремя и вечера проводил дома. К тому же его учебное расписание она знала не хуже своего. В выходные Виталий валялся на диване с газетой в руках, пылесосил квартиру, ездил на рынок за продуктами – одним словом, вел себя так, как и подобает верному и добропорядочному мужу и семьянину.

Но... наступал вечер, и все менялось.

Эти перемены трудно было объяснить: их надо было почувствовать, как чувствовала она. То, как менялись интонации голоса: со спокойных, даже умиротворенных, – на резкие и неестественные. То, как старательно муж отводил глаза, а лицо при этом приобретало потустороннее выражение.

Легче всего было, когда, сославшись на усталость, Виталий отправлялся спать, не дожидаясь, пока ляжет жена. Но когда спустя полчаса Вика приходила в спальню, она чувствовала, что муж не спит, – такой напряженной и неестественной была его поза...

Несколько недель столь странного поведения Виталия пошатнули ее взгляды на семейную жизнь. Если некоторое время назад Вика считала, что их брак прочен, то сейчас совсем не была в этом уверена. И с этим что-то нужно было делать. Но они никогда не выясняли отношения, и Вика понятия не имела, как вести себя в такой ситуации, и с чего начать разговор.

Вот и сейчас, войдя в спальню и глядя на укрытого едва ли не с головой мужа, она колебалась. Вика слышала его дыхание – спящий, он дышал совсем по-другому, и понимала, что муж только притворяется.

– Виталий... Виталий, я знаю, что ты не спишь... Нам нужно поговорить.

В голосе ее прозвучала неуверенность, и он мог бы, наверное, пропустить этот призыв мимо ушей, но почему-то не стал этого делать. Послушно повернулся, лег на спину. На его лице не было и тени сна.

– О чем поговорить?

И в самом деле – о чем? Что она могла ему сказать? Что он не спит с ней? Мало разговаривает... Не целует в щечку, возвращаясь с работы, – так, как это бывало раньше... Господи... Какая чушь!..

– Виталик, – Вика старалась говорить как можно мягче, чтобы не дать мужу повода обидеться и прервать ее. – У тебя что-то случилось?

Присев на край кровати, она положила руку ему на грудь и почувствовала, как он напрягся.

– О чем ты?

– Только не говори, пожалуйста, что мне померещилось! Я же чувствую: тебя что-то мучает. У тебя какие-то неприятности?

– Нет у меня никаких неприятностей! С чего ты взяла, чудачка?

Виталий пытался говорить легко, даже чуть насмешливо, но у него это плохо получалось.

Рука Вики, такая теплая и мягкая, поглаживала его обнаженную грудь.

– Может, ты устал? Или плохо себя чувствуешь? Может, тебе стоит сходить к врачу? А? Все-таки уже возраст...

– Ты хочешь сказать, что я – импотент? – удивился он.

– Проверим? – она еще надеялась все перевести на шуточные рельсы. Рука скользнула под одеяло...

Первым его желанием было не оттолкнуть, а просто отстраниться, но он справился с этим. Обнял жену, провел ладонью по ее крепкой спине, запустил пальцы в волосы...

– Ты забыл меня совсем... – ворковала она. – Я так соскучилась по тебе...

– Дела, ты же знаешь...

– Дела подождут... Подвинься... – чуть подтолкнув мужа, Вика легла рядом.

Путаясь в ночной сорочке, Виталий добрался до ее тела. Вика замерла, притихла, прислушиваясь к знакомым ощущениям, подстраиваясь к движению его ладони ...

Никогда еще Виталий не управлял собой во время секса так, как сейчас. Жена по-прежнему возбуждала его, но это было привычное, скорее, инстинктивное возбуждение. Он понимал, что точно так же возбуждился бы, если бы рядом лежала любая другая женщина, желающая, чтобы ею обладали... Но он не хотел ее! И в то же время не мог оттолкнуть – вины Вики не было в том, что с ним происходило.

Ночью ему приснилась Юлька. Она обнимала его за шею худыми руками и шептала в ухо: «Бедненьки мой, бедненький...». А потом вдруг появлялась в дверном проеме, смотрела на него печальными глазами: «Ты не виноват... Я сама так решила...».

– Юлька!.. – бросался к ней Виталий, а она вдруг вспыхивала, как спичка, и гасла, оставляя его в темноте.

* * *

С кем и в каких кабинетах договаривался Вадик, что он там наплел, – Виталий не имел ни малейшего понятия, но университетский архив распахнул перед ними свои двери. Девушка из отдела кадров, совсем не похожая на строгого архивариуса, миленькая пышечка – губки бантиком, в блузке, бесстыдно расходившейся на высокой груди, хлопала глазками и заливалась краской всякий раз, когда Вадим, объясняя цель их визита, отпускал ей нескромные комплименты – весьма сомнительные, по мнению Виталия, почти на грани фола.

Архив представлял собой небольшую, довольно темную, благодаря плотно задернутым тяжелым шторам, комнату, сплошь заставленную стеллажами с картонными папками. На каждом была приклеена табличка

с названием факультета и годами обучения, так что найти нужные полки не составило большого труда.

Воздух в душевной комнате был пропитан бумажной пылью. Лицо Виталия, так же, впрочем, как и Вадима, покрылось мелкими капельками пота. Он нервничал – и в большей степени из-за того, что девушка-архивариус смотрела, как ему казалось, с подозрением на двух немолодых уже мужиков, разыскивающих в прошлом девушку по имени Юля.

Папок с личными делами студентов, поступивших в университет в далеком восьмидесятом, оказалось слишком много – даже для них троих. Вадим, наконец, перестал балагурить и сосредоточенно сопел, читая фамилии и перекладывая личные дела из одной стопки в другую. Помогавшая ему девушка, ступая чуть ли не на цыпочках, уносила просмотренные папки и приносила новые.

Среди фамилий попадались знакомые: одни Виталий знал и помнил хорошо, другие – припоминал с трудом.

– Швецов... Вадик, ты помнишь Швецова?

Вадим повернул к нему потное лицо.

– Валерку? Еще бы... Год-то какой?

– Восемьдесят третий...

Оба замолчали, взглядываясь в фотографию чернявого, коротко стриженного паренька, которому в том году исполнилось двадцать лет и никогда уже не наступило лето двадцать первого. Он шагнул из окна четвертого этажа, никому ничего не сказав, не оставив письма ни родным, ни друзьям...

– Да-а-а... – выдохнул Вадим, и было совершенно непонятно, что он хочет этим сказать.

– Виталь, смотри: Кристина! Помнишь Кристину?

Вадим неожиданно поднес к губам пыльную папку и чмокнул фотографию, чем привел в смятение свою помощницу.

– Солнце мое!

С Кристиной они учились на рабфаке, жили в соседних комнатах в общестии. Она обхаживала Вадика – долго, терпеливо, покорно, без слез и жалоб. Как верная жена, готовила ему обеды, переписывала для него лекции, была ему и жилеткой, и палочкой-выручалочкой, и кассой взаимопомощи. А он... относился к ней, как к сестре: любил нежно, но по-братски.

Когда Кристина поняла, что предложения руки и сердца не дожидется, скандалов и сцен ревности устраивать не стала: после рабфака поступила не на философский, а на исторический, вскоре вышла замуж и исчезла из поля зрения друзей навсегда.

– Виталья, какую я жар-птицу упустил, а? Она бы меня на руках носила! И повернулся к девушке-архивариусу.

– А вы могли бы носить на руках любимого мужчину?

Девушка в смущении схватила папки и побежала в глубь архива. Вадим с нескрываемым удовольствием посмотрел ей вслед.

– М-м-м, какая булочка! Старик, может, ограничимся тем, что вытащим ее из этого подвала?

– Вадим, брось! – устало поморщился Ахматов. – Мы сидим уже битых два часа, а не просмотрели еще и половины. Я понимаю, у тебя время неограниченное, ты – сам себе хозяин, но я-то – на работе!..

– Все-все-все! Молчу! – шутливо поднял руки Вадим.

Юли им встречались. Каждый раз, увидев на папке это имя, Виталий внутренне сжимался. Сердце выпрыгивало из груди, – он и не думал, что так бывает. Ладони мгновенно намокали. Он открывал шершавую картон-

ную обложку личного дела, боясь увидеть знакомое лицо и в то же время страстно желая этого. И всякий раз это была не она, не его Юлька.

Вадим досаду свою проявлял бурно. Громко читал фамилию, всматривался в фотографию и громко восклицал: «Нет, не она!». И, словно в знак протеста, хлопал папкой по столу так, что летела пыль, а девушка-архивариус вздрагивала испуганно, словно боялась, что громкоголосый насмешливый гость учинит скандал.

– Не может быть... – сказал Ахматов, когда папки закончились. – Такого не может быть! Она же поступила, училась, существовала! Ну, не фантом же она, в самом деле! Не призрак...

– погоди, не бузи! – прервал его Вадим, мгновенно став серьезным, и Виталий вдруг понял, что за его ерничеством и хохмачеством скрывались внутреннее напряжение и озабоченность. – Что произошло? Ничего! Значит, мы чего-то не учли. Допустили какую-то ошибку, сделали неверный ход. Нужно только сообразить – какой?

Он повернулся к архивариусу.

– Девушка, милая, ваша голова не затуманена отчаянием и разочарованием от неудавшихся поисков. Слушайте внимательно: мы ищем девушку по имени Юля, которая поступила в университет в восьмидесятом году, а в восемьдесят втором предположительно ушла в академический отпуск.

– Что же вы сразу-то не сказали, что она взяла «академ»? – перебила его девушка. – Она же закончила как минимум на год позже! А эти папки совсем в другом месте хранятся. На других стеллажах...

– Ну, вот! – Вадим даже подскочил на стуле и так ткнул друга кулаком в плечо, что тот чуть не полетел на пол. – Я же говорил, что все проблемы решаемы.

Они потратили на поиски еще два часа, но Юльку так и не нашли.

В тот день Виталий напился. После университета они зашли в какое-то кафе – так, перекусить. Водку заказал Вадик, хотя совсем не в его правилах было пить посреди рабочего дня. Они выпили молча, закусили, налили еще по одной. Первым заговорил Вадим.

– Подожди расстраиваться!

– Я не расстраиваюсь...

– Я вижу... Смурной, как поздняя осень. Ну, не нашли! Найдем... Лиза найдет...

– Не найдет! – Виталий наклонился над столом, навис над тарелкой. – Она ничего не найдет – неужели ты этого не понимаешь?! У нас было девяносто девять шансов против ее одного, и мы ничего не нашли... Хотя должны были!!! Это рок... Мистика какая-то! И она сводит меня с ума!

– Старик, – удивленно произнес Вадим, – я тебя не узнаю...

– Я сам себя не узнаю, – мрачно усмехнулся Ахматов.

– Может, бросить тебе все это к чертовой матери?

– Я не могу бросить! – с отчаянием в голосе простонал Виталий. – Не могу! Я ничего не могу – работать, отдыхать, есть, пить не могу! Вадик, я с женой спать не могу! Я ее обнимаю, а мне Юлька мерещится...

– Ну-у-у, брат... – Вадик явно не ожидал такого признания. – Слушай, может, клин клином вышибается?

– Ты о чем?

– Виталья, слушай... – Вадим вдруг оживился, словно уже нашел выход из этой тупиковой ситуации, поерзал на стуле. – Ты только не обижайся... Может, у тебя это... бес в ребро?

– Какой еще бес?

– Ну, ты подумай сам... Тебе сорок пять лет... У тебя никогда не было женщин, ну, кроме жены, разумеется. Юльку мы не считаем – это то, что до... Жена – она, конечно, у тебя хорошая, но, согласись, даже все самое вкусное рано или поздно приедается, хочется чего-нибудь свеженького. А это свеженькое у тебя ассоциируется с Юлькой! Другой-то молодой и нетронутой ты не знал!

– Бред! – возмутился Виталий. – Ты несешь полный бред! Я люблю Вику...

– Любишь, – перебил его Вадим, – а в постели думаешь о другой. Это как?

Виталий не нашелся, что ответить. Они снова выпили, некоторое время ели, уткнувшись каждый в свою тарелку, потом Ахматов произнес, продолжая начатый разговор, как будто не было этой затянувшейся паузы.

– Думаю... Но это просто воспоминания! Я же хочу ту, прежнюю Юльку! Я даже не представляю, какая она сейчас. Может быть, увижу ее, и всякое желание исчезнет. И дай бог, чтобы исчезло! Иначе как же я буду... разрываться между двумя женщинами?.. Мне нужно только одно: увидеть ее, увидеть сына и... чтобы она меня простила...

– Э-э-эх... – укоризненно покачал головой Вадик. – Да ты уже разрываешься! Знаешь, что я тебе скажу? Я, конечно, не психолог, но мне кажется, что именно Юльку ты любил по-настоящему... Только не смог этого понять. Растерялся, испугался... А сейчас это чувство проснулось в тебе вновь и, боюсь, уже никуда не уйдет.

– Ты плохо меня знаешь...

– Нет, старик, то-то и оно, что я знаю тебя очень хорошо!

Виталий чувствовал, что опьянел – и не столько от водки, сколько от нахлынувших чувств, в которых он не мог разобраться. В нем смешалось все – злость на себя, на Юльку, даже на Вику, перед которой он тоже был виноват, жалость к обоим женщинам и к себе – вот ведь влип! И Вадик, сидящий напротив и рассуждавший про беса в ребро... Такой круглый, такой гладкий и благополучный... Как будто забыл о том разочаровании, которое постигло его в отношениях с женщинами...

Официант подошел, мягко ступая, склонился над столом и, заменяя пепельницу, чуть слышно произнес:

– Господа, вы не против, если к вам подсядут две девушки?

– Против! – вскинулся Виталий.

– Что вы, что вы... – удержал его за руку Вадик. – Просите...

Девушки строили из себя строгих и недоступных скромниц. Подошли и сели без тени улыбки: мол, вы – сами по себе, мы – сами по себе. Хотя для демонстрации своей независимости можно было сесть за любой другой столик – свободных было полно.

– Меня зовут Вадим, – тут же пошел в наступление неугомонный Вадик, – а это мой друг Виталий. Рекомендую: оч-чень хороший и оч-чень несчастный человек.

– Света, – церемонно представилась одна.

Она была явно постарше и играла первую скрипку: высокая, с крепкими плечами и руками, с тяжелой грудью, обтянутой красной трикотажной майкой с глубоким вырезом, в который Вадик тут же бесцеремонно начал пялиться.

– Катя, – назвалась вторая.

В росте она не уступала подруге, но была какой-то subtilной, тонкокостой. Средней длины русые волосы рассыпались по плечам, обрамляя миловидное лицо девушки-простушки.

- А почему несчастный?
- Проблемы с женщинами, – вздохнул Вадим.
- Жена изменила или любовница?

Виталий растерялся. Он не знал, как реагировать на заданные в лоб вопросы – то ли рассмеяться, то ли разозлиться и оборвать эту бестактную девицу. Выручил Вадим.

– Милая девушка! Жена ему не изменяла, а любовницы у него нет и никогда не было. Представляете, бывают на свете такие мужчины! Вот я и говорю: проблемы!

Снова подошел официант, подал Светлане меню в тисненых малиновых корочках.

– Позвольте... – Вадим мягко отвел руку девушки. – Вы не против, если мы вас угостим?

Виталий готов был поклясться, что новая знакомая переглянулась с официантом и через долю секунды спокойно перевела взгляд на Вадика.

– Пожалуйста...

Вадим разошелся не на шутку. «Такое впечатление, – думал, глядя на него, Виталий, – что он не избалован женским вниманием, вот и лезет из кожи вон, чтобы понравиться девице, на которой и клеймо ставить некуда».

Он курил, ожидая, пока друг закончит изощряться в перечислении тех кулинарных изысков, которые должны появиться на их столе, и ощущал, как к его плечу прижимается худое плечо Кати и как настойчиво касается она его ноги своей тонкой ножкой, обтянутой черным чулком.

– Скажите, – девушка обращалась к нему и, поворачиваясь к ней лицом, Виталий утыкался взглядом в вырез ее блузки. – Скажите, а в чем тогда проблема?

– Вы о чем?

– Жена не изменяет, любовницы нет... Почему же вы несчастны?

– Кто вам такое сказал?

– Ваш друг.

– Не слушайте его, Катя. Вадим имеет привычку выдавать желаемое за действительное. Он думает, что я несчастен, потому что не сплю с другими женщинами. По его мнению, в моем возрасте уже пора позволить себе такую невинную шалость.

– А вы так не считаете? – Катя многозначительно, как показалось Виталию, посмотрела ему в глаза.

«Не считаю», – хотел ответить Виталий, но, в очередной раз заглянув в разрез, вдруг произнес:

– Нужно попробовать хоть раз, чтобы знать, от чего отказываешься.

– Не бойтесь, что понравится?

– Ну, – усмехнулся Виталий, – во-первых, как говорит мой друг, все хорошее рано или поздно приедается, а во-вторых, у каждого яда есть противоядие. Нужно его только вовремя принять.

Официант закончил, наконец, расставлять блюда с закусками и степенно удалился – до горячего.

– Друзья мои! – Вадим взялся за графин с водкой, разлил по рюмкам.

– Давайте выпьем за знакомство и ... и за хороший вечер!

Виталийпил, и злость притуплялась, уходила, растворялась, все больше и больше уступая место жалости, и, размякнув, он вдруг решил излить душу этой Кате, чуть ли не со слезами на глазах рассказывая ей историю про Юльку и про своего сына. Катя слушала и ахала, и жалела его, и гладила по голове, придвинувшись совсем близко, прижавшись горячей грудью к его

плечу. А рука Виталия почему-то оказалась под столом, у нее на коленке, и он гладил эту коленку, а Катя не только не возражала, но и придвигалась к нему все ближе...

Пьяный Вадик, не стесняясь редких посетителей, целовался со Светой. Ему всегда нравились такие женщины – крупные, сильные, чувственные.

Мысль поехать на дачу пришла в голову Вадиму. А если ему приходила в голову какая-то идея, он не успокаивался, пока не воплощал ее в жизнь. Тем более если препятствий не был никаких.

– Девчонки! Едем ко мне на дачу... В баньке попаримся... Кто за?

– Мы! – девушки дружно вскинули руки.

– Нет-нет-нет, – попытался возразить Виталий. На такие подвиги он явно был уже не способен. – Домой... У меня жена...

– Ноу проблем! Т-с-с... – Вадим извлек из кармана сотовый телефон.

– Не звони, не звони! – замахал на него руками Ахматов, но тот уже набрал номер.

– Вика? Викуль, это Вадик... – он старался говорить трезвым голосом, но ему это плохо удавалось. – Слушай, мы тут немного загуляли... Не теряй... Махнем на дачу, в баньке попаримся... С кем, с кем? С мужем твоим! Вдвоем, конечно... Ты Лизе моей позвони, чтобы не волновалась. Да? А завтра с утра – мы, как огурчики! Ну, пока, целую...

И, убрав телефон в карман, хитро подмигнул.

– Ну, что, едем?

Что происходило потом, Виталий помнил смутно. В машине его укачало, и по дороге они несколько раз останавливались... Но на даче он снова пил, целовался с Катей... Пьяный Вадим бегал по грядкам за хохочущей Светой... Потом они куда-то пропали... Последнее, что сохранилось в памяти – душная нетопленная баня, он сидит на полке, а на коленях у него сидит Катя, и ее белые грудки, на которые он пялился весь вечер, колышутся у него перед глазами... Потом наступил провал...

Проснулся Ахматов в предбаннике, на широкой скамье, застеленной потертым махровым полотенцем. День был в разгаре, в низкое маленькое оконце, задернутое ситцевыми занавесками, ломилось солнце. Из приоткрытой двери тянуло прохладой. Над ухом монотонно и противно ныл комар.

Голова раскалывалась, во рту – словно песком все засыпало... Виталий, с трудом поднявшись, кривясь от боли и шепотом матерясь, зашел в баню, зачерпнул почерневшим ковшиком холодной воды, долго, с удовольствием пил. Остатки воды вылил себе на голову. Не сказать, чтобы здорово помогло, но немного полегчало. Собрав с пола разбросанную одежду, он натянул брюки, рубашку и только тогда вышел из бани.

Ни Вадима, ни вчерашних подружек не было видно. Виталий прошел к дому, обозревая по пути следы вечернего пиршества – пустые бутылки, какие-то пластиковые баночки с остатками еды, бумажные тарелки... «Да уж, погуляли... – в душе закопошилась одурманенная совесть. – Совсем ты, старик, с катушек съехал...».

Вадика он обнаружил в доме – тот, одетый, спал в комнате поперек кровати. И тоже один. Виталий присел рядом и ткнул друга в бок.

– Вадик...

– М-м-м...

– Проснись... Да проснись же ты, черт! Где девицы?

Последний тычок, видимо, был чувствительным. Вадик открыл глаза, посмотрел бессмысленно, через мгновение взгляд его прояснился.

– Где красотки?
– Я их утром на такси отправил... По холодку...
– Зачем?
– Да так... Чтобы соседи не видели...
– Ну, знаешь, – хмыкнул Виталий, – те, кому надо, уже видели, как ты тут рассекал по грядкам, словно кобель перед случкой...
– Ладно уж... Сам-то тоже хорош! Я и не знал, что ты такой дон Жуан... Водка у нас осталась? Полечиться бы чуть-чуть...

«Лечились» они на веранде, прячась в тенечке от полуденного солнца. Выпили по одной, и головная боль притупилась, и жизнь казалась теперь не такой беспросветной, как накануне. Наверное, Виталию нужна была эта разрядка, этот выхлоп... Если бы те девицы не подвернулись вчера, он все равно бы напился, но разве стало бы ему от этого легче? Так же болела бы голова, и камнем лежала на сердце боль. А сегодня он этой тяжести не чувствовал – напротив, был опустошен, выжат, как лимон...

«Неужели, – думал Виталий, – Вадик прав, и клин выбивается клином? И мои воспоминания о Юльке – это всего лишь дремавшая неутоленная юношеская похоть? А теперь что? Насытился? И все? На этом – все? Если бы так...»

– О чем думаешь? – прервал его размышления Вадим.

– О том, что желание прошло, а совесть осталась...

– Не понял?..

Виталий вздохнул.

– Я и так перед Викой виноват, а теперь вдвойне. А Юлька... Ее все равно разыскать нужно. Не в ней дело, понимаешь, не в ней! – во мне...

– Припадочный, твою мать! – Вадим редко матерился, но этот... самокопатель его достал. – Только у одних припадочных – эпилепсия, а у тебя – приступы совести. Поехали!

* * *

Вика почти не спала. Сначала долго ворочалась, считала баранов, закрывала глаза и слушала ночь за окном. Потом встала и пошла на кухню. Включила чайник, намазала хлеб маслом, отрезала пластик колбасы. Вдруг показалось, что Наташка в своей комнате тоже не спит, – сходила, постояла у двери, убедилась, что там тихо, и вернулась на кухню.

Мужики на даче ночевали не в первый раз, и никогда это не вызывало у нее никакого беспокойства, хотя она прекрасно понимала, что, решив друзья поразвлечься, никто и ничего об этом не узнает. Эти двое, как партизаны, никогда друг друга не выдадут. Но на этот раз она не поверила Вадиду. Присутствовала в его голосе какая-то фальшь... Наигранность... Ему очень хотелось казаться трезвым и честным. Неискренняя искренность – вот как это называется. Так бывает, когда человек не умеет лгать; он лжет, а глаза при этом у него становятся такими честными, что видно сразу: человек говорит неправду...

Вот так и сейчас: Вика слишком хорошо знала Вадика – интонации голоса, выражение лица, взгляд... Знала, пожалуй, лучше, чем его жена: Лиза была рядом с Вадимом всего несколько лет, а она, Вика, – половину жизни...

Насторожил ее и тот факт, что по телефону с ней разговаривал именно Вадик, а не муж. Значит, не хотел говорить... Не хотел говорить правду, а врать не умел.

В свете событий последнего месяца картина складывалась неприглядная... С Виталием что-то происходит. Та ночь, когда Вика, по сути, соблазнила собственного мужа, – не в счет; она была слишком умна, чтобы не понимать: в нем проснулся обычный мужской инстинкт, а вовсе не любовь. Любая нормальная женщина почувствует разницу...

Промучившись на кухне час или полтора, Вика снова легла. Уснула не сразу, точнее – забылась на какое-то время, потому что и во сне продолжала думать и, едва рассвело, снова была на ногах.

Когда проснулась дочь, Вика опять уже сидела на кухне с чашкой остывшего кофе.

– Чего это ты в такую рань? – удивилась Наташка.

– Да так, не спится что-то...

– Не спится, няня... – насмешливо протянула дочь. – А папа – что? Так и не возвращался?

– Он, наверное, с дачи сразу на работу поедет...

Вика старалась казаться спокойной.

– Что-то папочка наш вдруг загулял – посреди недели. С чего бы вдруг?

Наташка, потягиваясь, прошлепала по полу босыми ногами.

– Мала еще, вопросы задавать, – Вика шутливо шлепнула дочь по круглой, прикрытой ночной рубашкой попе. – Иди, умывайся.

Все время, пока Наташка собиралась в школу, пока сама одевалась и завтракала, ждала звонка. И чем дольше и безуспешнее ждала, тем больше убеждалась в правоте своих опасений. Что-то случилось... Нет, в том, что муж жив и здоров, Вика не сомневалась, но какое же чувство вины он должен испытывать, чтобы не позвонить из боязни выдать себя – словом или даже интонацией. Подойти же к телефону, снять трубку и набрать номер она не могла. Не из гордости... Просто не хотела унижать Виталия своими подозрениями. А может быть, не так? Может быть, заранее уверенная в его виновности, ждала, что муж сделает первый шаг навстречу и покается?..

Вика бродила по квартире в ночной сорочке, сложив на груди руки, непричесанная, не покрашенная, и почти молилась: «Позвони, пожалуйста! Позвони...». Их отношения дали трещину, которая становилась все шире и шире, постепенно превращаясь в непреодолимую, бездонную пропасть. И выбраться из нее с каждым днем становилось все сложнее и сложнее. Не понимать этого Вика не могла. Но чего она точно не понимала, так это причин семейного катаклизма, грозящего перерасти в катастрофу! А если она не видела причин, то не могла определиться с тем, как бороться с этой вдруг нахлынувшей напастью.

Вика с трудом заставила себя, наконец, собраться и даже выпила на голодный желудок чашку кофе, плеснув в него изрядную долю коньяка. Сегодня для бодрости коньяк был просто необходим. И, может быть, после этого простого, но такого эффективного способа борьбы с плохим настроением в голову пришло решение, которое было простым и сложным одновременно: она должна была задать мужу прямой вопрос и получить на него не менее прямой и откровенный ответ. Только где найти для этого силы?

Виталий вернулся домой первым. Открыл дверь – осторожно, даже усмехнулся – по-воровски. Прислушался: в квартире было тихо. Он облегченно вздохнул: как-то не хотелось с порога смотреть жене в глаза, виновато улыбаться и что-то говорить в свое оправдание. Хотя, конечно, придется. Но пока надо перевести дух.

Он прошел в спальню и замер на пороге. Картина, представшая перед его глазами, была настолько необычна, что в первый момент он даже испугался: кровать не убрана, ночная сорочка скомкана и брошена на подушку, тапочки – в разных углах, дверца шкафа распахнута. Такое впечатление, что человек убежал второпях. На его жену, такую педантичную, такую размеренную, это было совсем не похоже. Проспала? Ну, нет! Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Да и стрелка будильника, как всегда, стоит на восьми часах.

Виталий ничком упал на кровать, сгреб под себя подушку, уткнулся в нее лицом. Ситуация выходила из-под контроля, и чем дальше – тем больше. Все его принципы летели к черту. Он уже не знал, как оценивать происходящее и самого себя. Еще месяц назад он считал себя порядочным человеком, но вдруг мир, как льдина, начал ускользать из-под ног. Он попытался найти опору, исправить положение, но черная ледяная вода затягивала его все глубже и глубже. Еще чуть-чуть – и не выплыть.

– Спишь?

Виталий вздрогнул от неожиданности: он задремал и не услышал, как вернулась жена. Она стояла, прислонившись к косяку, и с первого взгляда Виталий понял, что Вика пьяна.

– Привет! Ты что, пила? С чего бы вдруг?

Он сел на кровати.

– С чего? – Вика пожалала плечами. – Да просто так... А что – нельзя? Только тебе можно?

– Вика... – Виталий поморщился. «Начинается!» – мелькнула в голове мысль. Семейных разборок со слезами и криками он боялся больше всего. Хотя его жена не принадлежала к той породе женщин, которые пилят своих мужей по поводу и без. – Я тебя умоляю...

– Нет, это я тебя умоляю...

Вика оторвалась от косяка, слегка качнувшись, прошла в комнату, встала напротив.

– Ахматов, ты мне изменяешь?

– Ты что, с ума сошла?!

– Ахматов, Ахматов... Не ври мне! Я устала от твоего вранья.

Виталий молчал в замешательстве. Теперь он понял, почему она напилась: чтобы задать ему этот вопрос. Трезвая – не спросила бы никогда.

– Ну, хорошо, хорошо... – неожиданно без боя, без долгого мучительного допроса сдался он. – Но это была просто шлюха! Это же не измена! Это же по пьянке... Я не хотел, правда!..

– Шлюха? – перебила его Вика. – Ты хочешь сказать, что спишь с проститутками?

– Почему – сплю? – снова растерялся Виталий. – Это было лишь раз... Вчера... Вадик... Он пригласил этих девиц за столик, а потом повез нас на дачу. Я был пьян...

– О боже! – Вика закрыла лицо руками и вдруг расхохоталась, запрокинув голову. – Один раз! Мало того, что мой порядочный муж спит с проститутками, так он еще клянется мне, что это было один раз... А месяц назад? В командировке? Там тоже была проститутка?

Виталий смотрел на жену и не знал, что сказать. Из них двоих именно он оказался не готов к этому разговору. Он опять не готов! А это несправедливо! Почему каждый раз, когда нужно сделать судьбоносный шаг, он оказывается не готов, и женщина навязывает ему свою волю?!

– Что же ты молчишь? Нечего сказать?

Виталий вдруг почувствовал, как в нем закипает злость – на себя, на Вику, на Юльку, на эту чертову судьбу, которая завела его в лабиринт, и он бродит в нем, как слепой, в поисках выхода, а попадает в тупики.

– Хочешь знать правду? Хочешь?

Теперь, похоже, наступил ее черед теряться. Муж не торопился каяться и просить прощения. Какую правду он предлагает ей узнать? И нужна ли она ей в действительности, эта правда? Но нужно же что-то решать. Продолжать жить так, как они жили последний месяц, просто невозможно.

Виталий сорвался с кровати, выбежал из комнаты, но уже через минуту вернулся с дипломатом в руках.

– Ну, не передумала?

Он открыл дипломат и достал из него свернутую в несколько раз газету, обыкновенную газету.

– На, читай! Читай, ты же этого хотела.

Не понимая, при чем здесь газета, Вика взяла ее из рук мужа. Бросила взгляд на заголовок: «Грехи молодости».

– При чем здесь?..

– Читай! До конца...

И, пока она читала, нервно мотался по комнате – взад-вперед, взад-вперед...

– Ну и что? – Вика отложила газет в сторону. – Ахматов, сядь, не маячь! Что ты этим хочешь сказать? У каждого из нас есть свой скелет в шкафу. Вспомнил старые грешки? В церковь сходи, покайся!

– Вика, послушай... Это – обо мне!

– Что – о тебе?

– Этот рассказ... Это моя история. То, о чем здесь написано, произошло со мной... давно... двадцать лет назад.

– Подожди, подожди... Ахматов, ты что, хочешь сказать, что этот парень, соблазнивший и бросивший девочку, – это ты?

– Вот именно! И я хочу исправить свою ошибку.

– Ты – больной! У тебя с головой все в порядке? Это же всего-навсего газета! Рассказ... Вы-дум-ка!

– Выдумка?

Виталий встал прямо перед женой и вытянул руку так, что его указательный палец почти коснулся её лица.

– Для тебя – выдумка, а для меня – это жизнь. Моя несостоявшаяся жизнь!

– Ах, несостоявшаяся?! – она даже задохнулась от возмущения. – И ты жалеешь об этом? Значит, то, что состоялось, тебя не устраивает?! Я не устраиваю, Наташка...

– Да при чем здесь ты и Наташка?! Вы меня устраиваете, но и оставить без внимания вот это... – он взмахнул зажатой в руке газетой, – я тоже не могу. Не могу! Как подумаю...

Виталий снова начал нарезать круги по комнате.

– Ты – сумасшедший! Ахматов, ты – сумасшедший! Ты прочитал какую-то газету, вообразил, что придуманная история – о тебе, и теперь разрушаешь мою и свою жизнь?! Жалеешь, что у тебя нормальная семья и здоровый ребенок?.. Мечтаешь о сыне-инвалиде? Невероятно!

Вика всплеснула руками. Она сидела на кровати и качала головой, пытаясь осмыслить все, сказанное мужем, разложить по полочкам в своей голове, но у нее плохо это получалось.

– Да я не мечтаю, как ты не понимаешь?! – с досадой воскликнул Виталий. – Нельзя жалеть о том, чего ты не испытал и что не прожил... О том,

что мы с тобой, я не жалею и никогда... даже в мыслях не было, что может быть иначе. Но я же должен что-то предпринять – теперь, когда все знаю...

– Бред! Бред! Я брежу, я сплю, и мне все это только снится... – Вика нервно засмеялась. – Разбудите меня, что ли... Я не могу в это поверить! Газета, статья, ребенок...

Она всплеснула руками и, буквально отодвинув в сторону мужа, пошла на кухню. Виталий побрел за ней.

– И что ты собираешься предпринять? Найти ее? Броситься в ноги, посыпать голову пеплом, бить себя кулаками в грудь... Так, да?

Вика открыла шкаф и неожиданно для Виталия достала бутылку вина.

– Вика, не пей! – взмолился он. – Тебе же станет плохо!

– Мне уже плохо! Ты не заметил, что мне плохо все это время?! – она, наконец, не выдержала и сорвалась, закричала высоким плачущим голосом. Виталий поморщился. – Ты же все время думаешь о ней... о той, другой... Ты же не со мной спишь, с ней! Спасибо, что хотя бы ее именем меня не называешь.

Вика пила вино из обычной чайной чашки, и Виталий видел, как дрожали ее губы. Он стоял посреди кухни и не знал, что сказать, что сделать, и от этого чувствовал себя полным идиотом. Ему было жаль жену, но как-то отстраненно, как чужого человека, которого, конечно, следовало пожалеть, но при этом не было желания подойти, обнять, успокоить. Он не находил даже нужных слов, которые говорят обычно в таких случаях: прости, я виноват, так случилось, больше не повторится. Этих пустых слов, которые ни к чему не обязывают, но которые обиженная сторона всегда хочет услышать.

– Ну, хорошо... – Вика отставила чашку в сторону. Казалось, алкоголь подействовал, и она немного успокоилась. – Предположим, ты их найдешь. И что дальше?

– Помогу, чем смогу... – Виталий пожал плечами: мол, не вопрос!

– Да? А о нас с Наташкой ты подумал? Ты спросил у меня: хочу ли я этого?

– Тебя это не касается! Наташки – тем более...

– Не касается? Вот здорово! В твоей жизни появляется женщина и ее ребенок, а меня не касается!

– Это мой сын! А на вас с Наташкой это никак не отразится. В нашей жизни все останется по-прежнему.

– Ты сам себе веришь?

Он не верил. Более того, отчетливо понимал, что, как прежде, уже ничего не будет.

– Ты – больной, Ахматов! Тебе самому лечиться надо... У тебя – мания! Ты – совсем ку-ку!

Вика покрутила пальцем у виска.

– Ты этой женщине не нужен! А если бы был нужен, она бы давно тебя разыскала и предъявила счет. Так ради чего ты рушишь все, что мы с тобой создавали столько лет?

– Я не хочу ничего рушить...

Какое-то странное чувство разрывало Виталия изнутри. Ему не хватало воздуха, не хватало пространства, ему хотелось кричать от отчаяния, потому что никто, никто не хотел его понять!!! Понять!!! Одну простую истину: он не может жить так, как будто ничего не случилось!!!

– В общем, так, Ахматов... Реши для себя, что тебе дороже: дом, семья, дочь или... или какой-то мифический ребенок-инвалид, которого, может, и нет на самом деле... А ты во искупление несуществующих грехов хочешь отказаться от того, что у тебя есть в реальности... Надумаешь – скажешь.

Виталий долго курил на кухне, пытаясь успокоиться, унять противную внутреннюю дрожь. Что-то подсказывало ему, что этот разговор – лишь начало, и главные семейные неприятности еще впереди.

Вика ушла в зал, плотно закрыв за собой дверь. Виталий несколько раз подкрадывался к ней на цыпочках, прислушивался: в комнате было тихо. У него вдруг заболело сердце. Схватило так, что Ахматов испугался: возраст для инфаркта – самый подходящий. Тянущая боль из груди перешла в левую руку – так, что онемели пальцы. Он с трудом добрался до спальни, лег, стиснув зубы, на спину.

– Черт... Не хватало только концы отдать.

Виталий закрыл глаза, прислушиваясь к тупой боли, которая, казалось, разливалась по всему телу. В квартире стояла тишина, но было в ней что-то гнетущее, тяжелое, враждебное. Он был не один в доме: за стеной, в соседней комнате, наверное, так же прислушивалась к этой тишине Вика. Прислушивалась и не нарушала ее. Тишина разделила их. Тишина расколола их дом на две части, и пропасть между ними с каждой минутой становилась все глубже. Виталий почти физически ощущал, как проваливается в темноту расщелины, на дне которой его ждали мрак, страх и неизвестность.

А потом ему приснился сон. Ему снилось, что он идет по длинному, очень длинному коридору. Скорее даже, тоннелю, вдоль стены которого тянется холодный поручень. Он держится за этот поручень, потому что в тоннеле темно, и идти приходится практически на ощупь. Только в самом конце виден тусклый серый свет – как будто он попадает в коридор через очень грязное, давно не мытое окно.

Ему снилось, что идет и чувствует, как его охватывает страх, а лицо покрывается потом. Но чем ближе к выходу из тоннеля, тем больше света, и уже видны сырые земляные стены, бетонный пол и черный, гладкий, словно отполированный десятками рук, поручень.

Наконец, коридор обрывается, причем обрывается в полном смысле этого слова: под ногами вдруг оказывается скала, резко уходящая вниз, в пропасть, и ручьи, смывающие в ущелье землю и мелкие камни. Напротив, в нескольких десятках метров, – такая же отвесная стена, с которой стекает вниз вода. А на дне ущелья – бурный поток, кипящий, словно от злости, там, где путь ему преграждают огромные валуны.

Что там, на противоположном берегу, он не видит – берег затянут плотным полотнищем белого тумана. Этот туман – как будто экран, натянутый и удерживаемый чьей-то невидимой рукой. Потому что над ущельем – синее, невероятно чистое небо...

И вдруг поток воздуха ударяет в грудь, сбивает его с ног и тащит по тоннелю, прочь от опасной пропасти. Он пытается ухватиться за поручень, остановиться, подняться на ноги, но безуспешно. Из черного тоннеля его выбрасывает в белый, напоминающий больничные, коридор со множеством дверей. И только тут Виталий понимает: кошмар закончился. Надо просто открыть дверь и выйти. И он открывает дверь...

Ахматов проснулся. В окно пробивался неяркий утренний свет. Боль ушла, а вместе с ней ушел страх. Виталий вспомнил свой сон и подумал, что это, должно быть, было знамение: он подошел к черте, заглянул за нее, но время, чтобы переступить эту черту и шагнуть в пропасть, по всей видимости, еще не настало.

Где-то там, за пределами спальни, ходили и разговаривали между собой Вика и Наташка. Виталий уснул так крепко, что даже не слышал, как

вернулась домой дочь. А Вика... Она, судя по всему, спала в зале. Хотя... этого следовало ожидать.

Виталий взглянул на часы. Половина восьмого. Ему еще рано вставать. Можно было бы и поваляться полчаса, но почему-то не хотелось. Вот так всегда бывает: когда не выспишься, нужно подниматься. А когда есть возможность поспать, сон куда-то исчезает.

Интересно, подумал он, Вика заходила? Одевалась, красилась? Он не слышал... Вспомнил о жене – и вернулось зудящее беспокойство. Виталию очень не хотелось встречаться с ней после вчерашнего разговора. Вика поставила условие – и теперь ему, хочешь - не хочешь, придется делать выбор. Виталий хорошо знал свою жену: она никогда не бросала слов на ветер. И уж если что-то обещала сделать – можно не сомневаться: сделает обязательно.

Неожиданно и потому пугающе громко зазвонил телефон. Спросонья Виталий никак не мог понять, откуда идет звук. Оказалось – из-под кровати. Почему мобильник валялся на полу? Как туда попал? – пошарив рукой, он отыскал телефон, прижал его к уху.

– Алло?

– Старик, привет! Все спишь?

Голос у Вадика был какой-то нарочито бодрый.

– Сплю, – съязвил Виталий, – а ты разговариваешь с «Русским радио»

– Не злись! Я звонил вечером, мне сказали, что ты рано лег спать. Слушай, у Вики голос был такой странный... Что, досталось тебе вчера на орехи?

– Я ей все рассказал...

– Что – все?

– Газету дал прочитать.

– Иди ты! – у Вадима даже голос изменился. – И что теперь?

– Поставила условие: или я все бросаю, или она бросает меня.

– Нич-чего себе! И что ты решил?

– Не знаю, Вадик, – Виталий обреченно вздохнул. – Я ничего не знаю.

Надо подумать.

– Что ж тут думать? Найдем мы Юльку или нет – бабушка надвое сказала, а семью потерять... Это, я тебе скажу, не очень веселая перспектива. Это очень неприятно! Поверь мне!

– Да знаю я, знаю! Запутался я, Вадик, а как теперь выбраться?.. Что Лиза? Нашла что-нибудь?

– Да ты не о том думаешь! Думай о том, как с Викой проблему решить!

– Решу... А Лиза... пусть ищет.

* * *

Это была война. Тихая, бескровная, но мучительная, изматывающая, напоминающая осаду, где все решают нервы противника: кто первым не выдержит, сдастся, уступит. Вика переселилась в гостиную. Она возвращалась с работы, причем стремилась прийти как можно позже, проходила на кухню, ужинала в одиночестве или вдвоем с Наташкой, если та была дома, готовила что-нибудь на утро и уходила в свою комнату.

Наташка смотрела вместе с ней телевизор, потом делала уроки и допоздна читала или сидела за компьютером. Виталий, выходя ночью на кухню покурить, видел свет под ее дверью.

Дочка бросала на него участливые взгляды, когда они сталкивались в коридоре или на кухне, но ни о чем не спрашивала. Она не понимала, какая кошка пробежала между родителями, но интуитивно занимала сторону

матери. А поведение отца, превратившегося в безмолвную тень, косвенно подтверждало его вину.

Вика мужа просто не замечала, как будто его не было в доме. Она решила взять его измором, не понимая, что тем самым добивается обратного результата: чем больше жена отдалялась, тем больше Виталий осознавал, насколько чужими они стали друг другу. А может, и были чужими? И их брак был лишь спасательным кругом от одиночества, привычкой, дружеской привязанностью, а вовсе не любовью? Ему было бы легче, если бы Вика попыталась создать хотя бы видимость того, что ничего не произошло, что у них по-прежнему семья, в которой он – любимый и любящий муж и отец. Если бы она хотя бы попыталась дать ему понять, что он нужен ей и дочери – нужен, несмотря ни на что. Но каждый день с упорством приговоренного Вика отталкивала мужа от себя все дальше и дальше.

Да, он понимал, что это – ревность, ревность к прошлому и будущему одновременно, страх потерять мужа и ту стабильность, которой всегда отличалась их семья. Но эта ничем не объяснимая боязнь грядущей и, с его точки зрения, совсем необязательной утраты становилась все более реальной, потому что почти уже свершившийся разрыв с мужем Вика, вопреки логике и здравому смыслу, использовала для того, чтобы удержать его!

Вадим позвонил неделю спустя.

– Старик, надо поговорить...

Они встретились после работы в уличном кафе, где подавали холодное пиво в высоких пластмассовых стаканах, неизменно пережаренные шашлыки из мяса неизвестного происхождения, разноцветные пакетики чипсов и фисташек. Над красным пластмассовым столиком, угрожающе качавшимся от малейшего порыва ветра, возвышался полосатый матерчатый тент – ножка его была придавлена внушительным камнем, при взгляде на который в голову невольно приходила мысль о том, что булыжник – это орудие пролетариата. Импровизированная пепельница из обрезанной жестяной банки была полна окурков, словно Вадим успел выкурить пачку сигарет, пока ждал друга.

– Пива выпьешь?

Его стакан был наполовину пуст.

– Лучше кофе.

– Девушка! – Вадим махнул рукой официантке. – Кофе и две пиццы, пожалуйста!

Официантка в белой блузке и коротенькой черной юбке трянула гривой волос, ловко смела со стола крошки влажной тряпкой. Подхватила банку с окурками и исчезла.

– Девушка, а пепельницу-то зачем? – запоздало крикнул ей вслед Вадим, но она уже не слышала.

– Вот черт! Окурок-то теперь куда?

Вадик отхлебнул пива, воровато оглянувшись, привстал, дотянулся до соседнего столика и стащил оттуда жестянку.

– Ну, как дела?

Он участливо оглядел Виталия.

– Что-то ты неважно выглядишь... Тяжко?

– Не то слово! Чувствую себя изгоем.

Подошла официантка с двумя пластиковыми тарелочками: пицца, видно, только что из микроволновки, источала тепло.

– Кофе нести?

– Нести, милая, нести, – Вадик с видимым удовольствием окинул ее взглядом, – и пепельницу на соседний столик не забудьте.

И даже причмокнул, провожая девушку глазами.

– Вадик, – усмехнулся Виталий, – ты неисправим!

– Да... Старею, наверное, – засмеялся Вадим, но тут же оборвал смех.

– Мне Вика звонила...

– И что?

– Плакала... Просила, чтобы я поговорил с тобой.

– Ну, и?..

– Ну, и я сказал, что поговорю, но ничего не обещаю: мол, она же знает, какой ты упертый.

– Понятно...

Официантка принесла кофе, и разговор прервался: оба принялись за пиццу.

– Ты за этим меня и звал? – дожевал кусок Виталий. – Чтобы мозги прочистить?

– Да нет, старик, все не так просто. Она еще и Лизе звонила.

– И?.. Да говори ты! – рассердился Ахматов. – Что я из тебя каждое слово, как щипцами, вытягиваю?!

– Лиза сказала, что больше в архив не пойдет. Жалко ей Вику. Не хочет она своими руками вашу семью разрушать.

– Угу... – хмыкнул Виталий. – А нечего уже разрушать, Вадик, нечего!

– Что, все так плохо?

– Ну, допустим, сейчас я брошу эти поиски... Но не думать-то об этом не смогу! Буду мучиться сам, мучить жену, потом мы начнем друг друга тихо ненавидеть, а до этого, надо сказать, уже недалеко... И всему конец! Какой в этом смысл? Не лучше ли довести дело до конца, расставить все точки над «i», а потом решать, как жить дальше?

– Согласись, старик, ты сам виноват! Заварил такую кашу...

– Разве я спорю? Но, увы, такова жизнь. В ней не всегда все идет согласно написанному сценарию. А может, наоборот, – именно так сценарий и написан? И мы просто не подозревали об этом?

– Ну, ты же – философ... Тебе виднее... И где же выход?

– Где? – Виталий допил уже остывший кофе и закурил. – Не надо форсировать события. Пусть все идет своим чередом – так, как оно должно быть.

Она выросла в семье, где правил отец – жестокий и деспотичный. Он держал в страхе всех – жену, тещу, дочь... Его слово было законом, а неповиновение наказывалось неотвратимо. Мать и бабушка за долгие годы муштры и побоев смирились, а Вика не могла. Все в ней протестовало против этой бессмысленной жестокости. Она вступалась за мать, восставала против этой бессмысленной жестокости. Она вступалась за мать, восставала против мелочных, часто издевательских попреков. Бита была неоднократно, но не сдавалась. У нее почти не было друзей – Вика старалась никого не приводить в дом, в котором в любой момент могла вспыхнуть ссора, мгновенно переходящая в скандал с криками и угрозами. Поклонников, едва появлявшихся на горизонте, отец отваживал мгновенно, а потом цинично упрекал дочь в том, что она никому не нужна со своим неуживчивым характером.

Замуж Вика вышла еще в институте. Не было ни регистрации, ни свадьбы, просто однажды после занятий Вика пришла к своему избраннику и домой уже не вернулась. Отец долго бушевал: дочка сбежала! Звонил, оскорблял, проклинал... Отыгрывался на матери, обвиняя ее в том, что она вырастила дочь-шлюху... Потом уgomонился, поняв, что Вика не вернет-

ся. Однажды даже пришел к ней в гости и попытался по старой привычке диктовать ей свою волю. Вика поставила его на место: в своем доме я буду жить по своим правилам. Отец больше не приходил, а она и не звала.

Муж был полной противоположностью отцу: мягкий и покладистый. «Он у меня – телок», – смеясь, говорила Вика подругам. И воспитывала в нем мужчину. А потом все покатило под гору. Вчера еще мягкий и покладистый, муж на глазах превращался в эгоистичного домашнего тирана. Не без ее, как она осознавала с горечью, помощи. Существовали только его работа, его карьера, его друзья, его отдых, его здоровье. Он полностью подчинил жизнь супруги своим интересам, превратив ее в молчаливую кухарку и домработницу.

Все кончилось однажды, когда по наивности своей Вика начала рассказывать мужу о каком-то конфликте в институте. «Да плевать мне на твои проблемы!» – бросил он презрительно, даже не дослушав. Лучше бы ударил молча, потому что эти слова, прозвучав, как пощечина, ранили больней. Вика замолчала. В этот день они стали чужими. И когда через некоторое время неизбежное расставание стало реальностью, она пережила его довольно легко.

Несколько месяцев Вика кочевала по квартирам, потом получила общежитие. К родителям так и не вернулась, хотя мать и звала.

Потом в ее жизни появился седой подполковник, двадцать лет отдавший армии. Опытный ловелас-обольститель... Она влюбилась, поддавшись его чарам, но в то же время никак не могла до конца поверить пылким признаниям. А потому держала несколько на расстоянии. И быстро убедилась в том, что была права. Нежный и любвеобильный подполковник оказался скопищем комплексов, мешающих жить и ему, и окружающим. Он удивительным образом создавал себе проблемы, чтобы потом бороться с ними. Он приезжал к ней и выплескивал на нее, 20-летнюю девчонку, накопившиеся жалобы на жизнь, с дежурной вежливостью поинтересовавшись ее делами. А у нее, за редким исключением, все было хорошо. «Я рад за тебя», – коротко говорил подполковник и комплексовал еще больше.

Как-то, в период коротких неудач, она имела неосторожность упрекнуть его в долгом отсутствии: «Мне было так плохо, а ты не мог даже позвонить!». «Да мне-то что до твоих проблем!» – ответил тот. Ее чувство к нему умерло в те мгновения, которых подполковнику хватило, чтобы произнести эти слова. Но умерло не только чувство. Что-то оборвалось внутри, повисло на тонкой ниточке, отдавая тупой болью под левую лопатку. Горькое недоумение кололо, как иголкой в сердце: за что?! Неужели женское «я» – так мало, так ничтожно в сравнении с мужским? Как будто женщина не значит ничего! Как будто она создана лишь для того, чтобы потакать мужским прихотям и удовлетворять не только мужскую плоть, но и непомерное мужское самолюбие.

Она жила с этой болью. Слишком тяжелая ноша для девушки, которая только вступает во взрослую жизнь. Ходила в институт, болтала с подружками, даже флиртовала с мужчинами. И ни на миг не забывала: не верь им! Не верь! Все это – лишь уловки, лишь скрытое стремление заманить тебя в сеть, а потом унижить, растоптать, указать тебе твое место – в ногах у мужчины.

После института Вика уехала в другой город, поступила в аспирантуру. Тогда и познакомилась с Виталием. Он оказался совсем другим, непохожим на мужчин, которых она знала раньше: спокойный, самостоятельный, а главное – он относился к женщине как к другу, как к партнеру, равному во всех отношениях. И это удивило Вику и подкупило ее.

Их брак не был основан на пылкой любви, скорее, на уважении и симпатии. Это был брак-партнерство. Виталий никогда не пытался ни словом, ни делом показать свое превосходство над ней. Да его и не было, этого превосходства. Даже тогда, когда, на некоторое время уйдя из науки, Виталий начал заниматься бизнесом. Деньги не испортили его, как многих других «новых русских». Ему и в голову не приходило упрекнуть жену, получавшую гроши в своем университете. Их брак оставался таким же спокойным и безоблачным.

То, что происходило в их семье сейчас, казалось Вике невероятным! Она панически боялась потерять мужа, и этот страх мешал ей воспринимать случившееся с критичным спокойствием, которое всегда было ей свойственно. Внешне она казалась невозмутимой, но где-то в глубине души – словно маленький перепуганный зверек метался в ужасе, мешая здраво рассуждать и мыслить.

Наверное, стоило вести себя как-то иначе... Не мешать мужу в его поисках: в конце концов, помощь больному ребенку – дело благое. Успокоить и поддержать его. Оценить его благородный порыв. Наверное, и он оценил бы эту поддержку. И в благодарность за понимание начал любить и уважать ее еще больше. Но Вика боялась, что, встретив свою былую любовь, а в том, что это была любовь, она почему-то не сомневалась, Виталий отдалится от нее и дочери. А если он уйдет, она не переживет... Но ждать и гадать, пребывать в неведении, чувствовать, как с каждым днем нарастает отчуждение, было невыносимо. Казалось, проще оборвать это мучительное ожидание. Освободить и себя, и мужа. Только Наташку жалко.

Что говорило в ней? Ревность? Гордыня? Уязвленное самолюбие? Или проснулся в ней собственник, о существовании которого она даже не подозревала, и теперь, не в силах защитить принадлежащее ему добро, решил бросить все, уйти и сжечь за собой все мосты...

Вечерело. Дождь лил, не переставая, с самого утра. Виталий приходил теперь поздно, – Вика даже не спрашивала, где он был и что делал, словно ее это никак не трогало. Наташка убежала в кино с подружками. Никогда раньше одиночество не было таким тяжелым и беспросветным, как сегодня. Конечно, можно было бы позвонить кому-нибудь из подруг, но болтать ни о чем и делать вид, что ничего не произошло, у Вики не было сил. А рассказать о том, что мучило, признаться в собственной слабости – не позволяла гордость.

Она подошла к окну. По темной глянцевой поверхности стекла бежали морщинистые дорожки дождевых капель. Между поникших мокрых тополей, окружавших дом, плавали размытые желтые пятна фонарей. «Если так пойдет и дальше, чернозем на кладбище развезет... К могиле не подойти... Яму зальет водой, и не земля примет мое тело... Лежать в воде – не самая завидная перспектива. Хотя... мне уже будет все равно».

Вика думала об этом спокойно, без истерики, без внутреннего содрогания, как о чем-то давно решенном и – главное! – единственно правильном. Ей не было страшно, она ни на минуту не задумалась над тем, что будет потом, когда ее не станет. Ей хотелось одного – действия, такого, которое заставило бы мужа пожалеть о своем поведении. И ничего другого, кроме собственного ухода, придумать не могла...

Ахматов вернулся домой через два часа. Промокший, продрогший и от этого злой. Входная дверь почему-то оказалась не заперта, и это тоже разозлило. Попадись сейчас кто-нибудь под руку – отоварил бы по полной... Но

в квартире было темно и тихо. «Если никого нет, – встревожился Виталий, – почему открыта дверь?». Сняв мокрые ботинки, прошел по коридору, заглянул в зал: фигура спящей жены четко вырисовывалась под пледом, волосы темнели на подушке. Виталий вздохнул с облегчением.

Пока принимал горячий душ, чтобы согреться, и переодевался, пришла Наташка. Помахала рукой отцу, выглянувшему из своей комнаты, и скрылась в зале.

Распечатанная бутылка и стакан недопитого вина на кухонном столе вызвали у Ахматова раздражение. Что-то часто Вика стала выпивать в последнее время. Понятно, нервы, но, в конце концов, это еще не повод для пьянства. Ахматов и сам мог хорошо выпить, любил посидеть с женой за столом в субботний вечер за бутылочкой хорошего вина, но пить в одиночестве – это уже перебор. Да и по какому, собственно, поводу? Поиски Юльки зашли в тупик – и Вика об этом знала. После той знаменательной поездки на дачу Вадик вел себя тише воды, ниже травы и не вовлекал своего друга ни в какие сомнительные авантюры. Вечера Виталий проводил на работе – и то лишь потому, что сидеть дома и таиться друг от друга, как мыши, по разным комнатам, было невыносимо. Все его попытки начать хоть какой-то диалог с собственной женой натывались на холодное молчание. Вика ждала раскаяния, а Виталий не чувствовал своей вины перед ней... Потому что то, что так мучило его сейчас, произошло задолго до их встречи. Разве ему пришлось бы в голову упрекать жену в том, что у нее были мужчины?

– С какой это радости?..

Ахматов, задумавшись, не услышал, как в кухню вошла Наташка. Взяла двумя пальцами бутылку за горлышко, брезгливо понюхала.

– Не мое, не грешен, – шутливо ответил Виталий, – но, пожалуй, и я не откажусь: замерз, как цуцик.

Он плеснул себе в стакан вина, выпил.

– Поухаживай за отцом, сваргань пару бутербродиков.

И подумал, что вот уже несколько недель он не сидел с дочерью за одним столом. И Наташка, похоже, подумала о том же.

– Помирились бы вы уже, а? – жалобно протянула она. – Здоровье не позволяет бутербродиками питаться.

– Это не ко мне, я не ссорился...

Они сидели друг против друга и ели несвежий хлеб с колбасой, запивая его горячим кофе.

– Папа, ты уйдешь от нас?

Виталий вскинул на дочь недоуменный взгляд.

– Это мама тебе такую глупость сказала?

– Я слышала, как она по телефону разговаривала... с тетей Лизой...

– Выбрось эту дурь из головы! Я не собираюсь никуда уходить. У меня – проблемы, мне нужно время, чтобы разобраться с ними. А мама... Мама слишком торопится.

Наташка отвела глаза в сторону. Пустой коричневый флакон из-под таблеток стоял у самой стены и резко выделялся на фоне светлых обоев. Совершенно машинально, еще ни о чем не думая, девочка взяла его в руки и прочитала название на этикетке...

– Мама ... спит?

– Спит... – внезапно изменившееся лицо Наташки и ее вдруг охрипший голос испугали Виталия. – А что?

Она протянула ему пустой флакон. Спустя мгновение Ахматов сорвался с места, уронив табурет, и бросился в зал.

Вика все так же лежала под пледом, свернувшись калачиком. Виталий перевернул ее на спину, склонился к лицу, стараясь уловить дыхание, и, к своему ужасу, не услышал его...

– Вика! Вика! – он начала трясти жену. Голова моталась по подушке, белое лицо с бескровными губами на фоне темных волос приводили Ахматова в ужас.

– Вика! Не спи! – он ударил ее по щеке, по другой. Ему вдруг показалось, что по лицу пробежала дрожь, и он продолжал хлестать по расслабленным, но еще теплым щекам в отчаянной надежде, что боль приведет жену в чувство. – Не смей спать! Слышишь?! Не смей спать!

Сзади громко, в голос зарыдала Наташка.

– «Скорую!» – обернувшись, закричал на нее Ахматов. – Что ты стоишь?! Звони в «скорую»!

Он сгрел бесчувственное, многократно отяжелевшее тело в охалку и потащил его в ванную. Откуда-то из глубин сознания выплыло однажды услышанное или прочитанное: в случае отравления лекарственными препаратами нужно промыть желудок. Виталий понятия не имел, как это делается, но страх перед смертью, который часто вводит людей в ступор, напротив, заставлял его действовать.

– Помоги мне, Наташа!

Вдвоем они усадили Вику в ванную, Ахматов слегка запрокинул назад ее голову, с трудом разжал ей зубы.

– Вливай... Воду вливай...

Трясущимися руками Наташка набирала теплую воду в большую кружку и выливала ее в полуоткрытый рот матери. Большая часть проливалась мимо, одежда намокла, но разве это было главное?..

– Давай, дочка, давай! – бормотал Ахматов и умолял жену: – Пей! Пей! Пей!

Потом приехала «скорая помощь». Молодой фельдшер в синей куртке вошел в ванную, оценил обстановку, покачал головой и отодвинул Виталия в сторону со словами: «Ну, давайте теперь я...»

* * *

Сначала она увидела белый туман. Она никогда не видела такого тумана – густого, как кисель, и белого, как молоко. Она плыла в нем на каком-то невидимом плоту, который двигался сам по себе, без всяких усилий с ее стороны. Потом она услышала голос. «Ты хочешь жить? – спрашивал он. – Ты будешь жить, если увидишь Бога».

Она не знала, хочет ли жить. Не знала, что такое жизнь, и стоит ли она того, чтобы цепляться за нее. Но если цена ее так велика – встреча с Богом, может, действительно, жизнь – это нечто важное, и не нужно вот так просто отказываться от нее?..

Плот неспешно, чуть вздрагивая, двигался в тумане, и вдруг впереди она увидела человека, за ним еще одного и еще, и еще... Бесконечная вереница молчаливых людей... Они шли медленно, опустив головы, и на их лицах она не видела ни тени улыбки или печали.

– Кто эти люди?

Она задала этот вопрос в пустоту, не зная, услышит ли ответ, но голос ответил.

– Они ищут дорогу к Богу!

Туман рассеялся, и она оказалась перед воротами – плотно закрытыми воротами, из-под которых выбивалась полоска света. Внезапно они распах-

нули, и яркий, ослепляющий свет огромной, похожей на цунами волной выплеснулся наружу, ударил по глазам, заставив зажмуриться, потому что нельзя было без боли и слез смотреть на это свечение. Когда спустя мгновение она смогла открыть глаза, то увидела, что очередь из молчаливых людей рассыпалась, перестроилась в цепочку и бредет навстречу свету...

Она стояла и смотрела, как они уходили и таяли в неистово бушующем пламени. Не сгорали, а именно таяли...

– А где же Бог? – удивилась она.

– Свет – это и есть Бог! – ответил ей голос.

– Я увидела Бога? Значит, я буду жить...

Потом снова был туман. В нем колыхались бестелесные тени, но их очертания становились все более четкими, явственным, проявлялись, словно черно-белое изображение на фотобумаге. Вот одна из теней склонилась над ней, и Вика увидела глаза – только глаза на странно белом лице. Спустя несколько секунд она поняла, что это медсестра внимательно следит за тем, как оживает вернувшийся с того света человек.

Сестра подняла руку, щелкнула пальцами и поводила ими над лицом Вики. Убедившись, что ее глаза следят за движениями руки, наклонилась ниже:

– Ну, слава Богу! Вы меня слышите?

Вика слышала, вот только ответить не могла – мешала трубка в горле.

– Моргните, если слышите.

Вика медленно закрыла и снова открыла глаза.

– Вот и славно! Ну и напугали вы нас... Разве так можно? Я сейчас уберу трубку, и вы сможете дышать сами. Будет немного больно. Готовы?

Было очень больно. Вика вдохнула автоматически, воздух ворвался в легкие, работавшие в размеренном, заданным аппаратом ритме, и она захлебнулась этим воздухом, закашлялась, заплакала и только тогда поняла окончательно: она жива!

– Никаких упреков! – наставляла Ахматова утомленная женщина-врач. Оглядывала его настороженно, словно не веря до конца, что он действительно потрясен происшедшим. Конечно, с чего бы это жене травиться таблетками, если в семье все в порядке?

– И никаких вопросов!

– Я понял, понял, – кивал Ахматов. Он вполне понимал подозрительность врачихи, но все равно она его раздражала. Одному Богу известно, что он пережил за те сутки, когда Вика была даже не на пороге смерти, а одной ногой уже там, перенесла остановку сердца и клиническую смерть. Он провел эти часы в больничном коридоре, под дверью реанимационного отделения. Первую ночь рядом с ним, не переставая, плакала Наташка. Виталий обнимал ее за плечи, укачивал, как маленького ребенка, успокаивая не столько ее, сколько себя:

– Все будет хорошо! Все будет хорошо!

Надежду вселяло и неторопливое, несуетливое поведение врачей. Это внизу, в приемном отделении, в первые минуты, когда «скорая» доставила Вику, им пришлось побегать – ни пульса, ни дыхания у пациентки практически не было. Потом ее подняли в реанимацию, а к Виталию вышла врач, та самая, которая сейчас давала ему наставления, и, предупреждая его вопросы, сказала жестко:

– Мужчина, сядьте. Мы сделали все, что могли. Осталось только ждать. Сердце еще молодое, сильное. Надежда есть.

Тогда он тоже заплакал.

Утром в больницу приехали Вадим и Лиза. Наташка принялась обливать слезами блузку Лизы, а мужчины спустились на улицу – покурить. Курили молча. У Виталия желания говорить не было, Вадим, зная друга, не задавал вопросов. Впрочем, все понятно было и без объяснений.

– Наташку возьмите пока к себе, – попросил Виталий.

– Конечно, какие проблемы... – откликнулся Вадим.

Снова замолчали.

– Врачи что говорят?

– Стабильно тяжелое...

– Стабильно – это хорошо...

– Вадик, не надо!

– Ладно, молчу...

Через полчаса они уехали, забрав с собой измученную девочку, и Виталий остался один. Весь день он провел на диванчике в коридоре, выходя лишь покурить. Медсестры смотрели на него с любопытством: не каждый день видишь мужика, из-за которого жена убивается в полном смысле этого слова. Санитарочка, мывшая пол, уговорила его сходить в кафешку рядом с больницей, победать. Ахматов взял себе кофе, больше в горло ничего не лезло, и вернулся на свой пост.

О чем он думал? Да ни о чем... так... Какие-то обрывки мыслей и воспоминаний метались в голове, сталкиваясь, сплетаясь и разбегаясь в разные стороны. Виталий не мог сосредоточиться. Ночью он засыпал, запрокинув голову на спинку диванчика, потом вдруг вздрагивал и просыпался, растирал занемевшую шею, шел к двери реанимационной палаты и прислушивался. Убедившись, что никакой суеты и беготни за дверью не слышно, успокоенный, возвращался обратно.

Утром его разбудило веселое, беззаботное чириканье медсестер. Они вышли из реанимации, смеясь, прошли мимо заспанного небритого мужика на диване, скрылись за дверью, ведущей на лестницу. Больница еще спала, так что их голоса и смех еще долго слышались в гулком пустом коридоре. И тогда Виталий успокоился окончательно: смеются – значит, действительно все будет хорошо.

И вот теперь, облаченный в белый халат, он выслушивал последние наставления, кивал головой, а сам мучительно думал о своем. Как он посмотрит в глаза жене, которая из-за него решилась на такой страшный шаг? Что скажет ей? И как они будут жить дальше? После всего, что было...

Поступок Вики был, на его взгляд, совершенно немотивированным и потому необъяснимым. Да он и не пытался объяснять. И понимать не пытался, потому что нельзя понять, как и почему взрослый здравомыслящий человек вдруг принимает решение уйти из жизни. Он не поймет ни при каких обстоятельствах. Потому что и не было таких обстоятельств, которые могли бы заставить Вику поступить так, как она поступила. С точки зрения Ахматова, это было эгоизмом в высшем его проявлении. О чем она думала, когда глотала эти таблетки? О дочери? Да черта с два! О нем? Да в последнюю очередь! О своих обидах, придуманных и ничем не подтвержденных страхах, о том, чтобы наказать – пожизненно, поселив в его душе непреходящее чувство вины...

Было в этой неожиданной и едва не ставшей успешной попытке самоубийства что-то детское, ребяческое, необдуманное и плохо осознаваемое. Так маленький мальчик, которого жестоко, по его мнению, обидели родители, не пустив гулять со сверстниками или выпоров за двойки в дневнике, решает наказать их своей смертью. И, содрогаясь от страха перед неведомым

и – одновременно – от невинного еще, но все же сладострастного предвкушения удовольствия, которое доставит ему вид плачущих родителей, представляет себя лежащим в гробу – в окружении скорбящих родственников и товарищей по играм. И шепчет горько и злорадно: «Они еще пожалеют!..». Но что нужно простить ребенку, можно ли прощать взрослому? Впрочем, что оставалось Виталию? – только простить.

Он вошел в палату, напичканную аппаратурой, словно какая-то научная лаборатория, приблизился к кровати. Вика улыбнулась ему навстречу. Конечно, это было лишь подобием улыбки, но все же...

– Привет!

Горло после трубки еще болело, и говорить она могла только полупешепотом.

– Привет!

Он присел на стул рядом с кроватью, взял ее за руку, погладил холодные пальцы.

– Виталик...

Вика не заплакала, просто слезы сами собой покатались из уголков глаз на подушку.

– Виталик, ты простишь меня?

– Перестань, перестань... Ну, что ты...

– Я не хотела... не хотела... Я не знаю, почему так получилось...

– Я понимаю... – он наклонился, прижался небритой щекой к ее мокрому от слез лицу. – Мы переживем это, переживем... Уже пережили. Все будет хорошо...

Ахматов устал. Устал, как никогда, наверное, за всю свою жизнь. Настолько, что не мог ни о чем думать, анализировать и уж точно ничего прогнозировать. Спроси у него сейчас, чего он хочет, и он ответил бы: остаться одному и выспаться! Просто забраться под одеяло, отключиться от реальности – и спать, спать, спать. И это непреодолимое, почти навязчивое желание покоя в какой-то степени объясняло ему поступок жены: она тоже устала, вот и решила уснуть. Вот только срок для своего сна определила слишком долгий: вечность.

Домой Вика вернулась через неделю. Ходила по комнатам, гладила ладонью стены, касалась мебели, словно здоровалась, подошла к телевизору и, включив его, с минуту молча смотрела в разноцветный экран.

Виталий не мешал ей, не задавал вопросов. Сварил кофе, приготовил бутерброды. Потом почти на цыпочках вошел в спальню. Вика стояла у окна и смотрела куда-то в промокшее пространство.

Виталий остановился позади нее, стараясь не нарушить тишину комнаты. Странно, но он чувствовал себя неловко, словно в палате у тяжелобольного. Вика обернулась, на губах у нее застыла какая-то потусторонняя улыбка.

– Кофе будешь? Я сварил...

– Да, пожалуй...

Ахматов подошел к ней, взяв за плечи, притянул к себе, осторожно поцеловал – в щеку, в шею, в губы... Вика не откликнулась. Вежливо высвободилась из его рук и пошла на кухню. Виталий, уронив руки, в недоумении постоял минуту, справляясь с внезапно вспыхнувшим раздражением, и отправился следом. Желание пить кофе улетучилось.

– Ты завтракай, – сказал он жене. – Я побегу на работу. Постараюсь вернуться пораньше.

– Хорошо, – безучастно откликнулась Вика.

И снова чувство, похожее на обиду, шевельнулось в груди. Виталий постоял еще несколько секунд в прихожей, наивно ожидая, что жена позовет его, но, не дождавшись, вышел из дома, тихо прикрыв за собой дверь и испытывая при этом жгучее желание громко хлопнуть ею.

* * *

Вадим позвонил другу спустя несколько дней и удивился его голосу – усталому и бесцветному.

– Как дела?

– Приходи, – коротко ответил Виталий и повесил трубку.

Изменился не только голос. Сказать, что он неважно выглядел, было бы слишком мягко. Вадик мог бы поклясться, что никогда раньше он не видел своего друга таким. Казалось, он постарел за эти дни. Опухшее лицо, воспаленные веки, грязная футболка, заправленная в спортивные штаны с отвисшими коленками... В квартире витал стойкий запах алкоголя. На столе в кухне теснили друг друга пустые пивные банки и водочные бутылки. Куски засохшего хлеба вперемешку с небрежно порубленной колбасой, чашка с присохшей заваркой – все это откровенно свидетельствовало о настроении и занятиях хозяина дома.

– Давно гуляешь? – Вадим взял в руки начатую бутылку водки, открыл пробку, зачем-то понюхал и сморщился.

– Фу-у-у, гадость какая!

– Наливай! – Виталий открыл шкаф, достал хрустальную стопку, поставил на стол.

– Что, без закуски?

– Так нет ничего!

Виталий пьяно развел руками.

Шорохов открыл холодильник, внимательно изучил его содержимое. Нашел три яйца, луковицу, в морозилке – кусок сала. По-хозяйски убрал со стола грязную посуду, смахнул крошки. Виталий, прислонившись к косяку, молча смотрел, как Вадим режет лук, строгает сало, разбивает на сковородку яйца. Он не ел горячего уже день. Или два. Или три. И не потому, что холодильник был пуст. Пусто было в душе и в голове. И в доме, из которого несколько дней назад ушли его жена и дочь...

Разлив по стопкам водку, Вадим широким жестом пригласил хозяина за стол. Они выпили. Виталий нехотя ковырнул вилок яичницу и отодвинул тарелку.

– Ешь! – Шорохов вернул тарелку на место. – Хорош пить на голодный желудок. Твой-то где?

– А нету... – хохотнул Виталий. – Холостой я теперь...

– Не понял... Как это – холостой? Где Вика?

– Она меня бросила! – он засмеялся нервно и тут же, закрыв лицо руками, всхлипнул.

– Виталя! Виталя! – перепугался Вадим. – Что с тобой? Ты... ты это... Не надо...

– Все, все... – Ахматов отнял руки от лица. Веки, увлажнившись, покраснели еще больше. – Не бойся, ни стреляться, ни травиться я не буду. Смешно, не правда ли? Она хотела покончить с собой, потому что боялась, что я уйду. Но я не ушел, и тогда ушла она. Логика в этом есть?

В первый же вечер, вернувшись из больницы, Вика попросила мужа перебраться в зал. Он выполнил эту просьбу, не задавая лишних вопро-

сов, строго следуя указаниям строгой врачихи из больницы: не делать ничего, что могло бы спровоцировать нервный срыв и повторение суицида. Утренняя досада отошла на второй план. Чувствуя свою невольную вину, он готов был прощать жене мелкие обиды. К нему никто не заходил, хотя и Вика, и Наташка, он это слышал, ходили по квартире, разговаривали друг с другом, кому-то звонили. Он ждал, что кто-нибудь из них заглянет перед сном – пусть не поболтать, пусть просто пожелать спокойной ночи... И, так и не дождавшись, уснул.

Утром проснулся от того, что кто-то сел на диван рядом с ним. Открыл глаза и увидел Вику. Несколько секунд они смотрели друг на друга молча: он – просыпаясь, она – в ожидании, когда он проснется.

– Виталик, я хочу с тобой поговорить. Только ты выслушай меня спокойно.

– Может, я для начала встану? – предложил Ахматов.

– Подожди! – Вика даже руки вскинула, словно хотела его удержать. – Я скажу, пока у меня есть силы. Я уезжаю. Мы уезжаем. С Наташей. К маме. Нам нужно пожить отдельно. Я ... я не могу сейчас оставаться с тобой. Нам обоим нужно подумать о том, как жить дальше.

Виталий не знал, что сказать. Он не был готов к такому повороту событий. Он мог ожидать чего угодно: слез, истерик, упреков, молчания, но только не этого! Только не ее ухода! И поэтому не нашел ничего лучше, чем спросить:

– Почему?

– Видишь ли... Я поняла, что ты не любишь меня и никогда не любил...

– Но... – попытался он ее прервать, но Вика выставила перед собой ладонь, как заслон любимым его словам.

– Мы хорошо жили с тобой, Виталик, и я очень благодарна тебе за это. Но... к той, прежней жизни возврата уже не будет, а лгать, бояться посмотреть друг другу в глаза... Такой жизни я не хочу. Может быть, если мы разъедемся на время, как-то все сгладится...

Она встала и пошла к двери. Больше всего Виталия поразило ее спокойствие, даже безразличие к тому, что она говорила. И слеза не блеснула, и голос не дрогнул... Была ли в этом заслуга антидепрессантов, которые она продолжала принимать, или все дело в ее характере?

– Ты хорошо подумала?

Вика уже взялась за ручку двери, но остановилась и обернулась.

– Вся беда в том, что ты никогда не любил меня так, как ее... Этого не простит ни одна женщина.

Он сам закрыл за ними дверь. Вышел на балкон и смотрел сверху, как они садились в такси, как машина с шашечками пересекла двор и скрылась за углом. Невзрачное серое утро, насыщенное дрожащей дождевой взвесью, плескалось вокруг него. Словно стаи неведомых тропических рыб, колыхались разноцветные кроны деревьев. Возвышались с молчаливой и надменной торжественностью белые громады многоэтажек – как океанские лайнеры, случайно пришвартовавшиеся у причала маленького заштатного порта. И никому в целом мире не было ни малейшего дела до одинокого человека на голой, выжженной солнцем и обдуваемой всеми ветрами скале...

Ахматов вцепился обеими руками в балконные перила, навалился на них грудью... Ему вдруг захотелось закрыть глаза и прыгнуть вниз, в обжигающую холодом пустоту... Желание было таким острым, что лишь инстинкт самосохранения удержал его от этого шага. Отшатнувшись, словно очнувшись, Виталий вышел с балкона и закрыл за собой дверь.

Что происходит? Что, черт возьми, происходит?! Что-о-о-о?! Простое желание попросить прощения у женщины, которую он когда-то обидел, вдруг обернулось крушением всего, что составляло смысл его жизни... Разве он этого хотел?! Разве он мог об этом подумать?! Разве такое может быть?! Или это Юлька так отомстила ему через двадцать лет?

Голова горела: мозг закипал, грозя вот-вот разорвать черепную коробку и выплеснуться наружу...

Эта ведьма, приворожившая его когда-то своей загадочной улыбкой... Он уже почти ненавидел ее! И себя тоже, потому что, вспомнив, уже не мог забыть, вырвать ее из своего сердца, стереть из своей памяти ее образ, погасить сжигающее его изнутри чувство вины перед ней и сыном, которого он никогда не видел. Виталий и представить себе не мог, что такое бывает... Он должен найти Юльку, поговорить с ней, встать на колени – да, да! – и попросить прощения, и, может быть, тогда это наваждение пройдет, перестанет мучить его, и все вернется на круги своя...

Он не пошел на работу в тот день – позвонил и отменил занятия. И на следующий день тоже... К тому моменту, когда появился Вадим, Ахматов пил уже третий день. Такого с ним тоже никогда раньше не бывало. Он пил, спал, бродил по опустевшей квартире, борясь с тоской и головной болью, шел в магазин за водкой и снова пил. Шорохов успел застать его в короткий трезвый, а точнее – полутрезвый промежуток. И вот теперь, сидя на кухне, выслушивал сбивчивый рассказ о событиях последних дней.

– Что ей надо? – спрашивал у него Виталий. – Что? Я не собирался уходить... Говорит: не любишь... А как любить, когда она сама... Она же сама... Сразу же, как узнала... Словно отрезала: или – или... Разве так можно? Так же нельзя! Ну, не по-человечески так... А ты – любишь, если вот так?.. А обо мне она подумала? Как оно мне-то?.. Не-е-е-ет... О себе, любимой... О своем благополучии... Ну и иди ты на хрен со своим благополучием! Оно мне надо?.. Перебьюсь! Вон баб одиноких сколько... Не найду, что ли, с кем утешиться? Да только свистни – прибегут... В очередь выстроятся... Скажи, что я не прав! Не прав?..

– Прав, прав... – успокаивал друга Вадим. – Ты это... Давай, заканчивай уже... Посмотри, на кого похож! Пугало какое-то.

– Закончу! – пьяно соглашался с ним Ахматов. – Это же я так... Лечусь... Нервы, знаешь ли, распались...

– Вот сейчас долечишься – и все! – наставительно, как маленькому и неразумному, внушал ему Шорохов. – Давай, поедem ко мне. Лиза тебя покормит, выспишься, протрезвеешь... А там разберемся...

Все происходящее с другом не укладывалось у Вадима в голове. Такой благополучный, такой правильный Виталий, которого жены всегда ставили в пример своим нерадивым мужьям, вдруг оказался на краю пропасти. Одна-единственная подлость, которую он совершил двадцать лет назад – по глупости, а не потому, что по жизни был сволочью, вдруг обернулась таким чудовищным кошмаром.

– А ты знаешь, в одном она права... – неожиданно вскинулся Виталий.

– Кто?

– Вика... Я никогда не любил ее так, как Юльку. Я вообще никого и никогда так не любил... Может, она была моей... черт его знает... половинкой, что ли?... Судьбой... Богом данной женой... Как это называется? А я – так с ней... Вот и получил теперь по полной... Наши грехи – они, как бумеранг: он обязательно вернется и ударит тебя. Жаль, что я понял это только сейчас... А исправить уже ничего нельзя. Ни-че-го!

* * *

У Вадима Шорохова никогда не было братьев – он вырос с двумя старшими сестрами. Они обзавелись семьями, когда Вадик еще учился в школе, так что взрослеть ему пришлось, по сути, оставшись единственным ребенком в семье. Его баловали и мать, и бабушка, да и отец, вечно занятый, не был с ним особенно строг. Может быть, поэтому Вадик вырос мягким, добросердечным и всегда безотчетно стремился к тому, чтобы его любили и опекали. Он не мог без этого! Наверное, поэтому еще на рабфаке привязался к Виталию, такому спокойному, рассудительному, с твердым, волевым, по мнению Вадима, характером: его воспитанием занимались мужчины. Виталий был надежным другом, всегда готовым прикрыть тылы, а если надо – принять удар на себя.

Со временем оба, конечно, изменились, но осталось главное: они не предавали друзей. И в первую очередь друг друга. Так что история материализации греха, в которую влип сейчас Ахматов, не могла не беспокоить Вадима. Он не мог бросить друга, хотя и не понимал, и не разделял его душевных метаний. И даже посмеивался поначалу. Кто же мог ожидать, что эта «блажь», как иногда про себя называл Вадим желание Виталия найти Юльку, вдруг обернется настоящей драмой и чуть ли не перерастет в трагедию. Ну, а уж нынешнее состояние Ахматова было Шорохову понятно без лишних вопросов: уж он-то знал, как это тяжело, когда тебя бросает самый близкий человек. К тому же, потеряв одно, не факт, что обретишь другое...

Вернувшись домой, он поднялся на лифте на свой седьмой этаж, но ключи достать не успел. Дверь квартиры распахнулась – Лиза ждала его на пороге. Может, увидела в окно, а может, прислушивалась к шуму лифта. Случись такое днем раньше, Вадим непременно съязвил бы по этому поводу или сказал что-нибудь резкое, насмешливо-грубое. Но сегодня почему-то не хотелось. Лиза – румяная пышечка в коротком фланелевом халатике, с распущенными волосами, в тапочках на босу ногу, вдруг показалась ему неожиданно трогательной и беззащитной.

«Какая я свинья! – вдруг покаянно подумал Шорохов. – Не мог позволить ей, сказать, что задерживаюсь. Она тут ждет меня в одиночестве...».

Лиза молча смотрела, как он снимает туфли, вешает в шкаф куртку. В ее молчании не было даже намека на укор, только ожидание: что дальше? А дальше Вадим сделал то, о чем минуту назад даже и не помышлял: он шагнул к жене, обнял ее и, прижавшись к ее теплому мягкому телу, положил голову ей на плечо. Лиза замерла и, кажется, даже перестала дышать.

– Знаешь, Виталька запил.

– Ты был у него? – выдохнула Лиза.

– Да... Яичницу ему пожарил. Представляешь, Вика забрала Наташку и ушла. Совсем. Уехала к матери.

– О-е-е-ей...

Они стояли посреди прихожей, слившись в этом странном, неожиданном объятии, и оба, казалось, не торопились разорвать его. Лиза – потому что проявления подобной нежности со стороны мужа были слишком редкими, а Вадим впервые за много лет вдруг почувствовал себя невероятно счастливым – от того, что у него есть дом, где его ждут, где его любят, прощая ему его гонор, амбиции и прочие мужские слабости.

– Лиза, ты прости меня...

– Господи, за что?!

– Ну... Я бываю груб...

Лиза хотела что-то ответить, но Вадик заторопился, словно боялся, что если не скажет сейчас, не скажет уже никогда.

– Я очень тебя люблю и... очень боюсь потерять...

– Глупый ты! – Лиза засмеялась, отстранилась, погладила мужа по остаткам волос. – Большой, лысый и глупый! Ну, как тебя не любить, Карлсон ты мой?

– Ага, – поддакнул сомлевший от внезапно нахлынувших чувств Вадим, – только пропеллера не хватает.

По утрам Лиза готовила мужу легкий завтрак – он делал вид, что сидит на диете: чашку кофе, обязательно свежемолотого, бутерброд с рыбкой или с сыром, несладкий йогурт и «фруктину», как говорил Вадик. Накрывала на стол и собиралась на работу: ее утренний рацион включал в себя только стакан сока.

На этот раз Лиза изменила уже сложившийся порядок и села за стол. На лице у нее было написано, что она хочет сообщить нечто важное. Она так пристально следила за движением его руки с бутербродом, что Вадик не выдержал и положил его обратно на блюдце.

– У меня что, лицо в зубной пасте? – спокойно осведомился он и сам удивился своему спокойствию. Но после вчерашних признаний и последовавшей за ней бурной ночи строить из себя злобного тирана уже не хотелось.

– Вадик, – почему-то полупшепотом произнесла Лиза, – я, кажется, нашла ее.

– Кого?

– Ну, эту... Вашу Юльку...

Он ожидал чего угодно, но только не такого сообщения. Поперхнулся кофе, закашлялся. Лиза приподнялась и, перегнувшись через стол, постучала кулаком по его спине. И села обратно все с тем же таинственным видом.

– Ты... Ты уверена?

– Конечно, нет! Вы сами даже фамилию не помните! Но зато я нашла список тех, кто проходил подготовку в качестве поваров стройотрядов!

– Неужели сохранились такие сведения? – удивился Вадим.

– Да! И Юлька там только одна!

– Погоди, погоди... – Вадим подозрительно прищурился. – И когда же ты это обнаружила? Сегодня ночью?

– Если честно, то давно, – потупилась Лиза. – Ну, ты пойми... Мне было жалко и Виталика, и Вику... Он бы начал рваться на части! Еще неизвестно, как бы его встретили в той семье... Как я должна была поступить?

– Ты должна была сказать мне! – Вадик сердито припечатал ладонь к столу. – И мы вместе подумали бы, что делать дальше.

– Ну, так я тебе и рассказываю! – невинно распахнула ресницы Лиза.

– Ну, ты и хитрая... – невольно рассмеялся Шорохов. – Хорошо, я предлагаю следующий план действий. Виталику пока – пока! – он многозначительно поднял вверх указательный палец, – ничего не скажем. Ему надо успокоиться, прийти в себя... Я встречу тебя вечером после работы. Возьми адрес, съездим, разведем, что к чему.

Ахматов в тот день проснулся рано. Голова была ясной – накануне, благодаря присутствию Вадима, он выпил немного. Да и спать лег сразу после его ухода. Из распахнутой настежь форточки тянуло холодком. По небу отчаянно мчались серые облака, гонимые ветром. Деревья тянули

им вслед оголенные ветки, словно пытались удержать, остановить этот печальный исход.

«Не заметил, как октябрь наступил...» – подумал Виталий. Он долго плескался под краном, скоблил лицо, избавляясь от трехдневной щетины, старательно намазал щеки кремом, разглядывая себя в зеркале, и хмыкнул напоследок, явно оставшись недовольным увиденным. Вместо завтрака выпил на голодный желудок чашку крепкого кофе, оделся и вышел из дома.

Посреди тротуара стоял старик в синей болоньевой куртке, в спортивной шапке, в простонародье называемой «пидаркой», с кошкой на руках. У кошки, обыкновенной, полосатой, глаза были круглыми и испуганно-бестолковыми. Она вцепилась когтями в куртку старика и оглядывала двор, временами издавая скрипучие звуки, лишь отдаленно напоминая мяуканье.

У старика была унылая физиономия и слезящиеся глаза – может, от ветра, а может, он плакал. Старик вытирал грязным рукавом дряблые щеки. Виталий знал его – он жил с женой в соседнем подъезде, кажется, на втором этаже. А куртка была его собственная – много лет назад Вика вынесла к мусорным бакам целую коробку со старыми, поношенными или просто вышедшими из моды вещами.

– А у меня жена умерла, – сообщил Виталию старик, когда тот поравнялся с ним.

Сообщил буднично, и Ахматов, остановившись из вежливости, даже подумал, что сосед несколько не расстроен этим печальным событием. Но спустя минуту понял, что был не прав.

– Я ее неделю не хоронил, – старик говорил куда-то в пустоту, не глядя на собеседника.

– Почему? – удивился Виталий.

– Жалко было. Думаю: пусть полежит... в последний раз. Больше уж не придется.

Старик замолчал, и Виталий тоже молчал, не зная, что сказать.

– Кошка вот... – старик откашлялся, – ... мяукает, ищет по комнатам...

Ахматов протянул руку, почесал кошке за ухом. Она перевела на него удивленный взгляд и снова что-то проскрипела.

Виталий достал портмоне, вытащил из него сторублевку, протянул старику.

– Не надо! – слабо воспротивился тот.

– Возьми! – настоял Виталий. – Жену помяни. И кошке ... рыбу купи.

Странно, но эта встреча успокоила его. Он, как ребенок, почти обрадовался: уж его-то, во всяком случае, миновала доля старика-соседа. Да, дом пуст, но нет и кошки, которая ищет умершую хозяйку, разрывая сердце безутешными воплями.

Виталий дошел до гаража, с трудом открыл ворота, завел машину и курил на улице, ждал, пока разогреется мотор и в салоне станет теплее. Теперь он знал точно: Юльку он найдет. Должен найти, иначе те жертвы, которые он уже принес, будут бессмысленны. И кто знает, если он сможет хоть как-то искупить ту, самую первую свою вину, может, ему это зачтется.

* * *

Разыскивать Юльку Вадим и Лиза поехали вместе.

Дом был небольшой, трехэтажный, на два подъезда, – наверное, еще тридцатых годов. Таких много сохранилось в старых районах города.

Квартиры в них в свое время давали передовикам производства, так что народ здесь жил, как правило, простой: молодые и образованные разъехались по новостройкам, а в этих домах доживали свой век пенсионеры.

Вадик эту ситуацию «просек» сразу. Он стоял перед железной дверью и с сомнением смотрел на окна третьего этажа, где, судя по адресу, должна была жить Юлька.

– Знаешь, – сказал он Лизе, – вряд ли мы тут ее найдем. Разве что родители живы.

Лиза поднялась на крыльцо по щербатым ступеням – время безжалостно даже к бетону, зачем-то подергала дверь, хотя и так было видно, что она заперта, и повернулась к мужу.

– Ждать будем, пока кто-нибудь появится?

– Подождем, – вздохнув, согласился Вадим и сел на разноцветную скамейку. Лиза примостилась рядом, поджав под скамейку ноги и вцепившись в деревянную планку обеими руками, как будто боялась упасть.

Вадим закурил, покосился на Лизу.

– Не замерзла? Может, в машине посидишь?

– Нет, ничего, – негромко откликнулась она. – Что-то мне не по себе...
Неспокойно как-то...

– Почему? – искренне удивился Вадим. – Наоборот, сейчас все должно решиться: либо она, либо не она.

– Да нет, я не о том...

Лиза замялась, подбирая слова.

– Понимаешь, она нас не ждет. Ей ничего не нужно – ни от Виталика, ни тем более от нас. И мы не знаем, какая она... Добрая, злая... Обиженная на весь мир или...

– Боишься, что пошлет?.. – усмехнулся Вадим.

– Боюсь, – честно призналась Лиза. – Согласись: имеет полное право. И тогда окажется, что все зря.

– Ну, зря или не зря – это не нам с тобой решать. Пускай сами разбираются. А моя совесть будет чиста: я сделал, что мог.

Вадим покрутил головой в поисках урны и лихо забросил окурочек в ведро без дужки, прикрученное проволокой к железной оградке, отделявшей газон от дороги.

К подъезду, ковыляя на распухших коротеньких ножках, подходила необъятных размеров старуха. Она прошла мимо замершей на скамейке парочки, окинув ее тяжелым недоброжелательным взглядом, и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, поднялась на крыльцо. Лиза с Вадимом подхватились и переместились к ступенькам. Старуха открыла ключом железную дверь и, заметив движение у себя за спиной, сурово обернулась.

– Вы к кому?

– Э-э-э, мы к Алексеенцевым. В восемнадцатую... – заторопился с объяснениями Шорохов, справедливо опасаясь, что старуха сейчас протиснет свое огромное расплывшееся тело в темный проем и захлопнет за собой массивную железную дверь. Но она смерила их изучающим взглядом, словно убеждая себя в том, что посетители не похожи на квартирных воров, и, проковыляв в подъезд, оставила дверь распахнутой.

Вадим и Лиза, почти одновременно вздохнув с облегчением, шагнули в полумрак, где пахло сыростью, кошками, рыбой и еще бог знает чем.

– Дверь-то захлопните! – так же сурово скомандовала старуха. Она стояла на площадке первого этажа и уже нажимала кнопку звонка в квартиру налево, перегораживая им путь к лестнице.

Пришлось подождать, пока ей откроют.

В восемнадцатой квартире дверь была обыкновенной, деревянной, окрашенной коричневой краской. Это сразу говорило о невеликом недостатке хозяев. Вадим нажал на кнопку звонка, где-то далеко в комнате запиликало, и спустя минуту послышалось шарканье тапочек.

– Кто?

Голос был женский, но старческий.

– Говори, – Вадим подтолкнул жену к двери.

– Простите, пожалуйста, – голос у Лизы от волнения вздрагивал. – Юля Алексенцева здесь живет?

За дверью не ответили. Вместо этого щелкнул замок, и в образовавшую щель выглянула нестарая еще женщина с усталым лицом.

– Зачем она вам?

Из дверного проема тянуло запахом больничной палаты, и Вадим понял, что они не ошиблись с адресом.

– Понимаете, мы учились вместе в университете... Статью в газете прочитали... Подумали: может, сможем чем-то помочь...

Под внимательным взглядом выпетших серых глаз он чувствовал себя ужасно неловко. словно не помощь пришел предложить, а совсем наоборот...

– Что уж теперь помогать! – как-то обреченно махнула рукой женщина и отступила назад, распахивая перед ними дверь и молча предлагая войти. И то, что она не удивилась ни упоминанию о статье, ни их желанию оказать помощь, окончательно убедило Вадима: они нашли то, что искали.

Дальше прихожей, впрочем, Юлькина мать их не пустила. Да и не имело смысла проходить, поскольку самой Юли дома не было.

– Она теперь только по выходным бывает. Так что если хотите повидаться, в субботу после обеда приезжайте. Или телефон оставьте, она позвонит... Если захочет.

Вот это «если захочет» и не устраивало Вадима.

– А... Ваня? – осторожно поинтересовался он.

– Да я же и говорю, – устало разъясняла ему женщина, – Юля его в интернат устроила, для инвалидов. Там медицинский уход постоянный и питание хорошее. А сама – нянечкой, чтобы при Ване быть. Спасибо, Ульяна Николаевна похлопотала...

– Какая Ульяна Николаевна? – не понял Вадим.

– Да журналистка, которая про Юлечку написала. Она в одно время с вами училась. А когда статья вышла, деньги многие присылали... И продукты, и лекарства... Она все Юле с Ванечкой приносила. И насчет интерната похлопотала... Дай Бог ей здоровья...

Смутные воспоминания колыхнулись где-то в глубине подсознания, но Вадим так и не смог понять их природу. Хотя и пытался, пока Лиза записывала адрес интерната. И когда спускался по лестнице, и когда садился в машину, все думал: откуда ему знакомо это имя – Ульяна? И какое прошлое связывало их? И не мог вспомнить...

– Ну, что, поедем? – уже в машине поинтересовалась Лиза. – Доведем дело до конца? Или Виталику адрес отдадим?

Вадим посмотрел на нее отстраненно, все еще в плену своих так и не оживших воспоминаний. И лишь через минуту сконцентрировался на листке бумаги в ее руке.

– Поедем! Расставим все точки... Если она захочет с ним встретиться, – хорошо. А нет – я сам ему об этом скажу.

Интернат находился в ста километрах от города, в часе езды. Дорога была пустынной, несмотря на рабочий день. Изредка навстречу попадались то легковушки, то огромные многотонные фуры, и тогда сердце у Лизы замирало: она ужасно боялась, когда навстречу двигалась такая громадина. И ничего не могла поделать со своим страхом.

– При лобовом столкновении, – убеждал ее Вадим, – что «КамАЗ», что легковушка – исход один.

Но боялась она все-таки именно этих грузовозов.

Дом для инвалидов уютно расположился в сосновом бору на окраине райцентра. По всей видимости, раньше он находился на некотором расстоянии от жилых кварталов, но со временем пятиэтажки подобрались к ограде, отделявшей обитателей дома от остального мира.

В чистом, просторном холле интерната, заставленном цветами, за столиком, где стоял телефон и лежала амбарная книга для записи посетителей, сидела медсестра – строгого вида дородная женщина неопределенных лет. Она казалась каким-то чужеродным телом в этом наполненном воздухом и солнцем помещении, словно в ней не хватало какого-то тепла, добросердечия, участия... «А может, наоборот, – одернул себя Вадим, – здесь нужна именно строгость. Чтобы не раскисать».

Но медсестра, такая чопорная, на первый взгляд, оказалась удивительно улыбчивой и приветливой. И Шорохов чуть было не извинился за то, что так нехорошо о ней подумал. Юлию Алексенцеву она согласилась вызвать незамедлительно, чем еще больше расположила к себе Вадима.

Лиза ходила по холлу, сжимая руки в нервном ожидании.

– Что-то будет... – сказала она мужу, когда он подошел к ней. – Я чувствую, что-то будет... недоброе. Все слишком гладко...

– Ничего себе – гладко! – Вадим воскликнул удивленно и даже огляделся: не слышал ли кто?

То, что Юля – не та, он понял сразу, как только она в сопровождении медсестры появилась в глубине коридора. Прошло двадцать лет, а человек способен измениться до неузнаваемости и за меньший срок, тем более при такой нелегкой жизни, но это была не она: выше ростом, крупнее и крепче в кости, с круглым лицом – не то, что Юлькины впалые щеки, другие глаза, нос, губы... И она тоже смотрела на Вадима, не узнавая его. А Лиза переводила взгляд с женщины на мужа и по его молчанию, по выражению его лица понимала, что их выстрел, казалось, такой верный, такой удачный, – угодил в «молоко».

– Я слушаю вас... Вы что-то хотели?

– Э-э-э... Простите...

Вадим был настолько растерян, что на несколько мгновений потерял дар речи.

– Кажется, мы ошиблись... Мы искали Юлю... Героиню той статьи...

– Да, это я ... – кивнула Алексенцева. – Это обо мне статья.

– Видите ли... – Вадим беспомощно оглянулся на жену. – Мы приняли вас за другого человека... То есть...

Он покрутил пальцами, словно хотел изобразить какую-то фигуру.

– ... другую за вас... Я знал когда-то Юлю, повариху стройотряда... работали вместе... Решил, что вы – это она...

– Понятно... – краешком губ улыбнулась женщина. – Да уж, Ульяна Николаевна расписала... Ну да, у нее свой опыт...

– Все, – сказал Вадим, когда они уже возвращались обратно, и даже ударил ладонями по рулю. – Все! Финиш! Я же знал... Знал с самого начала, что все это – бред, мираж, обман зрения, болезнь воспаленного мозга! Чувство вины – и не более того! Он просто вбил себе в голову, что это его история... Да сколько было таких чуланов и таких кроватей! Сколько было на целине таких скоротечных романов! И ради этого разрушить свою жизнь?! Гос-споди, и зачем я влез во все это, зачем?! Почему не остановил его, не заставил вымести вон из головы этот мусор из прошлого?!

Шорохов так вцепился в руль, что даже костяшки пальцев побелели от напряжения. Лиза погладила их тихонько, успокаивая его, подождала, пока он выплеснет накопившиеся эмоции, а потом негромко спросила:

– Вадик, а ты не подумал, где же тогда ваша Юлька?

Это было подобно удару под дых. Вадим бросил на нее растерянный взгляд и смешался, не зная, что ответить.

* * *

Когда Вадим рассказал другу о поездке в интернат, Виталий не поверил. Он стоял, как оглушенный, с телефонной трубкой в руке и повторял:

– Этого не может быть! Этого просто не может быть! Вадик... Ты просто жалеешь меня... Юлька не захотела со мной встретиться, а ты щадишь мое самолюбие и говоришь, что это – не она...

– Старик, – Шорохов, понимая состояние Виталия, старался говорить как можно спокойнее. – Старик, зачем мне тебя обманывать? Мне не веришь – у Лизы спроси: она – святой человек, греха на душу не возьмет. Мы же вместе там были.

– Я верю... – голос Виталия упал почти до шепота.

Он был раздавлен, уничтожен. Два месяца... Два месяца его грызла изнутри эта боль – боль, которой кто-то когда-то дал непонятное, необъяснимое и непере译имое название: совесть. Два месяца он думал только о том, как встретится с девочкой из своего прошлого, встанет перед ней на колени и попросит прощения за ту единственную в своей жизни подлость, которую он совершил когда-то и за которую теперь расплачивается ни в чем неповинный мальчик... И что же?! Оказывается, и Вадим, и Вика – они оба правы? И вся эта история – лишь миф, который он сам придумал, взрастив в себе съедающее его чувство вины? И все не так? Не было и нет никакого ребенка... Юлька сделала аборт и давно забыла о мимолетном романе, случившемся на целине с комиссаром стройотряда... Вышла замуж, родила ребенка другому мужчине – и счастлива... Выходит, что так? А он разрушил свою жизнь и жизнь своей семьи... Ради чего?..

Боль, тупая, ноющая, вдруг возникла под левой лопаткой, разлилась по телу, сдавила так, что у Виталия перехватило дыхание. В глазах потемнело, закружилась голова... Положив трубку телефона, он с трудом добрался до кровати и лег – тяжело, со стоном. «Сейчас умру... – подумал Ахматов. – Черт, как глупо – умирать вот так, в одиночестве... Найдут дня через три... И то только потому, что на работу не выйду. Сообщат жене... Как сообщат? Никто же не знает ее нового телефона... Даже Вадик... Вадик... Все возьмет на себя. Морг, гроб, похороны... Придут коллеги с постными лицами, по раз и навсегда заведенному обычаю станут произносить добрые слова: о мертвых либо хорошо, либо ничего... Пить, не чокаясь... Есть с аппетитом... А потом забудут о том, по какому поводу собрались за этим скорбным столом, и будут смеяться, говорить о своих делах, время от времени спохватываясь

и бросая смущенные взгляды на его фотографию с черной лентой. И даже будут мне благодарны за то, что умер и тем самым позволил им встретиться вот в такой неформальной обстановке».

О своих похоронах и поминках он думал спокойно, без лишнего драматизма, даже с какой-то тайной усмешкой. Смерть почему-то не пугала его. Что такое смерть? Он просто закрывает глаза и все. Что такого есть у него в этой жизни, чтобы цепляться за нее? Он не совершил никаких научных открытий, не написал ни одной умной книги, да и глупой, впрочем, тоже... Всю жизнь он только и делал, что проповедовал чужую мудрость. Студенты приходили к нему с пустыми головами и с такими же пустыми уходили. Он не закладывал в них ничего... Ни-че-го! Большинство из них наверняка забыло даже его фамилию, а те немногие, кто еще помнил, скоро тоже забудут.

Был хорошим мужем и отцом? Смешно... В памяти жены и дочери он теперь останется подлецом, который пожертвовал ими ради чужой женщины. Однажды у него появится внук, подрастет и, увидев фотографию незнакомой мужчины в семейном альбоме, спросит: кто это? «Твой дед...» – скупой ответит ему мама, закроет альбом и уберет в дальний ящик.

Юлька... Она ничего не узнает. Она никогда и ничего не узнает о том, как он ... любил ее... И как мучительно хотел найти и попросить прощения...

Если бы Вадим Шорохов был ясновидящим, он бы все бросил и примчался к своему другу. Но – увы! – он не отличался блестящими экстра-сенсорными способностями. И потому просто ужинал на кухне в своей квартире.

Настроение и у Вадима, и у Лизы было подавленным. Лиза бесшумной тенью перемещалась от плиты к столу и обратно, словно боялась произвести неосторожный звук и тем самым нарушить гнетущую тишину. Казалось бы, наоборот, можно было расслабиться и вздохнуть с облегчением: теперь-то уж совершенно ясно, что героиня той самой злополучной статьи не имеет никакого отношения к Виталию Ахматову. В чем Вадик был уверен с самого начала... Но с другой стороны...

– Водка у нас есть?

– В холодильнике...

Лиза достала начатую бутылку. Вадим взял ее в руки, открутил крышечку.

– Будешь со мной?..

– Чуть-чуть...

Лиза поставила на стол две рюмки.

Вадим налил себе полную, ей плеснул половину. Выпил, не дожидаясь, пока Лиза сядет рядом.

– Виталька не успокоится, пока не найдет ее...

Кому он это сказал? Себе? Лизе?

– У него теперь идея фикс... Да и я никак понять не могу... Ты же нашла этот чертов список! Неужели там была только одна Юля?!

В голосе у него звучали и напряжение, и едва сдерживаемое злое отчаяние.

Лиза вздохнула.

– Ну, хочешь, я тебе принесу этот список? Сам убедишься...

– Неси!

Она выскользнула в коридор и через минуту вернулась, держа в руках листок бумаги.

– Вот, посмотри: курсы поваров для стройотрядов. И год ваш – восемьдесят третий...

Вадим пробежал глазами список фамилий. Кроме Алексенцевой, он больше никого не знал. Вроде бы...

– М-м-м-м...

Вадим как-то странно закачался, замычал, словно у него заболели зубы, уронил голову на стол и ударился лбом об этот несчастный листок бумаги. И еще, и еще раз...

– М-м-м-м...

– Вадик, что ты?

Лиза, испугавшись, подскочила к нему.

– Тебе плохо?

– Мне плохо... – простонал Вадим. – Мне плохо, потому что я – идиот! Какой же я идиот!

– Да что случилось-то? – рассердилась Лиза.

– Ульяна Николаевна... Вот заскребло же у меня...

Он даже руку к груди прижал, словно хотел показать, где у него заскребло.

– Ульяна! Конечно же, Ульяна!

– Журналистка? – еще не совсем понимая мужа, уточнила Лиза.

– Вот именно! – указательный палец Вадима уткнулся в строчку на бумаге. Понимаешь? – Ее звали Ульяна Ростова. Уля... Юля... Черт!

– Вадик... – ахнула Лиза. – Алексенцева сказала: у нее свой опыт. Она же реально свою историю описала!

– Теперь ты понимаешь, почему мы не могли ее найти? Потому что она в действительности – Ульяна... А мы искали Юлю! Твою же мать!..

В редакцию газеты Вадим позвонил утром следующего дня. Ему ответил веселый мужской голос и, по всей видимости, прикрыв трубку ладонью, глухо крикнул куда-то в пространство:

– Ростова, брось свои бумажонки! Кремль на проводе...

Вадим слышал отдаленный спор, чей-то смех, треньканье телефона на соседнем столе. И на этом фоне в трубке вдруг неожиданно громко и четко прозвучало:

– Слушаю вас!

Наверное, ему стоило назвать свою невидимую собеседницу официально, по имени-отчеству, но Шорохов вдруг растерялся.

– Алло? Я вас слушаю...

– Юля...

– Кто это?

Голос в трубке напрягся.

– Это ... Вадим. Шорохов...

Теперь пришла ее очередь теряться. Впрочем, надо отдать ей должное – со своим замешательством Уля-Юля справилась быстро.

– Здравствуй, Вадик.

Их встреча состоялась на улице – в сквере, недалеко от редакции. Наверное, столкнулись они случайно на улице, Шорохов никогда бы не узнал в этой невысокой, хорошо одетой, уверенной, явно знающей себе цену женщине девчонку из своей стройотрядовской юности. Куда девались нелепый хвостик, худые коленки и тонкие руки? Лишь глаза остались те же – карие, чуть раскосые, по-прежнему внимательные и печальные.

– Вот ты какая...

Он не знал, чего больше в этой фразе – удивления или восхищения. Но не разочарования – это точно.

– Да и ты изменился... – усмехнулась Ульяна.

– Это точно! – Вадим провел рукой по лысеющей голове и рассмеялся.

– Лысый, толстый, некрасивый...

– Ну, для мужчины красота – не главное. Посидим?..

Она махнула рукой в сторону скамейки.

– А то, знаешь, за день набегалась...

– Конечно! – спохватился он. – А может, в кафе?..

– Нет, Вадик, – Ульяна присела на скамейку, ухватилась пальцами за деревянные планки, чуть наклонилась вперед, посмотрела искоса на Вадима. – У меня мало времени, так что давай ближе к делу. Ты же не просто так меня разыскал?

– Да, конечно. Но... Черт, не знаю, с чего начать...

Уля молча смотрела на него. «Догадывается? – вдруг подумал Шорохов.

– Ну, не может не догадываться! Не дура – это видно по глазам. Да и тогда не была дурой... Ладно, чего ходить вокруг да около...».

– Юля, ты должна встретиться с Виталиком.

– Должна? – она распахнула ресницы и вдруг на какое-то мгновение стала похожа на себя – ту, прежнюю. – Вадик, ты ничего не перепутал? Я никому ничего не должна, а уж ему-то тем более...

– Прости, – смешался он. – Я неправильно выразился. Конечно, не должна... Но... Тут такое дело... В общем... Он прочитал ту статью...

Спроси она – какую, и это было бы фальшью. Но Уля не спросила. Повернулась лицом к Шорохову и в упор, глядя ему прямо в глаза, неожиданно жестко произнесла:

– И что? Совесть замучила? Не поздно?

И снова Вадим растерялся. Почему? Ну, почему он должен выступать в какой-то странной роли посредника, что-то объяснять этой ничего не забывшей и ничего не простившей, судя по интонации, женщине? Надо было позвонить вчера Ахматову, пусть бы разбирался сам! Хотя... Кажется, он уже пробовал разбираться... Первое, что сделал, вернувшись из той памятной командировки, – это позвонил в редакцию, даже не подозревая, что автор статьи, которая отказалась с ним разговаривать, и Юлька – это одно лицо.

– Юля... Прости, Уля... Я ничего не знал. Виталия рассказал мне все только сейчас. Двадцать лет молчал, а тут... – Вадим с досадой хлопнул себя ладонью по коленке. – Не знаю, что сыграло. Возраст, совесть... Не знаю! Да и какая разница? Он был уверен, что ты... Ну, в общем, что никакого ребенка нет... И вдруг узнать такое...

– Какое – такое? Ваня – не его ребенок...

– Да знаю я, знаю! – махнул рукой Вадим. – Мы нашли эту женщину... Ну, Алексенцеву...

– Нашли? Зачем? – удивилась Ульяна.

– Ты не понимаешь... Виталик сошел с ума. Он вбил себе в голову, что непременно должен разыскать тебя, попросить прощения, ну и ... помочь, если нужно. Мы два месяца искали...

– Подожди-подожди, – перебила его Ульяна. – Да с чего он вдруг решил, что эта статья – о нем? С чего?!

– Вот и я его об этом спрашивал. А он говорит, что там... все о вас... Ну, как у вас все было... Чуланчик, кровать эта раздолбанная... половик какой-то...

– Он что, помнит? Он все это помнит?!

В голосе ее звучало даже не удивление. Она была потрясена. Когда-то обиженная, преданная любимым мужчиной, Ульяна много лет была

уверена, что Виталий и думать о ней забыл, что она была лишь одной из многих, небольшим увлечением, о которых забывают, едва расставшись. Поэтому и отказалась разговаривать с Ахматовым, когда два месяца назад он неожиданно позвонил в редакцию. Отказалась, даже не зная, с какой целью он звонит...

– Конечно, помнит! И знаешь... Я почему-то уверен, что Виталик только сейчас понял, что ... Черт, это он должен говорить, не я!

Шорохов вскочил со скамейки, нашарил в кармане куртки пачку сигарет, закурил.

– Уля, пожалуйста, встретиться с ним! Он сейчас в таком состоянии... Он... Ну, как тебе объяснить?... Он – мой друг! Добрый, хороший, порядочный человек... Эта история раздавила его, сломала... Я не знаю, почему так произошло. Бог ли решил его так наказать, или он сам себя наказал... Все, о чем я тебя прошу, – позволь ему позвонить тебе и встретиться с тобой...

– Он... пьет? – Ульяна подняла на Вадима глаза.

– Нет! То есть, да... То есть... он не пьет, но после того, что случилось... У него просто сносит крышу! Жена ушла... Забрала дочь и ушла...

– Да что же случилось-то? – снова удивилась она. – Это просто статья! Ну, немного правды, немного вымысла... Я и не думала... Я хотела помочь Юле Алексенцевой и ее сыну – вот и все!

– А он решил, что ты пишешь о своем сыне... то есть о вашем. И не смог этого вынести... Пожалуйста, поговори с ним.

– Это... просто какой-то бред! – Ульяна, казалось, не могла прийти в себя от услышанного, не могла поверить. – Мне еще и пожалеть его?! С какой стати?!

– Потому что он любит тебя...

Шорохов не ожидал, что произнесет эти слова. Это то, что Виталий должен был сказать сам – при встрече. Но сейчас нужно было убедить Ульяну в необходимости этой встречи.

– Что-о-о?

– Конечно, любит! Просто ему понадобилось двадцать лет, чтобы понять это. И, знаешь, может быть, осознание того, что он по собственной глупости потерял главную и единственную любовь всей своей жизни, его и разрушает сейчас. Я не шучу. И не для красного словца говорю. Впрочем, тебе решать. Если ты не против, я позвоню на днях, может, что надумаешь. Рад был тебя повидать.

Вадим уже повернулся, чтобы уйти, даже сделал несколько шагов, когда Ульяна, пусть немного запоздало, но все же окликнула его.

– Вадик!

Он обернулся.

– Дай мне телефон Виталика, я сама ему позвоню.

* * *

Ахматов ехал на свидание. Он уже и забыл, как это бывает. Если не считать истории с Юлькой, с которой, в общем-то, и не было свиданий, то в последний раз он встречался с девушкой курсе на четвертом. Как полагается – источающий запах самого дорогого, по студенческим меркам, одеколону, который удалось найти у соседей по общежитию, с букетиком цветов в потных от тайных надежд и желаний руках, с билетом в кино на вечерний сеанс...

Сейчас все было не так. Ни душевного трепета, ни плотского вожделения – только странная, холодная окаменелость внутри и ожидание чего-то недоброго.

Юлька позвонила сама. Юлька... Ахматов усмехнулся про себя. Ульяна Николаевна. Она так и представилась: Ульяна Николаевна. В первый момент он даже не понял, кто говорит, и голос, конечно же, не узнал. А потом...

Странное ощущение холода и пустоты. Он не испытал ни радости, ни облегчения от того, что закончилось это двухмесячное безумие. Только осознание того, что Юлька нашлась, и теперь он тоже найдет ответы на все свои вопросы. На все, кроме, пожалуй, одного: а дальше что? Этот вопрос крутился сейчас у него в голове, словно назойливая мелодия, услышанная с утра и прилипшая на весь день, как жвачка к подошве ботинка. Что дальше?

Осень наступала – основательно и бескомпромиссно. Дворники не успевали сметать с мокрых тротуаров бурю листву. Огни фонарей и витрин дрожали в черных лужах, темнота сползала с крыш, словно сказочное чудовище, поглощая город, его улицы и дома со всеми обитателями.

Юлька жила в обыкновенной брежневской пятиэтажке. Старый район, просторные дворы, много зелени, покосившиеся деревянные горки и колченогие качели на засыпанных песком детских площадках. Непременные огромные тополя возле подъездов, с которыми боролись старушки, чьи окна выходили во двор. Ветки периодически обрезали, но за короткое время они снова отрастали и вновь закрывали солнце от теплолюбивых жителей дома.

Ахматов и сам вырос в таком дворе. Как давно это было! В другой жизни... Отец рано умер – Виталий тогда только-только окончил университет. Мать через несколько лет вышла замуж, продала квартиру и вместе с мужем уехала в теплые края, поближе к морю. Раз в год Виталий непременно выбирался к ней – когда один, когда всей семьей. Дом у матери и отчима был большой и гостеприимный, но это был чужой дом. Все в его жизни было чужим. Все однажды пошло не так и не туда. И кого винить, кроме себя?

Когда тебе двадцать, кажется, что все еще впереди, все самое лучшее – и любовь, и друзья, и дело. А потом, спустя четверть века – четверть века, ё-моё! – вдруг оказывается, что лучший друг – родом из прошлого, и лучшая любовь – тоже в прошлом... Все в прошлом...

Виталий долго стоял у железной двери, смотрел на кнопки домофона, словно раздумывал: нажать – не нажать. Сзади кто-то подошел. Виталий глянул искоса: женщина с пакетами в руках.

– Вы заходите? – как-то требовательно спросила она.

Виталий молча посторонился, но когда женщина открыла дверь и вошла, вслед за ней вступил в холодный сумрак подъезда. Дверь громко хлопнула за спиной, словно навсегда отрезав дорогу назад.

Интересно, он узнал бы ее, встретив случайно на улице? Или, чиркнув равнодушным взглядом по лицу, прошел бы мимо со смутным ощущением, что когда-то видел этого человека? Хотя, конечно, сказать, что Юлька изменилась до неузнаваемости, нельзя. Повзрослела, возмужала, если, конечно, такое определение применимо к женщине. Приобрела некую основательность – наверное, так будет точнее. И не улыбалась. По крайней мере, сейчас, когда Виталий стоял на пороге ее квартиры.

Он не знал, с чего начать. Тупо поздороваться? Сказать, что рад встрече? Черт! Не догадался даже взять торт к чаю или хотя бы коробку конфет. И цветы...

– Ну, что же ты стоишь? Проходи.

Ульяна посторонилась, уступая ему дорогу.

– Извини... Я как-то не подумал... С пустыми руками...

– Значит, не ходок, – усмехнулась она.

И Виталия словно током ударило. Вот она... Вот она – ее улыбка! Та самая, воспоминание о которой не давало ему спать по ночам.

– Юлька...

Ахматов неуверенно поднял руки, приобнял ее, осторожно, как будто опасался, что оттолкнет. Но Ульяна не оттолкнула, и тогда Виталий прижал женщину к себе и выдохнул облегченно:

– Юлька!

Она замерла на несколько секунд в его объятиях, потом вежливо высвободилась.

– Проходи в комнату.

Обстановка в квартире была скромной и даже несовременной. То ли от того, что достаток был невелик, то ли от того, что новомодным веяниям здесь предпочитали старину и традиции. Основательная, когда-то дорогая, выстраданная в очередях немецкая стенка с чешским хрусталем за мерцающим темным стеклом. Знаменитый сервиз «Мадонна» – Ахматов представлял себе, каких усилий и денег стоило в свое время его приобретение. Диван, покрытый шерстяным пледом, два кресла по бокам.

Но главным в этом доме были, конечно, фотографии на стенах. Много фотографий. Уля – маленькая, с белыми бантами и огромными – в поллица – глазищами: должно быть первоклассница. Ульяна с аттестатом – выпускница. Ульяна с родителями. Ульяна с маленьким и таким же глазастым, как она сама, ребенком на руках. Пухлощекий мальчик лет пяти-шести со смешной челкой. Подросток, выпускник, взрослый парень в тенниске – улыбочивый, с открытым взглядом... Удивительно похожий на своего отца...

У Ахматова перехватило дыхание. Он даже испугался, что сейчас не выдержит и расплачется. Он так много думал о своем сыне, он пытался представить его себе – сначала таким, каким Юлька описала в своей статье несчастного мальчика Ваню, потом, узнав правду, – обычным, здоровым и крепким парнем... И не мог. Не получалось. И теперь смотрел, не отрываясь, в незнакомое лицо – и узнавал: нос, разрез глаз, скулы... Только улыбка – мамина. Или ему это только кажется?

– Это... мой сын?

У него и голос дрожал, и губы, и внутри все тряслось, как будто пришел с улицы, где минус тридцать, и никак не мог согреться. И думал только об одном: не разрыдаться...

– Это мой сын! – неожиданно жестко ответила Ульяна.

– Юля...

Он повернулся к ней, хотел что-то сказать, но она пресекла его робкую попытку.

– Это даже не обсуждается!

Тон был таким категоричным, что Виталий растерялся. Где она, та уступчивая, покорная, безропотная Юлька? Научилась говорить «нет»? Научилась не только защищаться, но и наносить удар первой? Хотя... Чему удивляться? – столько лет прошло и каких! Поднимать одного сына – это хорошая школа.

– Прости меня... Прости! Я так виноват – перед тобой и перед ним...

– Покаяться захотелось? – усмехнулась Ульяна. – Так это ни к чему. Не в чем каяться. Нет твоей вины, так что не выдумывай! Ну, случилось... Думаешь, я не понимала, что такое может случиться? И что? Не мы – первые,

не мы – последние. Я сама решила рожать – для себя. Ты здесь совершенно ни при чем.

– Сама, сама! – неожиданно разозлился Ахматов. – Ну, и кому ты сделала лучше? Себе? Мне? Ему? Почему ты мне ничего не сказала?! Все, все могло бы быть по-другому!

– А ты этого хотел?

Это Виталий завелся – нервы уже не выдерживали, а Ульяна оставалась на удивление спокойной. Или она основательно приготовилась к этой встрече, или ей действительно было все равно. А он, дурак, мучился...

– Я не знаю... Не знаю! Ты же не дала мне возможности получить этот опыт! Нельзя же человека, который никогда не пробовал мороженого, упрекать в том, что он не знает его вкуса!

– Человек, который хочет попробовать, – пробует. Разве ты попытался хотя бы найти меня? Спросить, как я себя чувствую? Как живу...

– Я же был уверен, что ты сделала аборт... – возмущенно взмахнул руками Виталий. – Что никакого ребенка нет! Если бы я только знал... Я никогда бы не оставил тебя!

– Это бессмысленный разговор, – поморщилась Ульяна. – Что теперь об этом говорить? Какой смысл? Да, наверное, мы оба были не правы. Если бы ты остановил меня тогда... А я была уверена, что... что не нужна тебе... Что ты меня просто не любишь! А зачем тогда навязывать тебе себя и своего ребенка?

– Я боялся... Я просто боялся...

– Чего? Ответственности?

– Тебя...

– Что-о-о? – такого ответа она точно не ожидала.

– Я так влюбился, что ... испугался. Я никогда и ни к кому не чувствовал того, что чувствовал к тебе... И просто оказался не готов отдать всего себя... Струсил... Понимаешь? Вот за это – прости!

– Странный ты... – задумчиво произнесла Ульяна. – Странный. Не могу тебя понять.

– Да я и сам не понимаю...

– А что произошло сейчас? Зачем сейчас ты затеял эту историю с поисками? Для чего? Себя измучил, семью потерял...

– Перевернулось все – вот здесь, – Ахматов постучал пальцем по своей груди. – Я понял, как ошибался. Понял, что ты – моя главная находка в этой жизни и ... моя главная потеря... Двадцать лет понадобилось, чтобы это понять. Если бы можно было хоть что-то исправить...

– Ничего... – Ульяна покачала головой. – Ни-че-го! Но если для тебя это важно... Я не держу на тебя зла. Да, сначала было тяжело. Плакала, ненавидеть тебя пыталась. Родители были в шоке: единственная дочь – мать-одиночка... Потом примирились. Сказали: рожай, вырастим. А потом... Потом я поняла, что благодарить тебя должна – за ту радость, которую ты мне подарил. И еще... Мне повезло больше, чем тебе. Понимаешь? И, может быть, в этом и состоит мое счастье. А счастье – оно может быть только одно, двух – не бывает.

И улыбнулась – загадочной улыбкой Джоконды.

Уже в прихожей, открывая дверь, Ахматов вдруг вспомнил, что не спросил, как зовут его сына. Два месяца, думая о нем, он называл его Ваней, Иваном и так сроднился с этим именем, что другого и представить себе не мог. Получается, что и это иллюзия.

– Могу я спросить... – обернулся он к Ульяне. – Как его зовут?

– А разве ты не понял? – удивленно вздернула она брови.

– Виталий? – Ахматов спросил неуверенно, почему-то надеясь, что Ульяна ответит «нет», и при этом уже понимая, что услышит «да».

– Какая теперь разница? – вздохнула она. – Прощай, комиссар! Прощай...

Она слышала, как внизу хлопнула входная дверь. Видела, как Ахматов вышел из подъезда и медленно, словно раздумывал – идти или вернуться, двинулся по тротуару к припаркованной машине. Ждала, что автомобиль вот-вот тронется с места, и тогда в их истории окончательно будет поставлена точка. Стояла и смотрела в окно, но ничего не происходило. «Хочет вернуться... – подумала она. – И не может решиться. Как не смог решиться тогда... Ну и черт с ним!».

Может быть, сказав «прощай», Ульяна все-таки ждала – подсознательно, сама не понимая, хочет ли этого, что он останется... вернется... позвонит в дверь. Женщины – странные существа. Они порой так необъяснимо противоречивы в своих желаниях. Сказать бескомпромиссное «нет», а потом затаить обиду за то, что это «нет» именно так и воспринято... Это так по-женски!

После встречи с Вадимом она несколько дней думала над тем, стоит ли звонить Виталию. Зачем? Для чего? К чему ворошить прошлое? Если бы это касалось только ее... Но Виталий наверняка захочет познакомиться с сыном. Нужно ли это мальчику? Зачем? Ульяна пыталась представить себе сцену знакомства: вот они сидят за столом, ужинают. Звонок в дверь – и с букетом в руках появляется Ахматов. «Здравствуй, сын!» – говорит он...

Или нет, не так. Вот она входит в комнату сына и, краснея и мучаясь от стыда, открывает ему тайну его рождения и предлагает познакомиться с вновь обретенным отцом. Представила себе его взгляд... Нет, нет! У нее не хватит сил! Если сын спросит, может, тогда она и решится рассказать ему все. Но не сейчас. Зачем же тогда она все-таки позвонила Виталию? Просто женское любопытство? Желание увидеть человека, которого любила когда-то?.. Или обычная бабская жалость? Она и сама не могла найти ответы на эти вопросы. Просто взяла и позвонила. А сейчас, после его ухода, повторяла мысленно все, что было сказано ими друг другу в эту короткую встречу. Искала хоть какую-то зацепку, чтобы позволить себе снова позвонить? Или – чтобы теперь уже навсегда вычеркнуть Виталия из своей жизни...

Ульяна решила было заняться важными и, как ей казалось в тот момент, неотложными делами, от которых оторвал приход гостя, но спустя некоторое время странная тревога заставила ее вновь подойти к окну. Машина стояла на том же самом месте. Какие-то люди толпились вокруг, заглядывали внутрь и пытались открыть дверь. Из-за угла, со стороны улицы, во двор заворачивала «Скорая помощь». Потом приехали милиция и даже МЧС. Машину вскрыли, засверкала вспышка фотоаппарата, санитары достали из салона безжизненное тело, положили на носилки и, закрыв лицо простыней, погрузили в «скорую»... Потом все разъехались, разошлись зеваки, и только в доме напротив, в черном окне третьего этажа все стояла женщина и сквозь слезы, думая о чем-то своем, смотрела вниз, где осталась стоять осиротевшая машина. Хорошо, что не кошка, которая кричит от горя и зовет своего хозяина.

ПОЭЗИЯ

Сергей ДЮКАЛОВ

* * *

Негодую с Астафьевым	Затуманены завистью,
И тоскую с Есениным.	Поклоняемся доллару –
Видно, бесом поставлена	Словно гордости завязи
Пьеса нового времени.	С яблонь памяти сорваны.
Мы такие негодные –	Спрячу сердце за ставнями
Честь и совесть пропившие,	Я прошедшего времени.
Соловьиною родину	Понимаю Астафьева,
Ни за грош погубившие.	Понимаю Есенина.

* * *

Не прячьтесь в раковинах скуки,
За одиночества дверьми –
Я к вам протягиваю руки
Из беспшашной кутерьмы.

О стекла окон будут биться,
Как птицы, все слова мои –
Но не дано им возвратиться
В былые дни, в былые дни.

Хочу, хочу я достучаться
До ваших замкнутых сердец.
На звонкой радуге домчаться
До ваших сумрачных небес.

Не прячьтесь в раковинах скуки,
За равнодушия стеной.
Пусть солнце рвется
Прямо в руки,
Ласкает ветер озорной!

* * *

Нас губят губы.	Сотый поцелуй
Ранний поцелуй	Застенчивой ромашкой
Не даст раскрыться	Был украшен,
Ландышу восторга.	А не слетал измятым лепестком.
И мы с тобою, девочка,	И потому тебя
Продрогнем,	Не тороплю,
Сердцами оказавшись	Не захожу в открытую калитку.
Не у дел,	Тебя глазами
Нас отдаляет притяженье тел.	Я давно люблю,
К романтике	А вот сердца мы
Меня ты не ревнуй –	Еще не слиты.
Порою ожидание нам слаще.	Давай с тобой немного
Хочу, чтоб даже	Подождем.

* * *

Я, словно дерево, расту
И разговариваю с Богом.
Я к небу голову тяну,
На землю твердо ставлю ноги.

Я небу отдан всей душой,
Земле родной я отдан телом.
И право жизни неземной
Земным доказываю делом.

И сколько б ни летал в мечтах,
Одно я вечно буду помнить –
Моя вершина в небесах,
Но без земли погибнут корни.

* * *

Я тебя еще так не любил –	Что бесхитростна и добра,
Без оглядки, упрямо, зло.	Как черемуха на ветру.
И не верил,	Не припомню такой тоски
Как в эти дни,	Я по верности и теплу.
Что чертовски мне повезло.	Как бы ни было – подожди
И такую тебя не знал –	Оставляй меня на беду.
Утомившейся от разлук.	Я другую не жду любовь,
И родною тебя не звал	Я чужие не жду глаза.
В суматохе горячих рук.	Пересилим любую боль –
Молодая моя судьба,	Нам друг друга
Не за то ли тебя люблю,	Терять нельзя.

Земные звезды

Луна – сосна, что спилена под корень,
А звезды – это гвоздики ромашек.
Ночное небо – зеркало земное.
Земля – дочь неба в трепетной рубашке.

Взметнется радость солнышком в березах,
Но туча скроет краповым беретом.
Грустить об этом просто несерьезно –
Не вечны тучи, как и все на свете.

Потом лошадкой в яблоках промчится –
И яблоч золотых услышу россыпь.
Пусть пожелтели дней моих страницы –
Благословляю терпкой жизни осень.

Открою дом удачам и печалям,
Осколкам тишины в родных березах,
Любви восторгам в травах запоздалых –
Они друзья мои – земные звезды.

* * *

Ночь надела, взгляни,
Ожерелье из звезд.
Мы с тобою молчим
В перезвоне берез.

Нет богаче тебя,
Для тебя все вокруг –
И снега, и поля,
Нежность глаз,
Трепет губ.

Ожерелье из звезд
Я тебе подарю.
Нет богаче меня –
Потому что люблю.

Недотрога

Засиделась ты в девках, верно,
Раз никто тебя не берет.
Твои губы – желанный берег,
Но у берега – острый лед.

А в глазах твоих пчелы роем,
Потому что в тебе – цветы.
Дышит свежестью меда поле
В заповеднике красоты.

Ежедневною будь, как утро.
Ежедневною будь, как хлеб.
Неотступной и недоступной –
В этом женских побед секрет.

В одиночестве ты сильнее,
Коль не суженый – пусть уйдет.
Обжигает года и нервы
Поцелуев фальшивых лед.

Жить на свете нельзя без веры.
В бездорожье она – маяк.
И я верю – сойдет на берег
Твой желанный лихой моряк.

И покатится по ладони
Твое сердце, как колобок...
И поймешь – счастьем тот наполнен,
Кто другому его дает.

* * *

Открываю окно, чтоб увидеться с небом, –
Я к его чистоте осторожно прильну.
Поделюсь щедрым солнцем, как делятся хлебом, –
Потому что иначе я жить не могу.

Пью я небо мое – и не в силах напиться,
Словно долго в плену был у серой тоски, –
Где не знал я живой родниковой водицы,
Лишь жевал горьких слов и обид сухари.

Поднимите глаза – на ладошку вниманье.
Приоткройте сердца – на краюшку добра.
Словно боги, должны мы творить пониманье, –
Потому что для нас это хлеб и вода.

Ленинград

Это горькое слово «блокада».
Это теплое слово «хлеб».
Мне казалось, что так и надо,
И важнее слов просто нет.

Как тогда не хватало хлеба –
На вес золота хлеб любой.
Да горячей ладошки неба
Мрачной яростною зимой.

Перечеркнута ночь лучами –
Разве есть на войне покой?
Окна словно кричат крестами,
Ожидая сирены вой.

Но в оковах тоски без света
Больше света ценилась жизнь –
Вновь рождались в кошмаре дети,
И симфонии рвались ввысь.

Вспоминаю остов трамвая –
Обгоревший железный труп.
Варит мама, еще живая,
Из столярного клея суп.

И в истории нашей рядом
На изломах побед и бед
Черной смертью – петля блокады,
Белым храмом – заветный хлеб.

* * *

Я пью парное молоко,
Ем неизменную картошку.
Смотрю в открытое окно –
День новый
Ждет меня с лукошком.

В лукошке этом, видит Бог,
Полно находок и открытий.
Спешу, спешу я за порог,
Рассветом солнечным умытый.

А новый день стоит босой,
В льняной расстегнутой рубашке.
С непотревоженной росой
И тишиною нараспашку.

Пропахнет скошенной травой,
Окрасит губы земляникой.
И в сказку дивную с собой
Возьмет улыбкой позабытой.

Куда, куда же все ушло,
Как будто было понарошку –
И то парное молоко,
И та чудесная картошка.

Живет великое в простом
Волшебной завязью мгновений.
И в этом – красоты закон
И бытия смысл сокровенный.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЕВА

ТЮМЕНЬ ЗАПОВЕДНАЯ

430-летию Тюмени посвящается

Александр Иванович Мурычев создал удивительно точный по своей образно-поэтической характеристике, выразительный и запоминающийся «портрет» Тюмени. Самобытностью творчества он во многом обязан своим истокам, своим духовным корням.

Родился будущий художник в крестьянской старообрядческой семье, строго соблюдавшей бытовые обычаи и особенности традиционного уклада жизни. Детские годы прошли в старинном сибирском селе Онуфриево – самом богатом и красивом в Приисетье. В его памяти навсегда остались белокаменная Покровская церковь XVIII века, добротные крепкие дома, многие из которых были построены и украшены кружевными подзорами и наличниками руками отца – искусного плотника и резчика по дереву.

Оказавшись впервые в Тюмени в 1930 году и связав свою дальнейшую судьбу с этим городом, Мурычев сумел сохранить в образе жизни, мировосприятии, характере черты человека, выросшего на селе, в гармонии с самим собой и окружающим миром природы. На протяжении почти четырех десятилетий художник вел неторопливый, негромкий, доверительный и очень личностный «диалог» с городом. С пристальным вниманием он всматривался в особенности «лика» небольших купеческих улочек и кварталов старого города, любовался строгой, торжественной, иногда суровой красотой и своеобразным характером сибирских построек с их основательностью, значительностью, стремился к точной передаче топографически-архитектурных реалий прошлого. Предметом его особого изучения становятся произведения безвестных народных мастеров и ремесленников, ценность которых он мог оценить по достоинству с детства.

С любовью и тщательностью он зарисовывает в альбом затейливый узор старинной решетки и ажурный рисунок дымника, сибирские ворота и наличники окон, украшенные объемной, сочной резьбой. Почти под каждым рисунком Мурычев дает подробную надпись с точным указанием названия улицы, номера дома. Например: «Тюмень. Старые ворота. Улица Луговая» (1983), «Тюмень. Пристанский переулок, 11». Этот небольшой историко-этнографический материал помог Мурычеву позднее, уже в 80-е годы, в создании графических листов из истории Тюмени. «Крепость в XVII веке» и «Строят крепость» (обе – 1986) – это крупноформатные композиции, выполненные в смешанной технике с применением гуаши, акварели, темперы.

В процессе работы над сюжетом будущих произведений художник изучал архивные материалы и первые сохранившиеся планы города, вчитывался в описания старой Тюмени, изучал в музеях типы оружия и покрой одежды того времени, будь то форма женского сарафана или боярского кафтана, копировал иконы XVII века. Заботясь о верности деталей и обстановки, он более всего стремился к созданию поэтической картины прошлого Тюмени.

«Говорят: что ни город, то норы, – писал в одной из публикаций Мурычев. – Есть свое лицо и у Тюмени». Художник очень тонко чувствовал

особый характер, атмосферу, колорит города. Композиции его пейзажей построены столь просто, естественно, что кажутся как бы целиком списанными с натуры. Между тем их созданию предшествовал поиск выразительного и неожиданного мотива, вживание в него, наблюдение при разном состоянии освещения. Художник искал композиционное и цветовое решение, уточнял рисунок, писал этюды, делал многочисленные наброски и эскизные разработки. Несмотря на наличие панорамных, видовых пейзажей, например, «Заречье», «Вид на Троицкий монастырь и Коммерческое училище. Сумерки», чаще всего художник стремился к фрагментарности изображения, восприятию города как бы в упор, приближенно к зрителю.

Вход в плоскость картины во многих его пейзажах, к примеру, «Дворик в Тюмени», «Тюменская улица», «Старый город», начинается в правой нижней части – диагональ дороги, переданная широким гибким обобщенным мазком, уводит взгляд зрителя в глубь холста, усиливая иллюзию пространства. Однако на заднем, третьем плане оно замыкается либо плоскостью стены церкви, либо фрагментами домов в обрамлении пышных крон деревьев и вверху – полоской облачного неба. Часто свои пейзажи художник оживлял фигурками людей. Это придает им особую, уютную обжитость, лиричность, камерность.

В создании эмоционального настроения картины большая роль отводится цветовому решению. Колорит большинства из них сдержан, монохромен, построен на оттенках охристо-коричневых, зеленовато-умбристых, серых и голубых. Во многом это связано с тем, что Мурычев любил изображать улочки и кварталы старого города в предвечернем состоянии, в сумерки, в пасмурную, облачную серо-мглистую погоду, когда силуэты деревьев и домов слегка размыты, окутаны воздухом, все приобретает особую таинственность и поэтичность. Огромное значение художник придавал также фактуре живописи, динамике самого мазка – свободного, пластичного, разнообразного. Мягкий рассеянный свет – одно из выразительных средств, к которому художник часто прибегал для раскрытия характера города; он во многом также становится камертоном передачи настроения самого автора. Александр Мурычев – подлинный поэт и летописец Тюмени и ее живописных окрестностей. Художник, как никто другой, сумел понять характер, душу, тайну старого города. Пожалуй, именно А.И. Мурычеву удалось создать столь полную, значительную и разнообразную иконографию Тюмени. На протяжении четырех десятилетий художник работал над созданием графических серий «Старая и новая Тюмень». В настоящее время эти работы представляют не только художественную, но и историческую ценность. Они являются своеобразным документом эпохи. По ним можно проследить, как менялся характер и облик города.

Мурычев Александр Иванович. 1918, д. Онуфриево, Исетский район, Тюменская область – 1986, Тюмень.

График, живописец. Автор пейзажей, натюрмортов, тематических композиций. Работал в технике акварели, линогравюры, ксилографии. Продолжал традиции местной художественной школы. Занимался в Тюменской изостудии при Доме пионеров (1938-1941) у А.П. Митинского, В.Ф. Дубицкого и в студии «Всекохудожник» в Москве (1946) у Б.В. Иогансона. Участник Великой Отечественной войны. Награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Член Союза художников с 1961

года. Участник городских, областных, зональных, республиканских, всесоюзных выставок. Персональные выставки: 1988 (Тюмень, ТКГ), Тобольск (ТГИАМЗ), 2008 (Тюмень, ТМИИ). Произведения находятся в ТМИИ, ТГИАМЗ, в частных российских коллекциях.

«Тюмень – город моей юности. Здесь в 30-е годы начинал свою трудовую биографию токарем. Отсюда ушел на фронт, сюда вернулся после демобилизации.

Все в моей жизни – и радостное, и печальное – связано с Тюменью. Я люблю ее и не понимаю тех людей, которые отзываются о ней пренебрежительно, хулят. Это равносильно неуважению к самому себе. Конечно, не все у нас идеально, не все так, как хотелось бы. Но посмотрите: город изменяется прямо на наших глазах.

Тюмень имеет почти 400-летнюю историю, и эта история оставила нам свои следы. В городе много интересных деревянных особняков, украшенных богатой резьбой, делали которую местные мастера. Много прекрасных памятников архитектуры в кирпичном исполнении. Все это представляет большую историческую ценность. И очень важно сейчас, в связи с большим строительством, не уничтожить дошедшие до нас уникальные памятники деревянного и каменного зодчества. Разумная организация строительства, сохранение уголков старой Тюмени помогут создать первому городу Сибири свой неповторимый облик.

Будущее города – это и наше будущее, и создавать его нам, тюменцам. И не сетовать, не судачить надо, а каждому внести посильный практический вклад в это дело. Сегодня, проходя мимо красивой ажурной решетки, резных наличников, дымника на крыше, редкий прохожий не остановится. Так пусть эту красоту увидят и наши внуки, и дети наших внуков.

И еще одно. Художником я стал в Тюмени. Город для меня – постоянный источник творчества. Особенно те его части, где сохранились старинные дома. Наиболее интересные достопримечательности».

А.И. Мурычев. «Сохранить для потомков».
«Тюменская правда», 1983, № 163.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Майя СМИРНОВА, Марина КОМГОРТ

1963-1964 гг.: два партийных штаба, или Тюменский вариант «двоевластия»

Десятилетнее правление Н.С. Хрущева запомнилось современникам как период постоянного, при этом не всегда продуманного и просчитанного по последствиям, реформирования. По мнению первого секретаря ЦК КПСС, проблемы, которые возникали перед страной, и очередные задачи, определенные партией как на ближайшую перспективу (пятилетку), так и на более отдаленную (создание материально-технической базы коммунизма), следовало решать с помощью, главным образом, организационных мер.

Проведение очередной реорганизации было определено в 1962 г. на ноябрьском пленуме ЦК КПСС после обсуждения доклада Н.С. Хрущева «Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством». Основной смысл решений пленума состоял в том, чтобы сконцентрировать, сосредоточить внимание и усилия партии, всех ее органов на увеличении производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. С этой целью партийные органы необходимо было разделить по производственному принципу на промышленные и сельские. Хрущев утверждал, что «объединение коммунистов по месту их хозяйственной деятельности обеспечит партийным организациям возможность сосредоточить основное внимание на решении хозяйственных задач, подчиняя все другие виды работы – организационной, идеологической и воспитательной – решению главной задачи».

Подобные изменения относились также к Советам, комсомолу, профсоюзам, милиции. Есть свидетельства, что инициатор реформы планировал «специализировать» и Комитет государственной безопасности. И только напоминание его руководителя В.Е. Семичастного о необходимости в таком случае резкого увеличения офицерского и генеральского состава КГБ, что явно не устраивало Хрущева, и невозможность «разделить шпионов на сельских и городских», помогло изменить намерение первого секретаря.

Необходимость «повернуть» руководителей лицом к решению экономических задач и прийти, таким образом, к более эффективному управлению промышленностью и сельским хозяйством была обусловлена серьезными проблемами в экономике, особенно в аграрном секторе. О напряженном положении в сельском хозяйстве можно было судить о значительном (на 25-30%) повышении цен на продовольственные продукты, что привело к трагическим событиям в Новочеркасске в 1962 г., и впервые произведенных СССР в 1963 г. массовых закупках зерна за границей, которые Хрущев назвал «позором» советской власти.

Несмотря на единогласное одобрение решений пленума его участниками, в кулуарах многие из них выражали недоумение и открытое неприятие. А у беспартийных появился вопрос: не две ли партии создаются в стране? Партийные руководители хорошо понимали, что не только утратят значительную часть властных функций, но отныне их деятельность

будет сведена к контролю одной лишь экономической жизни. Изменялось и содержание работы: вместо идеологических вопросов, в которых партийные секретари были специалистами, им следовало заниматься куда более сложными экономическими материями.

Считается, что очередной эксперимент Хрущева не добавил ему новых союзников, а, напротив, увеличил число противников среди влиятельных секретарей обкомов, составлявших большинство присутствующих на заседаниях пленумов ЦК. Доказательством скрытого «саботажа» Секретариата ЦК проведению реформы в жизнь является тот факт, что в трети регионов страны партийное разделение так и не было завершено до отставки Хрущева в 1964 г.

Тюменская область к их числу не принадлежала. В декабре 1962 г. V пленум Тюменского обкома КПСС одобрил решение ноябрьского пленума ЦК КПСС и признал необходимым создать из областной партийной организации две самостоятельные структуры. На учете в промышленном обкоме КПСС должны были находиться коммунисты, работавшие в промышленности, строительстве, на транспорте, в учебных заведениях и научно-исследовательских институтах, конструкторских организациях и учреждениях, обслуживающих промышленное производство и строительство. Сельская областная партийная организация, в свою очередь, объединила коммунистов, трудившихся в колхозах, совхозах, опытных организациях и сельскохозяйственных учебных заведениях, на предприятиях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье и других организациях и учреждениях, связанных с сельскохозяйственным производством.

Для практического исполнения решений было создано организационное бюро Тюменского обкома КПСС под председательством А.К. Протозанова, второго секретаря обкома партии, определены сроки проведения областных партийных конференций по избранию руководящих партийных органов.

10-11 января 1963 г. состоялась конференция Тюменской областной сельской партийной организации. Перед делегатами от сельских партийных организаций с докладом выступил первый секретарь обкома КПСС Б.Е. Щербина, на организационном пленуме он же был избран первым секретарем Тюменского сельского обкома партии. Докладчик одобрил построение партийных организаций по производственному принципу, который полностью отвечал сложившимся в стране новым условиям и являлся единственно правильным в период, когда надо в исторически кратчайшие сроки решать гигантские задачи коммунистического строительства. В связи с решениями пленума были ликвидированы районы, созданы десять производственных управлений (самое крупное – Ялуторовское), упразднены райкомы, созданы парткомы производственных колхозно-совхозных управлений, а также органы партийно-государственного контроля.

На пленуме было избрано бюро сельского обкома КПСС.

14 января 1963 г. на I конференции Тюменской промышленной областной партийной организации были избраны члены и кандидаты в члены промышленного обкома КПСС. В тот же день I организационным пленумом промышленного обкома А.К. Протозанов был избран первым секретарем промышленного обкома партии. В сфере руководства промышленного обкома и соответствующего облисполкома находились 195 предприятий, обеспечивающих 79% валовой продукции области, на

которых было занято 90% всех работающих. Сельский обком и облисполком, в свою очередь, должны были контролировать деятельность 100 предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции (молочные и маслодельные заводы, льнозаводы и др.).

Следует заметить, что по ранжированию должностей секретарей промышленного и сельского обкомов в преимущественно аграрной области должность секретаря, отвечающего за сельское хозяйство, являлась все-таки более «весомой». Об этом свидетельствует и факт избрания руководителем сельского обкома бывшего первого секретаря областного комитета партии, а промышленного – второго секретаря обкома. Следует иметь в виду, что если в ходе кадровой рокировки Б.Е. Щербина утратил часть прежних властных полномочий, то А.К. Протозанов, напротив, приобрел известную долю самостоятельности.

С 1961 г., когда судьба свела этих людей с ярко выраженными лидерскими качествами в штабе тюменских коммунистов и до вынужденного обстоятельства отъезда Протозанова из Тюмени в 1969 г., их соперничество ретушировала партийная дисциплина. «Первый» (Щербина) и «второй» (Протозанов) секретари Тюменского обкома партии хорошо понимали необходимость соблюдения субординации. Однако в результате очередного хрущевского эксперимента они оба, правда, на короткое время, оказались «первыми». А для аграрной Тюменской области этот период – 1963-1964 гг. – стал судьбоносным, окончательно определившим ее будущий нефтегазовый профиль.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 5 марта 1963 г. «О местных газетах и местном радиовещании», с 10 марта 1963 г. областная газета «Тюменская правда» стала выходить со сменными полосами, освещающими работу промышленной или сельской партийных организаций. При этом газета являлась единым органом сельского и промышленного комитетов, но ее редактор Д.Ф. Иванов был членом бюро сельского обкома партии.

Знакомство с документами сельского обкома партии убеждает, что в эти два года его руководство действительно искало новые формы работы, обращая особое внимание на взаимодействие с учеными, инициативными руководителями-практиками, специалистами сельского хозяйства. Подтверждением этому служит состоявшийся в июле 1963 г. пленум отделения экономики сельского хозяйства ВАСХНИЛ по проблемам повышения производительности труда и снижения себестоимости сельскохозяйственных продуктов, в котором приняло участие около 800 человек. Академик, секретарь отделения Г.М. Лоза в своем выступлении подчеркнул, что обсуждение вопросов вышло далеко за пределы области. По его мнению, различные условия сельскохозяйственного производства на огромной территории Тюменской области представляли несомненный интерес и для соседних регионов.

На бюро обкома партии были одобрены принятые пленумом ВАСХНИЛ рекомендации по специализации сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов Тюменской области, по снижению затрат труда и средств на единицу продукции колхозно-совхозного производства, по внедрению хозрасчета в колхозах и совхозах, по нормированию, организации и оплате труда.

Жизнь на селе, независимо от организационных проблем, продолжалась: сеяли, убирали урожай, доили коров, старались накормить и горожан, и себя. В Государственном архиве социально-политической

истории Тюменской области хранятся материалы экономической конференции работников сельского хозяйства, прошедшей в колхозе имени Чапаева Абатского производственного колхозно-совхозного управления 29-30 января 1963 г. На конференции присутствовало 240 человек из всех управлений области. Активными участниками были Б.Е. Щербина, П.С. Чиков (председатель сельского облисполкома), Л.Н. Кузнецов (начальник областного управления производства и заготовок сельхозпродуктов). Читая материалы конференции и как яркую иллюстрацию к ним вспоминаешь фильмы «Председатель», «Простая история». При открытии конференции Б.Е. Щербина заметил: «... за последнее время засорились умы навязчивой идеей: как слабый колхоз, так давай шуметь: давай преобразуем в совхоз. В этом единственный выход: создать на базе слабого колхоза – совхоз. Пять лет назад колхоз им. Чапаева был отстающим. Вспомните в души людей, смелых, окрыленных своей работой».

Конференция работала в течение двух дней. В первый день обсудили вопросы развития общественного хозяйства артели, внедрения передовых методов в животноводстве, организации бухгалтерского учета и хозрасчета, во второй – осмотрели хозяйства колхоза. Председатель колхоза Н.Г. Токарев, выступая с докладом, сообщил, что с 1960 г. хозяйство два раза объединялось с отстающими колхозами. Интерес к работе колхозников, руководителей хозяйства был большой. Председатель колхоза им. Ленина Казанского управления т. Пономарев пообещал, что пошлет к Токареву своих специалистов для изучения опыта, а председатель колхоза им. Фрунзе Абатского управления т. Перепелица признался, что его хозяйству имеет смысл «взяться за хозрасчет».

Руководство сельского обкома партии в эти два года уделяло большое внимание освоению новых земель, вопросам сельского строительства, использованию административных зданий упраздненных районов для больниц, учебных заведений, предприятий бытового обслуживания. Особой заботы требовало строительство Боровской птицефабрики, завершить которое планировалось в конце 1963 г. Уже в следующем году фабрика должна была произвести 20 млн яиц. «Задача перед нами была поставлена так, – вспоминает генеральный директор птицефабрики А. Созонов, – обеспечить постоянно прираставшее в связи с развитием нефтегазового комплекса население Тюменской области яйцом и мясом птицы. За пятилетку мы вошли в число лидеров среди птицеводов Советского Союза».

Но главной проблемой и в те годы была подготовка кадров. Для этого использовались различные формы: съезды и областные совещания механизаторов, агрономов, зоотехников, обучение колхозников, рабочих и служащих совхозов специальностям механизаторов. В январе 1964 г. бюро сельского обкома КПСС одобрило почин учащихся одиннадцатого класса Ембаевской средней школы Тюменского управления, решивших после окончания школы остаться на работе в совхозе и призвавших всех выпускников школ последовать их примеру.

В это же время секретарь промышленного обкома КПСС А.К. Протозанов обратил первоочередное внимание коммунистов на необходимость решения стратегической задачи – более полное выявление минерально-ресурсной базы области. К моменту создания обкома поисково-разведочные работы, проведенные в Среднем Приобье, увенчались открытием ряда месторождений нефти, окончательно доказавших присутствие в Западной Сибири промышленной нефти.

В принятом 19 мая 1962 г. постановлении Совета Министров СССР было намечено подготовить к разработке основные горизонты Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений и провести пробную эксплуатацию законченных бурением скважин. Заметим, что промышленную добычу нефти в правительственном постановлении планировалось начать только в 1966 г. 4 декабря 1963 г. Совет Министров СССР принимает новое постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области». В документе проведение пробной эксплуатации открытых месторождений нефти и газа в Тюменской области было намечено на 1964-1965 гг., при этом в ходе ее планировалось получить в 1964 г. 100 тыс. тонн нефти, а в следующем году удвоить эту цифру.

Изучение предыстории появления постановления 1963 г. показывает, что принятие данного документа было инициировано Тюменским промышленным обкомом КПСС. Поскольку геологи смогли утвердить запасы по Усть-Балыкскому, Мегионскому и Шаимскому месторождениям уже в 1963 г., то есть на год раньше запланированного срока, А.К. Протозанов вышел в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с предложением начать их пробную эксплуатацию в 1964 г. Для этого он предлагал использовать нефтяные скважины, пробуренные геологами, а добытое сырье доставлять речными танкерами на Омский нефтеперерабатывающий завод.

Александр Константинович, как человек, получивший горное образование, хорошо понимал, что одно дело – цифры по запасам нефти, даже утвержденные Государственной комиссией, и совершенно другое – «живая» нефть. Сомневающиеся в ее существовании должны были увидеть тюменскую нефть воочию. Успешное осуществление пробной эксплуатации могло стать решающим аргументом в споре с «маловеерами», доказывающим (точнее, показывающим) им, что тюменскую нефть можно добывать быстро, рентабельно и в больших объемах.

Используя административный ресурс, связи в высших эшелонах власти и присущую ему настойчивость, Протозанов в буквальном смысле «пробил» постановление. «Можно только догадываться, – пишет Л.Д. Чурилов, – чего это ему стоило – сколько исписано было бумаг, сколько пройдено лестниц и коридоров в высших эшелонах власти...». Стоит отметить, что намерение тюменских властей активизировать геологоразведку и нефтедобычу на территории области вызвало активное противодействие и со стороны руководства совнархоза Средне-Уральского экономического района (с 1962 г. предприятия Тюменской области находились в сфере администрирования этого органа).

Председатель СНХ В.В. Кротов не соглашался с перераспределением финансовых средств на развитие нефтедобывающих районов, мотивируя это серьезными сомнениями в отношении высоких прогнозных запасов нефти и газа. По этой же причине он не поддержал предложения тюменцев об ускорении строительства нефтепровода Шаим–Тюмень и считал нецелесообразным строить в Тюмени нефтеперерабатывающий завод. При этом лично Протозанову ставилось в вину, что тот, «нередко решая вопросы, связанные с развитием нефтяной и газовой промышленности в северной части Средне-Уральского экономического района, на территории Тюменской области, старается придать им местное, чисто тюменское значение вне связи с другими проблемами экономического района».

Подготовка к пробной эксплуатации месторождений вызвала необходимость в кратчайшие сроки создать в районах намеченной добычи нефти профильные предприятия. 4 декабря 1963 г. совнархоз Средне-Уральского экономического района принял решение об образовании объединения «Тюменнефтегаз», которое возглавил А.М. Слепьян, бывший управляющий башкирским трестом «Туймазабурнефть».

В январе 1964 г. в Тюмени было проведено выездное заседание Средне-Уральского совнархоза, посвященное организации пробной эксплуатации. Главным в повестке дня был вопрос о том, кто конкретно будет заниматься опробованием: геологи или нефтяники? Начальник Тюменского геологического управления Ю.Г. Эрвье был уверен: для того, чтобы избежать срыва правительственного задания, пробную эксплуатацию всех трех месторождений должны проводить геологи, а А.М. Слепьян предлагал «Тюменнефтегазу» взять эту работу на себя. Представитель Госплана РСФСР полагал, что в последнем случае «работа будет провалена, так как люди к ней не подготовлены». «Почему бы эту работу не провести геологическому управлению? У них все подготовлено к этому», – заключил он. Завершая заседание, председатель совнархоза согласился, что причин для срыва пробной эксплуатации «предостаточно, дело новое, организационный период тяжелый».

Становление нефтедобывающих предприятий в Тюменской области действительно шло трудно. Документы свидетельствуют, что в течение нескольких месяцев после создания предприятий их руководителям пришлось заниматься, главным образом, обустройством прибывающих сотрудников. Первые рабочие и служащие приехали в районы добычи нефти в марте-мае 1964 г., а всего в течение года предприятия пополнились более чем на восемь тысяч человек. Одновременно со строительством жилья необходимо было строить механические мастерские, электростанции, складские помещения, причалы, а также заниматься погрузкой и разгрузкой прибывающего оборудования.

Несмотря на трудности организационного периода, объем нефтедобычи на всех месторождениях в 1964 г. составил 208,9 тыс. тонн, что более чем в два раза превысило запланированный уровень. При этом только НПУ «Сургутнефть» отгрузило с Усть-Балыкского месторождения 134 тыс. т нефти, то есть более 64% всей нефти, отправленной с тюменских месторождений в Омск.

Не менее сложной проблемой была транспортировка добытой нефти на перерабатывающие предприятия. Тюменский промышленный обком заранее позаботился о подготовке «нефтяной навигации». Во многом благодаря пробивным и организаторским способностям директора Тюменского судостроительного завода П.П. Потапова уже в 1964 г. были сданы все 40 барж, намеченные к строительству на 1964-65 гг. В 1965 г. на Омский НПЗ было перевезено 953 тыс. тонн тюменской нефти. Стоит заметить, что вся нефть, добытая в области до пуска железной дороги, будет перевезена 186 нефтеналивными баржами, построенными в Тюмени на протяжении 1964-1967 гг.

Успешное осуществление пробной эксплуатации месторождений и добыча первой тюменской нефти, выполненные в кратчайшие сроки и в сложнейших условиях, имели большое значение в определении вектора дальнейшего индустриального развития региона. Прогнозируемая учеными промышленная нефть Западной Сибири была, наконец, визуализирована, что увеличивало шансы региона уже в ближайшее время стать новой базой нефтедобычи.

Изменение индустриального статуса области потребовало решения задачи подготовки кадров для новых отраслей. К несомненным достижениям рассматриваемого периода стоит отнести создание в Тюмени в 1964 г. индустриального института и Западно-Сибирского научно-исследовательского института геологии нефти и газа, вскоре превратившегося в крупнейший отраслевой институт подобного профиля не только в СССР, но и в мире. Исследователи признают, что именно 1962-1963 гг. стали решающими в судьбе проекта Нижне-Обской ГЭС и возможного гидроэнергетического варианта хозяйственного освоения Западно-Сибирской низменности. Несомненно, важную роль в победе над сторонниками строительства на Оби каскада электростанций сыграли ученые и геологи-производственники, а также поддержавший их Тюменский промышленный обком КПСС, возглавляемый А.К. Протозановым.

Очередной хрущевский «эксперимент» продолжался до момента отставки Никиты Сергеевича в октябре 1964 г. В соответствии с решением пленума ЦК КПСС «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций» (16 ноября 1964 г.) 24 ноября 1964 г. на пленуме Тюменского промышленного и сельского обкомов партии было образовано оргбюро для практического руководства этой работой. Председателем оргбюро был утвержден Б.Е. Щербина. По негласным партийным правилам это означало, что и первым секретарем объединенной партийной организации станет именно он. 25 декабря на повестку I пленума объединенного обкома партии был поставлен один вопрос – организационный: необходимо было избрать секретарем обкома партии, бюро обкома, утвердить заведующих отделами обкома, редактора областной газеты и областной комитет партийно-государственного контроля.

Пленум открыл инспектор ЦК КПСС В.Н. Бабкин. На его предложение по кандидатуре первого секретаря обкома партии в зале раздались голоса – «товарища Щербину». «Ваше предложение, – резюмировал Бабкин, – сходится с мнением ЦК партии». Голосование по кандидатуре первого секретаря было единогласным. После избрания он, в свою очередь, от имени оргбюро внес предложение избрать вторым секретарем и членом бюро обкома Протозанова. Других предложений не поступило. Голосование по кандидатуре Протозанова также было единогласным.

Как вспоминает тюменский журналист Б. Паньков, накануне пленума Б.Е. Щербина (еще в ранге первого секретаря сельского обкома КПСС) провел пресс-конференцию, на которую пригласил корреспондентов центральных, областных, южных и северных районов, окружных газет и телерадиокомитета. «Большой зал сельского обкома, – пишет Паньков, – был переполнен. Кто будет первым секретарем объединенного Тюменского обкома КПСС: Щербина или Протозанов? Нас интересовало: встреча с Щербиной прощальная или рассчитана на будущее? Два часа Борис Евдокимович говорил о перспективах области, о создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и закончил встречу словами: «Как видите, у нас очень много дел, и мне с вами еще долго придется работать». Это заявление адресовалось, как мы поняли, не только присутствующим, но и членам обоих обкомов КПСС».

Объединенный пленум принял постановление о созыве 25 декабря 1964 г. областной партийной конференции. В связи с тем, что колхозно-совхозные управления себя оправдали, было признано необходимым их сохранить, возможно, уточнив название. На областной партийной конфе-

ренции был избран новый состав областного комитета КПСС. С докладом выступил Б.Е. Щербина. В выступлении были подведены итоги развития экономики области в предшествующий период. К этому времени на ее территории было открыто 18 нефтяных и 21 газовое месторождения, впервые добыто 207 тыс. тонн тюменской нефти, положено начало нефтяной и газовой промышленности. По сравнению с 1958 г. объем промышленного производства увеличился на 51%, основные фонды промышленности выросли в 2,2 раза. Уже 24 декабря 1964 г. промышленность области выполнила план 1964 г.

Сельское хозяйство в 1964 г. перевыполнило планы продажи зерна, мяса, молока и яиц. Государству было сдано 28,7 млн пудов хлеба, 303 тыс. тонн молока, 43 млн яиц. Стоит отметить, что такого количества сельскохозяйственной продукции область не сдавала никогда.

Таким образом, концентрация усилий Тюменского сельского обкома на аграрных проблемах области позволила решить многие из них. Однако выступавшие на конференции партийные руководители, как правило, акцентировали внимание на недостатках партийной реформы. Так, секретарь Тюменского горкома КПСС Ю.К. Меркулов отметил: «Еще больше недоразумений было с предприятиями, расположенными вне города (леспромхозы, лесхозы). Влияние горкома партии распространялось только на производственную деятельность. Вопросы культуры, быта, здравоохранения, народного образования находились в ведении Советов. Многие вопросы в связи с этим решить не могли». В то же время Тюменский сельхозинститут был в ведении парткома сельхозпредприятий. Секретарь Ялutorовского райкома КПСС Т.Е. Пахотин, напротив, признался, что в условиях, «когда партия берет курс на интенсификацию, химизацию и комплексную механизацию сельскохозяйственного производства значительно возрастает роль производственных управлений. И мы убедились, что на данном этапе эта форма управления, на наш взгляд, полностью отвечает современным требованиям». Мнение первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС С.Ф. Соловьева было категоричным: «По сути дела никакой перестройки не было. Назывались райкомы, стали парткомы. Принизилась роль парткомов по руководству народным хозяйством».

Согласно официальной оценке двухлетняя практика работы промышленных и сельских обкомов партии показала, что перестройка партийных организаций породила массу трудностей: не удалось четко разделить сферы их деятельности, не было должной координации между партийными комитетами, усложнилась работа с кадрами, принизилась роль Советов. Тюменская область, на наш взгляд, являлась исключением из общей практики: разделение партийной организации по отраслевому принципу позволило промышленному и сельскому обкомам сосредоточить усилия коммунистов на стратегических для области направлениях и добиться значительных успехов.

Секретарь промышленного обкома партии А.К. Протозанов считал решение о разделении партийных организаций по отраслевому признаку «историческим» и «целесообразным», поскольку это позволило значительно улучшить работу предприятий промышленности, строительства, транспорта и связи. А на вопрос журналиста А.К. Омельчука, какой из двух обкомов – промышленный или сельскохозяйственный – был, по его мнению, главнее, Александр Константинович, не задумываясь, ответил: «Конечно, промышленный. Яснее ясного». А в ответе на следующий вопрос: «бодались» ли два обкома, признался «Ну-у, конечно...».

Судя по воспоминаниям современников, отношения Щербина и Протозанова в этот период действительно складывались непросто. Изучение их биографий обнаруживает много общего: оба были профессиональными партийными работниками, оба по рождению были связаны с Украиной, оба разменяли пятый десяток, оба закончили технические вузы, оба без особых последствий пережили военное лихолетье. Казалось бы, что все это должно их сближать, однако внешнее сходство судеб было весьма формальным. Судя по воспоминаниям хорошо знавших их людей, Щербина и Протозанов резко отличались по темпераменту: взрывной, резкий Александр Константинович и внешне спокойный Борис Евдокимович. Конечно, время от времени между секретарями двух обкомов возникали разногласия.

О сложностях в их взаимоотношениях свидетельствует и известный тюменский журналист В.С. Горбачев. «Трения были, – подтверждает он, – так как и Щербина, и Протозанов были личностями с ярко выраженными лидерскими качествами, а, как известно, два медведя в одной берлоге редко уживаются мирно. Тем более что по характеру, чисто человеческим качествам они были людьми совершенно разными. Щербина – политик, дипломат, мастер аппаратной интриги, блестящий оратор. Протозанов был человеком попроще: обходных маневров не любил, предпочитал идти напролом, оратором являлся неважным, общаться с людьми предпочитал на короткой дистанции, не чураясь при этом и застолий, к чему Щербина относился крайне отрицательно. Но, в принципе, они очень хорошо дополняли друг друга, дружно и очень мощно тянули тандемом Тюменскую область к вершине ее развития и признания».

Несмотря на то, что разделение по производственному принципу было отменено сразу же после смещения Хрущева, упор на руководящую роль партии в экономической сфере, тем не менее, остался. Новое поколение партийных руководителей, выдвинутых на руководящие должности при Хрущеве, которые консолидировались вокруг Брежнева, в большинстве своем имели значительный опыт хозяйственной работы (или как минимум техническое образование). Они в большей степени, чем их предшественники, полагались на консультации специалистов и требовали от идеологии обоснования решений практических вопросов.

Сергей СЕДЫХ

Густав Борисович Беренс

*К 170-летию начала организованного судоходства
в Обь-Иртышском бассейне.*

*«Если ты сын России, то не лишним
будет для тебя знать дела твоих
земляков в Сибири, если ты природный
сибиряк, то тебе надо знать еще
больше, потому что ты родился на
той земле, где предки твои, покорили,
очистили и прирастили Сибирь к России...»*

Петр Иванович Пежемский,
иркутский краевед XIX века

Не боюсь ошибиться, сказав, что возьмите любую книгу, посвященную истории сибирского судостроения и судоходства, и обязательно найдете там имя Густава Борисовича Беренса. Есть о нем упоминание и в трехтомной «Энциклопедии города Омска», изданной к 300-летию юбилею города. Всего несколько коротких строчек, за которыми скрывается яркая жизнь незаурядного человека.

К сожалению, его имя известно довольно узкому кругу людей. Для человека, не связанного с речным флотом, это имя не говорит абсолютно ничего. Да еще и возникнет вопрос: «А при чем тут Сибирь и какой-то «иностранец»?». И, наверное, будет удивлен, узнав, что этот человек оставил довольно заметный след в истории сибирского судоходства и известен речникам Иртыша от Тобольска до Усть-Каменогорска. Его имя стоит в одном ряду с такими пионерами сибирского судостроения и судоходства, как Н.А. Тюфин, Н.Ф. Мясников, Н.Ф. Швецов, А.Ф. Поклёвский-Козелл и другие.

Густав Борисович Беренс, как все российские Беренсы, имел прибалтийские корни. В документах, хранящихся в архивном фонде Главного управления Западной Сибири, именуется как Везенбергский купец 2-й гильдии. Город Везенберг, ныне Раквере – территория современной Эстонии. Документы местного архива подтверждают наличие в городе в XIX веке нескольких семей, носящих фамилию Беренс. Причем среди прочих упоминается «портных дел мастер Карл Беренс», который, по имеющимся у меня копиям документов, любезно предоставленных праправнуком Густава Борисовича Беренса Юрием Юрьевичем Калабиным, присутствует на крестинах дочери Густава Беренса Отилии в январе 1868 года в Омске. Но начнем по порядку.

В «Записках...» Евгении Васильевны Сазоновой, внучки Густава Беренса, оставившей заметки о своей семье, отмечается, что в конце 40-х годов XIX века Густав Беренс жил в г. Екатеринбурге и работал на одном из пивоваренных заводов. Там же он женился на Дарье Христиановне, урожденной Фишер, дочери пленного французского офицера из Эльзас-Лотарингии, принявшего русское подданство. Вскоре после свадьбы молодая семья переезжает в Тобольск, где у них рождаются старшие дети: 10 апреля 1853 года – Леопольд, а 30 июля 1855 года – Леонид. Именно в

Тобольске Густав Беренс начинает заниматься коммерцией, в том числе соляными и строительными подрядами.

В 1851 году генерал-губернатором Западной Сибири и командующим отдельным Сибирским корпусом назначается генерал от инфантерии Густав Христианович Гасфорд. Годы правления Г.Х. Гасфорда отмечены большими изменениями в благоустройстве и общественной жизни, как всей Западной Сибири, так и главного города края – Омска. В 50-х годах XIX века в городе строятся здания войскового хозяйственного правления, интендантства, общественного собрания, городской тюремный замок, начато строительство генерал-губернаторского дворца и закладка оборонительных казарм на крепостном валу.

Не остался в стороне от этих преобразований и Густав Беренс, активно занимавшийся в то время строительными подрядами по военному ведомству. Так, например, 31 января 1858 года Густав Борисович заключил контракт с инженерным управлением отдельного Сибирского корпуса на строительство здания архива при корпусном штабе [5. л. 1]. Видимо, перенос основных коммерческих интересов из Тобольска в Омск заставил сменить и место жительства. Во второй половине 50-х годов XIX века семья переезжает в Омск.

Здесь следует отметить способность Густава Борисовича всегда находиться в гуще основных событий жизни нашего края того времени. Что руководило им: природная тяга ко всему новому, способность разглядеть масштабы будущего предприятия или холодный коммерческий расчет, присущий настоящему представителю купечества, – теперь остается только догадываться. Но как бы там ни было, деятельность Беренса в те годы тем или иным образом была связана со значимыми для Западной Сибири, а то и всей России, событиями.

В 1859 году Министерство финансов Российской Империи внесло изменения в «Устав о соли», отменяющие установленный принцип обязательного раздробления соляных поставок. Тобольской казенной палатой Главного Управления Западной Сибири были проведены конкурсные торги на сдачу подряда на развозку всей добываемой на Коряковском озере соли по крупнейшим запасным магазинам Тобольской губернии, располагавшимся в Омске, Таре, Тобольске и Тюмени. В конкурсных торгах участвовали такие известные сибирские купцы, как Н.А. Тюфин, А.Н. Решетников, А.Ф. Поклёвский-Козелл. Но победителем вышел Густав Беренс, предложивший самые выгодные для казны условия – 10,5 коп. за пуд перевозимой соли вместо 15 2/3 коп., когда она осуществлялась казенным распоряжением. В итоге 9 июня 1859 года был заключен контракт за № 105 на ежегодную перевозку в течение 10 лет 300 тыс. пудов соли, начиная с навигации 1860 года [15. л. 2]. Для осуществления, которого Тобольская казенная палата выдала Густаву Беренсу кредит в размере 32 тыс. руб. на строительство парохода и 6 соляных барж, на условии погашения его из суммы подрядной платы [7. с. 349].

Используя выданный кредит, Г. Беренс на Тюменском филиале завода «Гакс и Гуллет» приступает к строительству парохода «Победа», но закончить строительство парохода к началу навигации 1860 года не успевает. Для выполнения условий контракта Г.Б. Беренс арендует у Тобольского купца А.Ф. Поклёвского-Козелл пароход «Работник» и приступает к перевозкам соли [4. с. 114]. Следуя из Тобольска вверх по Иртышу, пароход «Работник» 17 мая 1860 года сделал остановку у Омской пристани. Кстати, это был первый пароход на Омском рейде, положивший начало паровому

судоходству в среднем течении Иртыша. «Своим прибытием пароход открыл небывалое до сих пор пароходное плавание» – констатировал на своих страницах санкт-петербургский журнал «Морской сборник» [10. с. 69]. После непродолжительной стоянки пароход поднялся далее вверх по Иртышу до станицы Коряковской и с грузом соли благополучно возвратился в Тобольск.

Летом 1861 года уже на своём пароходе «Победа» Г. Беренс приступил к регулярным перевозкам добываемой на Коряковском озере соли до Тобольска, а в навигацию 1862 года – до Тюмени и Томска.

Кроме того летом 1862 года Г. Беренсом был произведен первый опыт переброски по Иртышу воинских подразделений, расквартированных на Иртышской пограничной линии. Это в последующем определило участие Беренса в Зайсанской экспедиции, организованной обер-квартирмейстером штаба отдельного Сибирского корпуса полковником Иваном Федоровичем Бабковым, возглавлявшим с 1861-го по 1864 год Российскую делегацию по пограничному размежеванию с Западным Китаем. Как пишет в своих мемуарах, изданных в 1912 году, генерал И. Ф. Бабков: «Удачный сплав двух полурот 6-го Западно-Сибирского линейного батальона вверх по Иртышу от Омска до Павлодара на пароходе купца Беренса подали мне мысль исследовать озеро Зайсан и реку Черный Иртыш относительно возможности устроить по этим водным путям пароходное сообщение» [2. с. 238]. По замыслу И. Ф. Бабкова, одновременно с появлением парохода на озере Зайсан и Черном Иртыше, вооруженный конный отряд должен был двинуться по южному берегу озера Зайсан также к Черному Иртышу. Экспедиции ставилась задача провести топографическую съемку местности к северу от озера Зайсан и Черного Иртыша до Средней Бухтармы и Нарыма. Одновременно с топографическими работами предполагалось провести и астрономические определения на южном участке границы от китайского пикета Борохуцзир до реки Или, от реки Или до реки Кегена и далее на юг. Таковы были научные цели и задачи предполагаемой экспедиции. Но куда более важной была военно-политическая цель планируемого предприятия.

Предстоящая экспедиция должна была проходить на территории, де-юре не принадлежащей Российской Империи и являющейся предметом территориального спора на переговорах с Китаем, Российскую делегацию на которых и возглавлял Иван Федорович Бабков. Переговоры проходили с большими трудностями. «Хотя основания для проведения пограничной черты были установлены одной из статей заключенного в 1860 году Пекинского договора, они могли быть различно истолкованы вследствие того, что лица, составляющие этот договор, имели крайне поверхностные сведения о географических очертаниях этой обширной земли, простиравшейся на 2000 верст от Алтайских гор на севере до Тянь-Шанских на юге. Это было причиной многих пререканий, доходивших даже до враждебных столкновений на некоторых местах нашей границы, а между тем вопрос о разграничении не подвигался ни на шаг к своему разрешению» [11. с. 173]. Именно осложнения, возникшие в процессе российско-китайского территориального размежевания, определили военно-политические задачи экспедиции.

Еще со времен Петра I, в период начала проникновения России в Южную Сибирь и Джунгарскую степь, была принята формула: «А искони сибирские земли граничат от устья тех рек, где впади в море, и до вершин, откуда из которых гор потекли. Також и в те реки, которые впади реки, також до вершин их сибирская земля», которая означала, что впадающий в

Обь Иртыш на всем протяжении, вплоть до вершин, принадлежит России. Оставалось только дойти до этих неведомых истоков и расставить по пути российские гарнизоны. В своих мемуарах И.Ф. Бабков прямо указывает: «Нам необходимо было заранее показать, что мы решительно и неотступно считаем Зайсанский край принадлежащим России на основании Пекинского трактата» [2. с. 238], и далее «...должно было озаботиться о вооруженном занятии границы с целью показать китайцам, что фактически занятые местности должны принадлежать Российской Империи» [2. с. 239].

Заручившись поддержкой генерал-губернатора Западной Сибири Александра Осиповича Дюгамеля, сменившего в январе 1861 года на этом посту Г.Х. Гасфорда, И.Ф. Бабков приступил к организации Зайсанской экспедиции. Прежде всего он провел переговоры с Г.Б. Беренсом, предложив на одном из принадлежащих ему пароходов произвести пробный рейс по озеру Зайсан и Черному Иртышу. Видимо, Густав Борисович не сразу согласился на столь рискованное предприятие, поскольку И.Ф. Бабков в своих мемуарах отмечает, что получил согласие только «после продолжительных объяснений моих с Беренсом» [2. с. 238]. Тем не менее, дав согласие на участие в экспедиции, Густав Борисович не только предоставил свой пароход «Ура», но и взял на себя «снабжение всем необходимым, а также и продовольствие нижних чинов и топографа во все время плавания» [9. с. 2].

Подготовка столь масштабной экспедиции проходила в течение всей зимы, и к весне 1863 года в основном была завершена. Оставалось дождаться находившийся в Тюмени пароход Г. Беренса, который смог прийти в Омск только 22 мая. Руководителем речной части экспедиции был назначен бывший морской офицер, полковник Зряхов. Он во время путешествия вел подробный дневник, который, наряду с мемуарами И.Ф. Бабкова и А.О. Дюгамеля, дает возможность составить полное представление о подготовке и проведении Зайсанской экспедиции. Небольшой ремонт парохода, а также погрузка провизии и необходимых для экспедиции материалов и инструментов заняли еще несколько дней. Наконец «30 мая в 10 часов утра пароход вышел из реки Оми и пошел вверх по Иртышу, имея на буксире нагруженный дровами карбас, который поднимал грузу не более 500 пудов» [9. с. 2]. Делая непродолжительные остановки для пополнения запаса дров в расположенных на берегах Иртыша станицах Черлакской, Железинской, Песчаной и Чернорецкой, пароход 5 июня пришел в Павлодар. Если, как отмечает в своем дневнике полковник Зряхов «плавание от Омска до Павлодара весьма удобно» [9. с. 3], то от Семипалатинска, куда пароход «Ура» прибыл 15 июня, шла еще неизведанная «дорожка», которую только предстояло разведать, то есть исследовать фарватер и нанести результаты на лоцманские карты. Поэтому дальнейшее движение парохода вверх по Иртышу, представляющее собой первый опыт парового судоходства выше Семипалатинска, как справедливо указывает в своих воспоминаниях И.Ф. Бабков, «требовало особой осторожности и осмотрительности» [2. с. 239]. Нет необходимости подробно останавливаться на перипетиях и трудностях дальнейшего пути экспедиции, поскольку заинтересованный в этом читатель сможет удовлетворить своё любопытство, ознакомившись с упомянутыми выше мемуарными источниками. Остановимся только на основных этапах.

После трехдневной стоянки в Семипалатинске пароход продолжил движение вверх по течению Иртыша и 4 июля прибыл в г. Усть-Каменогорск. Задержавшись в Усть-Каменогорске до 8 июля, экспедиция продолжила свой путь, и, пройдя 17 июля последнее русское селение на Иртыше, паро-

ход «Ура» 24 июля вошел в озеро Зайсан. В полной мере испытал суровый нрав Зайсана, с которым 20-сильное судно справлялось с большим трудом, пройдя озеро во всю длину, 27 июля пароход вошел в устье Черного Иртыша. Затем, преодолев в течение двух дней расстояние более ста верст от устья реки до китайского пикета Маниту-Гатул, пароход достиг конечного пункта экспедиции.

После непродолжительной стоянки и переговоров полковника Зряхова с местной китайской администрацией пароход «30 июля, в 6 часов утра, снялся с якоря и пошел в обратный путь» [9. с. 40]. Обратный путь, несмотря на, казалось бы, уже проторенную «дорожку», также не обошелся без определенных трудностей, в первую очередь связанных с падением уровня воды в Иртыше и образовавшихся при этом мелей. Ниже Семипалатинска из-за малого уровня воды даже пришлось сделать длительную вынужденную остановку. Как пишет в своем дневнике полковник Зряхов, имея «наибольшую глубину на фарватере 4 четверти, грунт камня; вследствие такой малой воды пароход остался ждать ее прибыти» [9. с. 49]. И только когда с 9 сентября уровень воды в реке стал подыматься и «через несколько дней ее прибыло 1 $\frac{1}{2}$ аршина», пароход смог беспрепятственно продолжить свой путь [9. с. 49]. 23 сентября, после 117-дневного плавания, пароход «Ура» пришел в город Омск, где его с нетерпением ждали.

Еще до завершения экспедиции журнал «Записки Императорского русского географического общества» опубликовал на своих страницах заметку, в которой, в частности, говорилось: «По известиям, полученным на днях из Омска, там ожидают в скором времени возвращение парохода, совершившего в продолжение лета плавание по Иртышу и озеру Зайсан. Нам пока еще ничего неизвестно о научных результатах этой экспедиции, которая вероятно доставит много новых географических данных» [8. с. 45]. И эти ожидания оправдались в полной мере. Научные результаты экспедиции были внушительны. Проведено исследование фарватера Нижнего и Верхнего Иртыша в отношении устройства по этим рекам и соединяющему их озеру Зайсан пароходного сообщения, выбора мест для пристаней и составление карты всего плавания. Независимо от этого была проведена топографическая съемка по обоим берегам озера Зайсан и реки Черный Иртыш, всего было снято 16830 кв. верст. «Произведенные съемки дали точное очертание берегов озера Зайсан, определили его вид и величину, а астрономические определения впервые доставили возможность прочно установить это озеро в географическую сеть. Все это в совокупности образовывало собою солидный материал для составления более верной карты Зайсанского края», – так оценивал научные результаты экспедиции ее организатор полковник И.Ф. Бабков [2. с. 249].

Высоко оценивал И.Ф. Бабков и военно-политические результаты Зайсанской экспедиции: «Вооруженное занятие северо-восточного пограничного района киргизской степи в связи с движением Зайсанского отряда, при внушительной военной обстановке на Черном Иртыше и расположении у Маниту-Гатул в виду китайской пикетной линии, неоспоримо произвело сильное впечатление на китайцев и ясно показало им, что озеро Зайсан и вся местность к востоку от него до линии постоянных китайских караулов, как фактически занятая нами, отныне окончательно перешли в сферу исключительно русского преобладающего влияния и затем будут присоединены к владениям России на основании Пекинского трактата» [2. с. 250].

Следствием успешного проведения Зайсанской экспедиции стало подписание 25 сентября 1864 года Чугучакского протокола, определившего

линию границы и закрепившего фактическое положение дел, сложившиеся на спорных территориях. В своем донесении в Министерство иностранных дел Российской Империи И.Ф. Бабков писал: «Вследствие чего в 25 день сего месяца и состоялись подписание протокола и карт определенной границы и взаимный размен оными документами. По силе сего протокола, полагающего конец спорам о границе, навсегда присоединяются к российской державе такие земли, которые представляют великие выгоды как для нашего правительства, так и для частных лиц» [1. л. 103-104]. Необходимо отметить, что разграничение пограничной линии на местности было закончено только в 1870 году и окончательно закреплено договором об Илийском крае, подписанным 24 февраля 1881 года в Санкт-Петербурге. Согласно VIII статье этого договора озеро Зайсан становилось внутренним озером России. Территория, на которой проходила Зайсанская экспедиция, де-юре закреплялась за Российской Империей.

Говоря о великих выгодах, как для правительства, так и для частных лиц, открывающихся с подписанием Чугучакского протокола, И.Ф. Бабков в первую очередь подразумевал развитие судоходства на Иртыше. И хотя выводы экспедиции были в пользу открытия постоянного пароходного движения по Нижнему и Верхнему Иртышу, а также озеру Зайсан для торговли с Китаем, увы, попытки наладить судоходство в верховьях Иртыша не увенчались успехом. «Хотя совершенные пароходами «Ура» в 1863 году и «Хрущев» в 1871 году рейсы показали, что пароходство по Верхнему Иртышу возможно, однако эти рейсы, как мы видим, не вызвали подражания», – с сожалением отмечала в 1899 году на своих страницах газета «Сибирская жизнь» в статье, посвященной первому коммерческому рейсу на Иртыше выше г. Семипалатинска [3. с. 2].

К сожалению, отдельным представителям купечества организация регулярного судоходства на всем протяжении реки оказалась не под силу. И только с появлением в 90-х годах XIX века таких крупных пароходств, как «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» и «Русско-Китайское общество пароходства и торговли», развитие судоходства на всем протяжении Оби и Иртыша получило достойное продолжение.

В середине 60-х годов XIX века семья Беренс проживает в г. Омске. Рейсы в верховья Иртыша, где у Г.Б. Беренса не было конкурентов, соляные и военные подряды, видимо, приносили немалые дивиденды. Об этом свидетельствует и обилие документов в архивном фонде Главного Управления Западной Сибири, отражающих коммерческую деятельность купца Г. Беренса в те годы. Да и в «Записках...» Евгении Васильевны Сазоновой рассказывается о большем доме, о двух прекрасных выездах, многочисленной прислуге, заветном сундучке, в котором «дед хранил золотые монеты, поставленные стопками». В это время меняется и социальный статус. В уже упоминаемом выше свидетельстве о крещении дочери Отилии, родившейся 23 декабря 1867 года в Омске, записано: «1-й гильдии купец Густав Беренс, кавалер Ордена Св. Станислава 3-й степени, имеющий также золотую медаль...» Как свидетельствует «Энциклопедия города Омска», в конце 60-х годов XIX века Г.Б. Беренс был одним из четырех купцов 1-й гильдии, проживающих в г. Омске [16. с. 116].

Из документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, следует, что Омский купец 1-й гильдии Густав Беренс в 1869 году подал прошение в Департамент Герольдии Сената о признании его вместе с семейством в потомственное почетное гражданство [14. л. 1-1об.]. К сожалению, пока не удалось найти в фондах РГИА решение по данному

прошению. Но в фондах Российского военно-исторического архива имеются полные послужные списки сыновей Густава Борисовича штаб-ротмистра 30-го Драгунского Ингерманландского полка Леонида Густавовича Беренса и подполковника 9-го пехотного Тобольского полка Леопольда Густавовича Беренса, составленных при их увольнении в отставку в 1895-м и 1907 годах соответственно. В графе «Происхождение» указано: «Из потомственных Почетных граждан Тобольской губернии» [13. л. 145; 12. л. 27 об.]. Я думаю, что у читателя, как и у автора, нет оснований не доверять Военному ведомству Российской Империи.

Скончался Густав Беренс в 1871 году в одну из поездок в Санкт-Петербург и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище Васильевского острова.

Заканчивая свой рассказ о Густаве Борисовиче Беренсе, хотелось бы процитировать строки из одного очень интересного документа, хранящегося в архивном фонде Главного управления Западной Сибири. Это акт осмотра парохода и четырех барж, принадлежащих Г.Б. Беренсу. Акт составлен коллежским асессором Тобольской казенной палаты Отто Густавовичем Тизенгаузенем и соляным приставом Петром Григорьевичем Скуратовым 15 апреля 1864 года в г. Омске: «По тщательному осмотру парохода и барж с находящимися на оных такелажем оказалось: как на пароходе, так и на баржах сделаны все нужные исправления, с должною проконопаткою боковья ниже бортов; сверх сего, к машине парохода, сборка которой на днях будет окончена, сделана новая пружина к цилиндру высокого давления, два новых паровых холодильника, шесть новых трубок для указания количества воды в котлах и вновь отлиты как для перемены старых, так и в запас медные подшипники, то им достаточно укомплектован пароход и баржи.

Кроме сего, по удостоверению самого Беренса, такелаж будет еще пополняться вновь и выданными в Тобольске снастями; так что к вскрытию реки Иртыш пароход и баржи будут совершенно готовы к безостановочному плаванию и перевозки на них соли» [6. л. 12-12 об.].

У человека, знакомого с работой речного флота, не вызовет отторжение мнение, что данный документ является прообразом акта ежегодного освидетельствования Речного Регистра. Учитывая, что пароход «Победа», о котором идет речь в документе, был первым паровым судном, зимовавшем в устье реки Оми, это, безусловно, первый акт технического освидетельствования парохода, составленный в Омске. Документы, подобные этому, хранящиеся во многих архивах региона, позволяют приоткрыть завесу сложного процесса становления и развития речного флота в Обь-Иртышском бассейне. Делают возможным получение более достоверной картины жизни людей, стоящих у истоков зарождения судоходства на Иртыше.

Густав Борисович Беренс не был исторической личностью, но на короткое время оказался в эпицентре значимых событий нашего региона, оставив заметный след в истории Сибирского судоходства. По достоинству оцененный своими современниками, он оказался незаслуженно забыт в наши дни. Увы, у времени есть одно безжалостное свойство – стирать из памяти события и забывать людей, их творивших. Густав Борисович, безусловно, достоин, чтобы его имя знали и помнили не только речники Иртыша, но и все жители Сибирского региона. Не могут кануть в Лету люди и события, связанные с историей судоходства и судостроения, столь значимые для водного транспорта Сибири, да и всей России в целом.

Недавно, пересматривая изданную еще в 1958 году книгу известного омского краеведа Марии Климентьевны Юрасовой «Путь реки», наткнулся

на интересный отрывок, на который раньше не обращал абсолютно никакого внимания. Описывая события 1905 года в Семипалатинске, она пишет: «о том, как бастовали семипалатинские телеграфисты и почтовики, подержавшие Всероссийскую забастовку, о том, как объявили стачку грузчики и матросы – и пароходы Беренса стояли неделю неразгруженными» [17. с. 126]. Это сколько должен был сделать этот человек, чтобы спустя столько лет все пароходы ассоциировались с его именем. Видимо, для жителей Верхнего Иртыша фамилия Беренс стала нарицательной, как, если космос, то К.Э. Циолковский, если фантастика, то Ж. Верн, а если пароход – обязательно Г. Беренса.

Автор выражает огромную благодарность за помощь в подготовке материала потомкам Г.Б. Беренса Наталии Петровне Пежемской (г. Санкт-Петербург), Юрию Юрьевичу Калабину (г. Москва), Татьяне Сергеевне Носаль (г. Пятигорск, Ставропольский край), предоставившим фотографии и документы из своих семейных архивов. А также работникам читальных залов сибирских архивов Наталье Владимировне Дмитриевой (ГАОО, г. Омск), Ольге Александровне Юзеевой (ТФ ГАТО, г. Тобольск), Анне Владимировне Мичинской (ГАТО, г. Тюмень), оказавших неоценимую помощь в поисках документальных свидетельств жизни Г.Б. Беренса и его потомков.

Список литературы и источников:

1. АВПРИ. Ф.1-9, оп. 8, д. 24, ч. 3.
2. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875. СПб., 1912 г.
3. Газета «Сибирская жизнь», № 193 от 10 сентября 1899 г. / Успехи пароходного движения.
4. Газета «Томские губернские ведомости», № 22 от 7 июня 1863 г. / Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири.
5. ГАОО. Ф. 3, оп. 4, д. 4123.
6. ГАОО. Ф. 3, оп. 4, д. 6019.
7. Журнал «Ежегодник Министерства финансов на 1870 год» Вып. 2 / Сведения о соляном промысле / Соляные операции в Сибири. СПб., 1871 г.
8. Журнал «Записки Императорского русского географического общества» Кн. 3 / Сообщение о первом пароходе на Зайсане. СПб., 1863 г.
9. Журнал «Записки Семипалатинского подотдела Западносибирского отдела Императорского русского географического общества». Вып. 4 / Журнал, веденный во время плаванья парохода по Нижнему Иртышу, озеру Зайсан и Верхнему Иртышу в 1863 г. Семипалатинск. 1909 г.
10. Журнал «Морской сборник», № 8 за 1860 г. / Известия из портов. СПб., 1860 г.
11. Журнал «Русский архив», № 10 за 1885 г. / Дюгамель А.О. Автобиография. М., 1885 г.
12. РГВИА. Ф. 400, оп. 17, д. 16254.
13. РГВИА. Ф. 400, оп. 17, д. 7879.
14. РГИА. Ф. 1343, оп. 39, д. 428.
15. ТФ ГАТО. Ф. И-154, оп. 1, д. 54.
16. Энциклопедия года Омска; в 3 т. / Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск: Изд. Дом «ЛЕО». 2009 г.
17. Юрасова М.К. Путь реки. Омск: Омское книжное издательство. 1958 г.

р.п. Черлак – г. Тюмень

Анатолий ЗВЕЗДИН, Александр ЯРКОВ

Как сын крестьянский Иван пол-Европы прошагал

Поводов для данной статьи два. Первый связан с посетившим нас серьёзным сомнением, что широко освещенная СМИ в год 200-летия Бородинского сражения история о 117-летнем крестьянине Ялуторовского уезда Толстогузове как участнике того сражения, дожившем до 1912 года, – правда? Но об этом – в другой публикации.

Второй повод – доказать на основе обнаруженных документов, что всё-таки участвовали наши земляки в той первой – Отечественной войне 1812 года.

Дело в том, что в марте прошлого года в читальном зале тобольского архива один из нас просматривал материалы в надежде отыскать что-то о династии Звездиных. На обложке одного из дел Тобольской губернской почтовой конторы за 1843 год привлекла внимание надпись: «С паспортами умерших почталиона Звездина, Инвалида Кайгородова, о пенсиях вдовам...».

Нужны были ещё две поездки, чтобы более-менее стала стройной картина. Но давайте вначале посмотрим на сами документы. Вот они:

1. «*Туринский Земский Суд. Стол 2. 21 мая 1843 года. № 2942. В Тобольскую Почтовую Контору.*

Представленные при донесении Туринскаго Волостнаго правления от 29 апреля с № 190 паспорта умершаго отставнаго рядоваго Кайгородова под № 505 и серебряную медаль «За проход в Швецию через Торнео в 1809 году»; так же и паспорт жены его Аксиньи под № 490, при сем Земский Суд в почтовую контору имеет честь препроводить. Земский Исправник: /подпись/. Секретарь: /подпись/».

2. «*По Указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО и прочия и прочия и прочия.*

Объявительница Сего Служащаго в Могилевском пехотном полку рядоваго Григорья Никитина законная его жена, Аксинья Федорова дочь, отпущенная по прошению ся с согласия мужа с сыном при ней находящимся Яковом имеющей от рождения три года, для вольнаго прожития и прокормления себя работою РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в городах и уездах, где она жить пожелает, благоволено было Господам Командующим в прожитии чинить ей вольность, приметам ж она Федорова росту средняго, лицом бела малорябовата, глаза серые, нос неширок, волосы светлорусые, на правой ноге от порубу рубец, от роду ей тридцать шесть лет. Сына же ея Якова Григорьева по возрасту узаконенных лет, представить в ближайшее военно Сиротское отделение, сей же паспорт по смерти ея у кого останется в Руках тотчас же представить в ближайшее присутственное место – в уверение чего за подписанием и с приложением полковой Казенной печати дан сей Виленской Губернии город Россиены. Марта 23 дня 1812 года.

Печать Могилевскаго Мушкатерскаго полка. Подполковник: Малеванов».

После прочтения возникли вопросы: паспорт выписан на имя жены рядового Григория Никитина в Виленской губернии, а сдан как паспорт жены Кайгородова в Тобольске.

Один ответ, очевидно, в том, что в предчувствии начала войны (она разразилась 22 июня 1812 г.) командование Могилевского мушкетерского полка отправляло в тыл семьи офицеров и солдат. Поэтому жена Григория Никитина – Акси́нья получил паспорт и, очевидно, отдав сына на воспитание в военно-сиротское отделение, отправилась подальше от развертывавшейся подготовки к войне. Акси́нья осталась в живых, а вот её первый муж Григорий погиб.

Второй ответ нашелся в формулярных списках, которые просмотрены в январе этого года:

3. 25 Июня 1843. № 1833. В Тобольское Губернское правление. Полученную при отношении Туринского Земского Суда от 21 минувшаго мая с № 2942, а в ней представленную при донесении Туринского Волостнаго Правления от 29 Апреля с № 190, серебряную медаль, оставшуюся после смерти служившаго в бывшем Сибирском почтамте Инвалидом, Рядового Ивана Егорова Кайгородова, полученную им за проход в Швецию чрез Торнео в 1809 году, - Тобольская Губернская Почтовая Контора при сем имеет честь препроводить оную в распоряжение Тобольскаго Губернскаго Правления.

Паспорта сдавались в те времена в то ведомство, где выданы. Да и с медалями поступали по закону:

Параграф 219. Если по смерти нижних чинов останутся какие знаки отличия, то из них: отсылаются... медали в Императорский Департамент Военного Министерства».

4. На втором листе паспорта Акси́ньи Федоровой есть надпись:

1843 года Апреля 23 дня. Объявительница ся Ксения Федорова сего Года февраля 15-го числа Волею Божию померла и 17-го числа предана Земле по христианскому обряду; в чем Свидетельствуем Слободы-Туринской Михаило-Архангельской церкви: Священник Михаил Попов, Дьячек Попов, Пономарь Попов.

Из дальнейшей переписки между ведомствами Туринска и Тобольска можно сделать вывод: паспорт Ивана Егорова Кайгородова или не нашли, или переслали по другому адресу. Иначе он был бы в том деле. А в такие паспорта записывали сведения. Но откуда родом рекрут?

Это определилось в Ревизской сказке 1795 г. По свидетельству священнослужителей, известно место жительства и смерти супругов Кайгородовых. Приводятся ниже выписки из метрической книги Туринского уезда Слободо-Туринской Михайло-Архангельской церкви и Ревизской сказки:

• *15.02.1843. – Деревни Андроновой Отставнаго Солдата Ивана Егорова Кайгородова жена Ксения Феодорова – 67 лет от горячки.*

• *29.03.1843. – Деревни Андроновой Отставный Солдат Иван Егоров Кайгородов – 68 лет от старости.*

Да! Ненадолго пережил Иван Егорович Кайгородов свою жену.

«Жопаем» поднимающуюся из небытия архивных дел историю дальше. В Ревизской сказке за 1834 год в Туринской волости и округе указаны среди семей отставных солдат:

Деревни Андроновой, рядовой Иван Егоров Кайгородов. С 1821 года. 62 лет. Ивана Кайгородова жена Аксинья. 72 лет (58).

Запись в графе «лета в предыдущей ревизии» не стандартная, но поясняет, с какого года жил там. И это тоже выяснилось из формулярного списка.

Поиск продолжился: заинтересовала интрига. Просмотрено 17 дел Сибирского почтамта (а это немало – около 3500 листов), но лишь в двух (!) из них нашлась информация о нашем «герое» – инвалиде И.Е. Кайгородове.

В документе 1818 года почерк у писаря был отвратительный, но помогли чёткие записи 1816 года, с дополнениями из 1818 года:

Сибирский Почтамт Тобольской Губернии.

ДЕЛО. Сибирскаго Почтамта с формулярными списками за 1816 год на чиновников и служителей ведомства Сибирскаго Почтамта.

Формулярный Список. О службе Почталионов Инвалидов Станционных Смотрителей и Сторожей Дирекции Сибирскаго Почтамта. За 1816 год.

I. Чин, имя, отчество, фамилия. Должность, лета от роду.

Инвалиды: Иван Егоров сын Кайгородов. 46 лет. (В 1818г, 48)

II. Из какого звания происходит: Из крестьян.

IX. Когда в службу вступил и кем, где и когда служил:

В службу вступил в Оренбургской полевой Баталион. 1794 в декабре. Из онаго переведен в Модопаденской. (Коздокский) 1797 в декабре. Потом в Бутырской. 1798 в декабре. Из онаго в Могилевской. 1807 в декабре.

Изаранами определен в Тобольской Гарнизонный баталион. 1813 в Сентябре.

По выключке из военного звания определен в штат почтамта Сторожем. 1814 Июня 20.

Переименован в Инвалиды. 1814 Сентября 20.

Имеет медаль серебрянную за проход в Швецию чрез Торнео в 1809 году.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно:

В 1798 в Италии. В 1805 в Цесари с Австрийскими войсками и был в плену в Франции до заключения мира с оной. Потом в Швецию (1809 г.), и в сражении против идущаго в Россию неприятеля в 1812, в коем при Полодске ранен пулею левой руки в ладонь навывлет.

XII–XIII. Приметы: лицом бел, волосы русые, глаза серые, у левой руки указательный палец незгибается. Рост: 2 аршина 6 ³/₄ вершка. (1,73 м) Читать не умеет.

XIV. Холост или женат, на ком; имеет ли детей, кого именно, возраст:

Женат на вдове, Салдатской жене Аксинье Федоровой, имеет сына одного Авериана, 7 месяцев» (в 1818 г, 3 лет).

Ситуация прояснилась. Итак, когда отставной рядовой Григорий Никитин погиб, то Аксинья Федоровна получила известие о том. По закону она заимела право повенчаться вторым браком с Иваном Егоровичем (Георгиевичем). И хотя были супруги немолоды, но от поздней любви еще могли народиться дети?

Для проверки версии просмотрены метрические книги церковей города Тобольска за 1813–1819 годы. И все-таки нашлись нужные записи в книгах Благовещенской церкви:

- 21.02.1816. У Почталиона Ивана Егорова Кайгородова родился сын Иван».
- 17.06.1816. У Почталиона Ивана Георгиева Кайгородова умер сын Иван – 4 месяца родимцом».
- 25.08.1817. У Инвалиднаго Почталиона Ивана Егорова Кайгородова родился сын Петр». «23.09.1817. У Инвалиднаго Почталиона Ивана Егорова Кайгородова умер сын Петр – 1 месяц родимцом.
- 12.12.1818. У Почталиона Иоанна Егорова Кайгородова родился сын Виктор.

По документам Иван Кайгородов вышел в отставку по выслуге 25 лет (в конце 1819 – начале 1820 г.) из Сибирского почтамта и должен был получать пенсию из Почтового Казначейства. Но воспользовавшись правом селиться где угодно и поменять сословие, записался в отставные солдаты (а может, пенсия Военного Казначейства была больше?). Поселился там (в 1821 году), откуда был взят в рекруты – на родине. Об этом в следующем документе – Ревизской сказке 1795 года. Она попутно рассказала о крестьянах, приписанных к заводам Туринской округи, Туринской волости Тобольской губернии. Была там деревня Андропова, в которой в 1782 году жили-поживали:

Егор Кайгородов. 40 – 53. Брат ево Никифор, холост. 44 – 57. Сестры девки:

Настасья 45 – умре в 1783 году. Ирина, из пропущенных по прежней ревизии. – 63.

У Егора жена Анна Данилова. 32 – 45. У них дети, написанные в последнюю пред сей ревизию. Андрей. 15 – 28. Иван. 8 – отдан в рекруты в 1794 году. Кондратей. 5 – 18. Антон. 2 – 15. Дочери: Анна. 12 – выдана в замужество. Офимья, в девках. 12 – 25. Рожденная после ревизии Степанида 12.

Из такой вот сибирской среды вышел Иван в рекруты, повидав неведомые его родственникам и землякам страны. Путешественник поневоле, а проще сказать: верный присяге русский солдат оказался в горниле мировых событий. Связано это было с тем, что в 1798 году Россия, по просьбе Турции (всегдашнего врага, а на тот момент – союзника) вела войну против французов. И ни много ни мало как у побережья Италии. 13 (24) августа правительство России направило эскадру Черноморского флота в составе 6 линейных кораблей, 7 фрегатов и 3 посыльных судов под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова из Севастополя в Средиземное море. На борту кораблей находилось свыше 9 тысяч воинов, в том числе и десант в 1700 человек. В том десанте и мог участвовать Иван Кайгородов.

24 августа (4 сентября) эскадра прибыла в Константинополь, а 9 (20) сентября в Дарданеллах к нашей эскадре присоединились турецкие корабли (4 линейных корабля, 6 фрегатов, 4 корвета и 14 канонерских лодок) под командованием вице-адмирала Кадыр-бея, который был подчинен Ушакову.

С 28 сентября по 1 ноября 1798 года объединенная эскадра Ушакова овладела четырьмя островами Ионического архипелага. В феврале 1799 года был захвачен остров Корфу. Тем самым Россия подорвала господство Франции в Восточном Средиземноморье и приобрела там важную военно-морскую базу. Но и звезда Наполеона поднималась все выше и

выше. И с той «звездой» на поле битв пришлось встречаться сибирскому крестьянину.

В декабре 1805 года в 120 км от Вены в ходе жестокой битвы при деревне Аустерлиц Наполеон одержал победу над австрийской и русской армиями. Вернее всего, здесь и попал в плен французской армии крестьянский сын из Сибири. Лишь только после заключения мира (а было это в 1807 году) солдат Иван вернулся. Но не на родину, а в строй... Продолжилась его служба уже в другой части Европы. Но и там вершилась в тот момент мировая история...

Поначалу война со Швецией не входила в планы России, которой Наполеон лишь навязал задачу – склонить Данию и Швецию присоединиться к участию в континентальной блокаде Англии. Лишь после того, как дипломатические шаги не возымели действия на шведского короля Густава IV, Россия перешла к военным действиям.

Дальнейший путь крестьянского сына Ивана по извилистым страницам европейской истории можно извлечь из сведений, но уже о медали «За проход в Швецию через Торнео». Ею награждались солдаты, участвовавшие в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. Тогда в 30-градусный мороз солдаты дошли до самой дальней северной точки побережья Ботнического залива, через город Торнео (ныне Торнио, Финляндия) и реку Торнео (Турнеэльвен). Командовал корпусом генерал П.А. Шувалов.

Медаль была учреждена вскоре после завершения похода, 14 апреля 1809 года, Александром I. Всего отчеканено 6269 медалей, исходя, понимаем, из числа участвовавших и выживших. Носить медаль следовало на груди, тем более что лента у медали была приметная – Андреевская.

Тогда же учреждена и вторая медаль «За переход на шведский берег». Награждались ею нижние чины корпусов П.И. Багратиона и М.Б. Барклая-де-Толи, что совершили беспрецедентные переходы по льду Ботнического залива. Залив был засыпан снегом. На войска обрушился сильный буран. На пути оказались огромные полыньи, хаотичные ледовые торосы. Отдыхали только по ночам, зарывшись в сугробы. Костры разжигать было нельзя.

Высадка на шведские берега и убедительные победы одних (россиян) и печальный проигрыш других (подданных короля) заставили шведское правительство просить Россию о мире, что в конечном итоге привело к окончанию многовекового противостояния двух стран: одна – Швеция – отныне для себя выбрала путь вечного нейтралитета, а вторая – Россия – ещё стремительнее становилась супердержавой, обретя Финляндию.

В указе Александра I о награждении воинов медалью «За проход в Швецию через Торнео» сказано: «Его Императорское Величество объявляет совершенное своё удовольствие корпусам войск: Вазовскому под командою Генерала от инфантерии Барклая-де-Толли за отважный и многотрудный переход через Кваркен на Шведские берега и сражении при Умео, а Улеаборгскому под командою Генерал-Адъютанта графа Шувалова за отличие под Торнео и нижним чинам тех корпусов жалует по 2 рубля на каждого человека; а сверх того в память подвигов сих двух корпусов и Авангарда Аландского корпуса под командою Генерал-Майора Кульнева жалует нижним чинам серебряные медали для ношения в петлице на голубой ленте». Одна из таких медалей была 33 года у Ивана Егоровича Кайгородова, крестьянина, солдата, сторожа, инвалида, родившегося и умершего в Туринском уезде Тобольской губернии.

А ведь была ещё и Отечественная война, когда Иван в *«сражении против идущаго в Россию неприятеля в 1812, в коем при Полодске ранен пулею левой руки в ладонь навывлет»*. После того по-прежнему неграмотный, но на слух кое-что «знающий по-иностранному» (плен тому поспособствовал) был определён в Тобольской гарнизонный батальон, а уж оттуда перечислен в почтовое ведомство сторожем – кстати, достойная по тем временам для инвалида, участника четырёх европейских сражений должность.

Не являлся крестьянский сын Иван полководцем, не дослужился и до капрала, но он тоже оказался активным участником событий мирового масштаба. От Средиземного до Балтийского моря проходили его военные дороги, которые он не проехал, а прошел своими ногами. Но первые шажки и последние в жизни шаги он все-таки сделал на земле Тобольской губернии...

Источники и литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. 1834. Санкт-Петербург, 1835. С. 868.

2. Юссилла О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809-2009. М., 2010.

3. Госархив в г Тобольске. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 128. Л. 235об-236; Ф. И-205. Оп. 1. Д. 768. Л. 4-8. 26-28; Ф. И-156. Оп. 15. Д. 393. Л. 35. 39об.; Д. 394. Л. 59об. 64; Д. 395. Л. 68об; Д. 863. Л. 391об-392. Л. 393об-394; Ф. И-154. Оп. 8. Д. 447. Л. 186об-187; Ф. И-205. Оп. 1. Д. 470. Л. 242. Л. 251об-252; Д. 507. Л. 217. Л. 227об-228.

ПОЭЗИЯ

Андрей РАСТОРГУЕВ

Влагой нависла высь...

Влагой нависла высь –
дробью и порохом
моет отвесный мыс,
роет кремлёвский холм.
Корни плетёт трава,
да на поёмный под
клонятся деревья,
каменное – ползёт...

Здесь – да не так:
выдумай, если чем,
где подходил Ермак,
где восседал Кучум.
Через себя пусти
сомкнутые года...
Скажут: по глупости –
люди не провода.

Не с человека спрос –
временем невелик.
Где океан нанёс,
где натаскал ледник –
знает наперечёт
глинистая гряда:
вечно в Иртыш течёт
илистая вода.

Так оно – да на раз
всякий не береги.
То ничего, что грязь
липнет на сапоги,
если определя
памятью родовой:
это – моя земля,
мешанная с водой.

У крайнего сибирского кремля...

У крайнего сибирского кремля
в гортанной глубине материковой
почувствую: колеблется земля –
по колыханью нити родниковой.
То не из вражьих сопредельных стран,
а из утробы мнения и суши
идёт холодный зверь левиафан
и гложет неприкаянные души...

Но пресечётся выстуженный срок –
не рви с груди отчаянно рубашку:
придёт весёлый зверь единорог
и приведёт горбатого коняшку,
и так душевно станет во плоти
сойти на человеческие мерки,
скользя на тектонической плите,
как сёрфер по прибою на фанерке.

Андрей ШАЦКОВ

Тобольск

Владыке Димитрию, митрополиту Тобольскому и Тюменскому

Как много в России загадочных мест,
Пронизанных смуты мучительной болью!..
Архангел, с утра опускаясь на крест
Церковного храма, глядит на Тоболье.

Играет Тобол, серебрится Иртыш.
И где-то из волн поднимаясь угрюмо,
Ермак раздвигает руками камыш,
Чтоб в призрачной схватке осилить Кучума.

Здесь сказка сбылась и, не чувствуя ног,
Не слушая сердца, стучащего рьяно,
Взбеги на холмы, где Конёк-Горбунок
Доверчиво носом толкает Ивана,

И хочет к груди его гривой припасть...
Но грают над градом Сибирским вороны.
И куколем чёрным покрывла напасть
Венец православной российской короны.

Но сгинут туманы тюменских болот,
И спрячется морок в глубокие норы...
А город стоит – как России оплот
На вечном пути из Варягов в Обдоры!

Звезда декабриста

(Монолог поручика Анненкова)

Французская шляпка, вуаль.
Фигура, обвитая флёротом...
Гори же моя этуаль,
Гори над острожным забором.

До самой последней черты
Не будет лукавей кошмара:
Острог предвесенней Читы,
Венчание в церкви старой..

За Нерчинском – только Восток.
А мысли уносят на запад.
Где в прошлом – шампани глоток,
Где в прошлом – волос твоих запах.

Кольцо из чугуновой цепи.
Взахлёб поцелуй на морозе.
Конвойного оклик: «Не спи!»,
И сани невесту увозят.

Но Бог не услышит молитв.
Отплясана жизни мазурка.
Он крепок пока – монолит
Гранитных столпов Петербурга.

Я клятву свободе сдержал.
Имперская служба постыла.
Всеобщего счастья желал,
А счастья себе – не хватило.

Штыков оцетиненных сталь.
Халат арестантский, куртина.
Гори же, моя этуаль.
Звезда декабриста – Полина!

Кандальная злая печаль.
Набухшая почками верба...
Гори же, моя этуаль.
Даруй вдохновенье – Эвтерпа!

* * *

На города, леса и веси.	Лежало русское пространство.
На скаты крыш и поймы рек,	Надсадно кашляя пургой.
Как телеграмма с грустной вестью	Передний край степного ханства.
Неотвратимо падал снег.	Окраин запада – изгой.

О, сколько нежности и лени	Но Божьим промыслом хранимо
В снегах, летящих без конца...	Из края в край, из века в век...
Сугробов белые колени	Над всей землёй неутомимо,
Согнула вьюга у крыльца.	Неотвратимо падал снег!

Пугачев

Перерезаны вены и сёла.
По просёлкам шатается сброд.
Вот, Емеля, какой развесёлый
На Руси православной народ.

Впрочем, принявший постриг кержачий,
Ты и сам себе царь-господин!..
Что ж ты делаешь, потрох собачий?!
В тёмном погребе зачатый сын!

Воют шальные ветры над Бердой,
Поднимая село на село.
В машкерадной испарине смертной
В пол-России тебя разнесло!

Но донскою казачьею буркой
Русь всея не покрыть, не обнять...
Ввек тебе не видать Оренбурга!
Ввек престольного града не взять!

Только знаешь, от гама и гари,
От ударов казацким хлыстом
Враз попрятались прусские хари,
И качнулся державный престол!

Налетевши, как мухи на трюфель,
Потеряли мундира фасон:
Кар, и Меллин, и Рейнсдорп, и Муфель,
И вдобавок ещё Михельсон!

Статен шаг богатырской коняги.
Грозен топот казацких подков.
Под Казанью полощутся стяги
Босоногих мужицких полков.

И в душе, не осиленной страхом,
Самозванца исконный набор:
Кнут орлёный, да дыба, да плаха,
Да проклятье, да ката топор!

*Абакан**

Ничего не поделаешь, флаттер...
В лихорадке трясёт самолёт.
Я надеюсь, что Божия Матерь,
Как и прежде, сегодня спасёт.

Чёрт бы эти побрал Абаканы...
Пересадка, посадка и взлёт.
Над Свердловском – сплошные туманы.
За Челябиной – то жарит, то льёт.

Поднебесье машину кантует.
Мне сегодня намяло бока,
Чтобы истину понял простую –
Далеко от Москвы Абакан!

И лежит себе, как порубежье
Двух Сибирей
 хакасская степь.
Где здесь кровь, покажите, медвежья?
Я ещё, между прочим, не слеп...

Но лежит себе степь, осиянна
Первозданной, нерусской красой.
Упирается круто в Саяны
Горизонта сплошной полосой.

И места эти были б не плохи.
Только сердце рубцуют не зря
Окаянные метки эпохи:
Лагеря, лагеря, лагеря...

Мелкий дождик по мрамору сеет,
Но распадки предгорий светлы.
И над плавным пока Енисеем
Распластались в полнеба орлы.

Будит помниться реже и реже.
Приходить в полнолунии снов
Пара слов: Абакан – кровь медвежья...
Абакан – человечества кровь.

* Абакан – медвежья кровь (*хакасский*)

Завещаю Россию

Задолго до Светлого праздника вешнего,
От копля столба у заставы стоящего,
Под кашель простуженный старого лешего,
И шорохи льда переправы мостящего

Метет по дорогам пурга-околесица,
Но дело немётно, как водится исстари.
Опять начинается месяцев лествица
От печки, где ели горят серебристые.

Беременна прошлого года загадками,
Пришла января суетливая проза.
Опять Рождество с надоевшими святками.
Опять на Крещенье не будет мороза.

Под утро опять одолеет бессонница.
И скрип половиц под шагами неслышными.
И дело к разлуке негаданной клонится.
Печальной разлуке под старыми вишнями.

И Виевы веки сомкнутся усталые.
Века разомкнутся в пространстве и времени.
И лишь снегириныные сполохи алые
Рассыплются искрами в траурной темени...

Но звон колокольный густою октавою
Разбудит вчерашние сумерки синие.
Я в них остаюсь за чертой, за заставою,
А вам, сыновья, завещаю Россию!

Где никнут берёзы над прахом отеческим,
Над зимником, битым стальными полозьями,
В края, где не пахнет жильем человеческим,
И звезды висят самоцветными гроздьями –

Над русской землёю, как ворот распаханной,
От скал, где бушует волна океанная,
До степи полынной, нагайкой распаханной.
Где Разина песня звучит окаянная!

У НАС В ГОСТЯХ

Надымское литературное объединение (НЛО)

Людмила ЕФРЕМОВА

Посадка в Надыме...

В ноябре 2016-го нашему НЛО 35 лет! Эта инопланетная аббревиатура надымского литературного объединения, или литературного объединения «Надым», появилась ещё задолго до моего приезда на Север, отсчётом которого стал Сургут. Помнится, замечательный ноябрьский поэт Валерий Котов, так рано ушедший, сказал мне с ироничной смешинкой в голосе:

– Вы, надымчане, нас опередили, так сказать, заимели все права на бренд – НЛО, а ведь и мы могли бы так называться.

Могли бы, но не случилось. Зато случилось то, чего я, начинающий корреспондент, оказавшись в эпицентре надымской поэзии, и представить себе не могла, – через несколько лет, в 1990 году, мне предстояло встать к рулю могучего литературного кита. К тому времени имена художников Станислава Лаевского и Павла Нядонги, дорожного строителя, бывшего заключённого 501-й Ивана Марманова; журналистов и поэтов – Альфреда Гольда, Анатолия Алексеева, Юрия Баскова, Юрия Головинова, Владимира Шумкова были на слуху не только у читающего прессу населения, – их хорошо знали и ценили любители поэзии. И журналистика не только не мешала поэтическому мастерству, она, наоборот, вливала в их строки могучую энергетику молодого города газовиков и строителей, неугомонных, дерзких покорителей и авантюристов со всех уголков огромной Страны Советов...

* * *

*Он молод и смел, горделив и уверен.
Упрямая дерзость в коротком плевке.
Его механизм до пружинки проверен,
Наколкою Север горит на руке.
В азарте бойца крепко стиснуты зубы.
Огромный калибр несёт «Ураган»
И целит в простор воронёные трубы –
Двуствольные трубы с клеймом «Манесманн».
Соляровой хмарой затянуты кедры.
Как неудержим, как стремителен бег!
Он в дизеле сотнями жжёт километры...
Лежит вдоль дороги обугленный снег.
Здесь полночью тихой затравленно глянет
И, выйдя на след исполинских колёс,
Матёрый волчина, как шавка, отпрянет
От скомканной пачки его папирос, –*

писал Юрий Басков, тюменец по рождению и северянин по судьбе.

Как он гордился публикацией этого стихотворения в антологии «Час России» в издательстве «Современник», 1988 г., составителями которого стали сам Виктор Астафьев и Роман Солнцев.

Жизнь поэта трагически оборвалась в марте 2004 года. Север его так и не отпустил от себя:

*Над Аркаимом ночь объятия раскрыла,
Я так устал, родная, я – в бреду.
Меня влечет неведомая сила,
которой и названья не найду.*

*Войду во град.
Ворота ухнут тяжело.
Ты выйдешь, неизвестная совсем.
Нам прадеды в расписанных рубашках
махнут руками ратными со стен.*

*И... вот оно!
Зачем бегу я к смерти...
На плитах опустевшего двора
мой взрослый внук меня в объятия встретит,
еще и не родившийся вчера.*

Ответственный секретарь городской газеты Анатолий Алексеев, фигура колоритная, щедрая, именно в его гостеприимном кабинете проходили первые заседания местных пиитов и сочувствующих. По большей части они напоминали дружеские посиделки с нехитрой выпивкой и закуской, клубами густого табачного дыма и непременно чтением и критикой новых вирш. И уж как только не склоняли тогда «литературный кружок» – и литробъединением, и литрообеднением, и литрооблечением ...

– Кости-то уже есть, ещё мясца бы нарастить твоему стихотворению – по-отечески журил Анатолий Александрович и, вытянув лист из печатной машинки, душевно нараспев читал:

*– В лесу грибами пахнет и покоем.
Плывут куда-то нити паутин.
В берёзках босоногих над рекою
Грусть светлых левитановских картин.
Проходит август, не сминая травы,
Лучами на прощанье нам звеня.
И вслед ему подсолнухи лукаво
Глядят, как пацаны, из-за плетня.*

Это уже позже, когда бразды правления из-за нехватки времени он передал Альфреду Генриховичу, в штат Дома культуры «Победа», а потом ДК «Прометей» была введена ставка руководителя литературного объединения. Такова была воля первого газового генерала Владислава Владимировича Стрижова, человека творческого и равнодушного, и под культурными сводами у поэтов и прозаиков появился свой отдельный официальный кабинет.

Альфред Гольд частенько заглядывал на огонёк в редакцию многотиражной газеты «Комсомольская вахта» треста «Севергазстрой». Тогда вообще крупные предприятия города имели свой «боевой листок». Редактором в то время был Юрий Басков, корреспондентом Андрей Виноградов, я же в

1988 году была принята вторым корреспондентом. Бесценные уроки малотиражки не прошли даром. Басков требовал творческой подачи материалов и непременно с фотографиями, Андрей Виноградов со свойственной ему деликатностью московского интеллигента подправлял, направлял, подсказывал. А как-то зашедший Альфред Генрихович, узнав, что я посещаю местный клуб авторской песни и помаленьку крапаю стишки, пригласил на заседание.

* * *

*Как капли небес – незабудки
в низине, у чёрной воды,
упали, узнали, как будто,
где больше нужны и видны.
Дивимся печальному чуду -
во мраке болотной травы!
Вот так и поэт: он – повсюду,
где мало ещё синевы!*

* * *

*Не наслушаться, сколь ни слушай;
не навидеться – жжёт слеза!
Сверхместительны наши уши,
сверхместительны и глаза.
Сверхместительны – ясно дело! –
Дух и разум. Да жаль, Творец
покупился на плоть – на тело:
Дал времянку, а мог – дворец!*

А. Гольд

Как же мне вас всех не хватает, друзья!..

За 26 лет вместе с книгами, рукописями, печатной машинкой, а потом и компьютером мне пришлось сменить не один кабинет. Сколько по-разному одарённых, экспрессивных и сдержанных, самовлюблённых и искренних, юных, средних и зрелых, разных национальностей и профессий творческих личностей прошло через ряды НЛО. Почти на 80 процентов обновился состав нашего коллектива, кого-то не стало, кто-то уехал на Большую землю... Юрий Басков, Валерий Мартынов, Леонид Нетребо, Анатолий Молоканов, Габдель Махмут (Махмут Абдулин), Алевтина Сержантова, Борис Кожухов, Ирина Стецев, Владимир Мостипан, Наталья Массальская, автор этих строк были приняты в профессиональный Союз писателей России. Вышло более 150 книг, несчётное число публикаций в коллективных сборниках, альманахах, журналах и т. д.

О нас писали в еженедельниках «Литературная Россия» и «Литературная газета».

С большим теплом вспоминаю ответственного секретаря Тюменского отделения СП России Сергея Борисовича Шумского. Как-то после одного из литературных семинаров в Тюмени из-за непогоды многие рейсы были перенесены на более позднее время. Не улетел в Москву и известный фронтовой поэт, член редакционного совета журнала «Наш современник» Виктор

Кочетков. Наши кресла оказались рядом, и мы часов пять проговорили с ним. И, конечно, центральной темой была литература и, как выразился тогда Виктор Иванович, намоленность мест, где рождаются и вырастают большие поэты.

– Вот ведь и у вас в Надыме совсем не случайно сформировалось такое крепкое общество поэтов и писателей. Сколько живой энергии, неравнодушных сердец съехалось поднимать на вечной мерзлоте города. Там, где молодость, – там любовь, а где любовь – там и поэзия...

Я с радостью согласилась и в свою очередь посетовала на то, что эти самые талантливые «писаки» по жизни бывают очень задиристыми и вздорными мужиками, и мне, как руководителю, для того, чтобы их помирить, приходится иногда идти на хитрость. Вот поссорились как-то Валера Мартынов с Махмутом Абдулиным, и такая пропасть легла между вчерашними товарищами... Встречаю я на улице Мартынова, о том о сём поболтали, а на прощанье ему, как бы невзначай, привет от Махмута передаю... Потом встречаю Махмута, опять поговорили, а в завершение беседы я ему от Мартынова привет передаю. И так несколько раз. А потом как-то иду по улице Комсомольской и вижу, стоят у перекрёстка Валера с Махмутом о чём-то увлечённо беседуют, смеются, хлопают друг друга по плечу.

– Ишь ты! – восхитился Виктор Иванович, и мы с ним весело расхохотались.

Неужели двадцать шесть лет я бессменный руководитель литературного объединения? Хотя, что значит бессменный? Конечно же, сменный, правда, пока никто из наших молодых авторов не изъявил желания в обозримом будущем взять бразды правления в свои энергичные руки. Один говорит, что не потянет, другая – с украинским дипломом, третий – хорошо ладит только со стихами... Да и я сама пока, если честно, слабо представляю свою жизнь на Большой земле, где мы, ныне северяне, подтягиваясь к детям, бросаем свой последний якорь... Жаль, если наш способный, трудолюбивый коллектив лет через несколько останется лишь в архивах культурной истории города, ну и, конечно, в книгах, спрос на которые пока ещё не угас... Хочется верить, что этого не произойдёт...

* * *

*Что будет там, за Краешком Земли,
где зимы с летом знают расписание,
где солнышко весеннее сулит
цветов забытых нежное дыханье?*

*Где знает меру ночь, впуская день
вершить судьбу и править в этом мире.
Где наш прекрасный северный олень
мишенью на картинке служит в тире?*

*Покоя нет, покуда не востанет
в Большую землю крепкими корнями.
Мы северянами, как видно, и уйдём,
храня Ямал влюблёнными сердцами...*

Фёдор ВАСИН

Стена

Ещё издали через лобовое стекло рейсового автобуса Андрей увидел до боли знакомую картину. Все тот же пятачок с телеграфным столбом посередине, только теперь уже покрытый не легкой на подъем серой дорожной пылью, а потрескавшимся асфальтом, да у повзрослевших лип, затеняющих остановку, шевелюры стали куда ветвистей и богаче. Некогда обновленная, но так давно, что уже успевшая принять приснопамятный полуразрушенный вид, остановка пестрела всевозможными надписями типа «Вася и Петя были тут».

Все так же, как и в те далекие восьмидесятые, по пути следования ребята-старшекурсники пропускали немногочисленных местных жителей и, отесняя салаг, заходили первыми. Предпочтение отдавалось задней площадке. Там можно было и погоготать, а то и покурить украдкой, это всегда считалось наивысшим шиком. Доказательством своей взрослости что ли, или методом самоутверждения. Младшие, соблюдая субординацию, заходили последними. За редким исключением, если вдруг сила брала верх над «справедливостью»....

Когда-то и Андрей учился в этом техникуме, на тот момент занимавшим бывший монастырь и оттого именуемым среди учащихся «бурсой», так в старину называлось духовное училище. В отличие от сокурсников он старался занять место не на задней площадке, а на передней – поближе к водителю. И дорогу видно, и что-то полезное для себя можно было почерпнуть, глядя на «рулевого. Вот и сейчас он поймал себя на мысли, что машинально оценивает работу молодого шофера. Сказывались привычка профессионала-водителя и практика инструктора по вождению. Разве он мог представить, что полученные знания в техникуме будут реализованы в таком качестве?! Но приехал он в эти края совсем не из ностальгических побуждений – побродить по местам «боевой» юности. Его давно тянул к себе заброшенный монастырь, возвращенный в лоно церкви, но пока еще не отреставрированный и бездействующий.

Автобус, пыхтя, открыл двери, и толпа галдящих студентов буквально выдавила Андрея на остановку. Сквозь листву вековых лип можно было разглядеть обшарпанные, но величественные стены из красного кирпича. А на месте поверженных глав собора, приспособленного некогда под склад, словно на затянувшихся ранах зеленела трава, и чудесным образом тянулись к солнышку березки. Андрей испытал какое-то необъяснимое волнение, душевный трепет. Рука сама потянулась перекреститься, и он бы перекрестился, если бы не эти, с любопытством поглядывающие в его сторону, озорные глаза разгоряченного полтора часовой поездкой в душном автобусе племени «молодого и зеленого». Сделав вид, будто что-то ищет в своей дорожной сумке, Андрей пропустил людской поток и только потом уверенно свернул на тропинку, ведущую в сторону от вновь отстроенных общежитий и учебных корпусов техникума.

Слева от него высилась монастырская стена. Она и сейчас поражала своим не подвластным времени могучим видом. Справа – раскинулся «графский» сосновый бор, рядом темнел пруд. Как раз по границе владений монастыря и бывшей помещицкой усадьбы пролегла эта тропа, прямоком выводящая к речке. К ней и направлялся Андрей...

...Набрав в легкие побольше воздуха, Андрей нырнул. Проплыв под водой как можно ближе ко дну, не поднимая донную муть, так как нырял без маски, Андрей увидел в зеленовато-желтой воде то, что и не давало ему покоя вот уже несколько десятилетий. Подумал: «Надо же! Нашел с первого раза». Было в этом что-то мистическое...

...И в те далекие 80-е он тоже нашел ее, но он так и не осмелился нырнуть глубже в эту, похожую на воронку, яму. Сколько потом ни нырял, не мог её отыскать, а вот ощущения запомнил на всю жизнь. ...Время тогда будто остановилось, а он медленно погружался в суживающееся пространство. Вода становилась темнее и холоднее. Казалось, кожей Андрей чувствовал запах тлена или еще чего-то необъяснимого, но притягивающего. Страха не было. Он появился гораздо позже – после осмысления всего, что произошло или могло произойти...

Значит, все-таки нехватка воздуха вытолкнула его наружу? Обвинять Андрея, спортсмена-третьеразрядника, некурящего, к тому же играющего на трубе в духовом оркестре, в слабости легких, никак было нельзя. Да и в кругу сверстников он считался одним из лучших ныряльщиков. В их среде существовало даже нечто вроде соревнования. Нужно было нырнуть в самом глубоком месте, это где-то 3-4 метра, и дотронуться рукой до дна речки, а в доказательство достать горсть песка. Но Андрею и это казалось недостаточным. Что значит горсть донного песка, которая тает в руке по мере приближения к поверхности? Андрей старался найти или камешек, или полусгнившую деревяшку, водоросль... Но вершиной мастерства считалось достать ракушку, которую они тогда называли «сапожок», а теперь этого речного моллюска называют мидией. Сколько их было выловлено и съедено за дружеским «столом на траве» с соучениками по «бурсе»!

Однажды, будучи в отпуске со своей семьей в Пензе, Андрей наткнулся на них в одной из многочисленных протоков знаменитой речки Мокши. Научив детей искать в прибрежном иле ногами эти ракушки, он, как и тогда в юности, показал им способ добывания и приготовления из них замечательного яства, не хуже иностранных деликатесов. Ребятишки, да и сам Андрей уплетали его «за милую душу».

Тогда, наверное, и созрело у него решение приехать на берега этой речки детства или юности. Посетить памятные места и, если повезет, найти ту яму-воронку. Неужели для того, чтобы снова испытать себя?

...И вот он всплывает в неё. По прошествии стольких лет речка изрядно обмелела, но погружаться пришлось довольно глубоко. Уже, казалось, плечами задевал он за края ямы, переходящей в вертикальный тоннель, как неожиданно руки наткнулись на что-то скользкое и холодное. Из-за полной темноты и поднятой мути разглядеть что-либо было невозможно. Оставалось одно: ощупывать это нечто и фантазировать. Мысль о том, что здесь можно остаться навсегда, выплывать-то придётся «задним ходом», промелькнула и тут же уступила место другой: а вдруг, выплыв наружу, он уже никогда не отыщет ее?! Сколько же было в жизни этих глухих стен, тупиков, уткнувшись в которые приходилось возвращаться и опять же, блуждая, искать именно свой выход!

Опыт и рассудительность мужчины призывали к здравому смыслу, но любопытство, с годами переросшее во взрослый авантюризм, казалось, давало дополнительную порцию воздуха. Ощупывая руками покрытую какой-то слизью кирпичную кладку, а это была, несомненно, кладка, Андрей вдруг припомнил историю из далекой юности. Именно тогда, наткнувшись на такую же стену из кирпича, он «пробил» ее и увидел

слепающий глаза солнечный свет и серебристую гладь речной поверхности! Но все по порядку...

* * *

...Первооткрывателем был Андрей. Помог случай. В углу трехметровых по высоте и ширине монастырских стен виднелся старый, заросший бурьяном, полуразрушенный фундамент какого-то небольшого помещения. Сколько в этом углу перебивало народу – не счесть! Но именно Андрей как-то после проливного грозового дождя заметил там ямку, похожую на мышиную или жабью нору, в которую, издавая звук маленького водопада, стекал странный ручеек. Находкой он поделился с друзьями. И вот втихаря они откопали под кучей мусора, битого кирпича полусгнившую дубовую дверь. Надо ли говорить: какая это была страшная тайна!

Сколько же было исхожено, излажено! Не было такого места в монастыре, куда бы ни просунула свой нос любопытная пятнадцатилетняя ребятня. «Новая» тайна сблизила их ещё больше. Они даже организовали свое Тайное Общество Прогульчиков, сокращенно ТОПР. Какое же было счастье во время большой перемены внезапно исчезнуть, добежать до речки, а через двадцать минут появиться на занятиях с мокрой шевелюрой и посвежевшим от купания телом, всем на зависть. А то и вовсе пропасть до самого вечера.

Наслаждаясь лучами летнего солнышка и прохладой речной воды, друзья забыли об осторожности. Обычно водные процедуры они принимали нагишом, а в тот злополучный день, скорее всего обалдевшие от счастья и свободы, купались в трусах. Соответственно явились в аудиторию с мокрыми задами...

На общем собрании нарушителей пропесочили, лишили стипендии, а по комсомольской линии вlepили по выговору. Так закончило свое существование легализованное теперь тайное общество. Но главное-то осталось – их дружба! Она выручала в трудную минуту, а близость железнодорожной станции, на которой по выходным они разгружали вагоны с брикетами прессованного торфа или кирпичом, помогала зарабатывать на довольно сносное пропитание....

А еще осталась недоступной общественности та дубовая дверь!

По вечерам друзья собирались в тихом месте и предавались мечтам... В первую очередь: за той, откопанной под кучей мусора дверью, их должен ждать огромный клад! Камни там, драгоценные, украшения, посуда... И обязательно из чистого золота! Само собой – монеты старинные золотые, ну и, как без них, огромное количество человеческих костей и черепов... Что, собственно, и сдерживало от немедленного спуска в подземелье. И каждый за своими в будущем «добытыми» двадцатью пятью процентами видел новенький велосипед, мотоцикл, магнитофон и непременно цветной телевизор для родителей. А еще – мешки конфет, пряников для себя и младших братьев и сестер! Уверенность, что богатства хватит на всё и всех, не подвергалась сомнению.

На подготовку к спуску ушло около трех недель. Факела, свечи и, конечно же, огромное количество спичек, которые в местном магазине давали на сдачу. Специально собирали бумажные деньги большего номинала, высчитывали, что купить, и тогда продавщица баба Нюра на оставшуюся мелочь давала коробок спичек.

Первый спуск для трех друзей стал генеральной разведкой. Узкие мокрые ступени, полукруглый низкий свод, осклизлые стены из кирпича. И

запах... Запах сырости и плесени. Тогда они прошли метров тридцать со свечами. Казалось, этому коридору не будет конца и края. Разговаривали шепотом и то, лишь для того, чтобы приободрить друг друга. Жуть охватила всех. Прохлада и сырость проникали под самую кожу. Душевное равновесие поддерживало возвращенное в себе чувство первопроходцев.

Во второй раз было не так страшно, но тревога от встречи с неизведанным не покидала. Теперь по бокам можно было разглядеть ниши, в них наверняка ставили фонари и «коптилки». А еще в них лежала какая-то труха или пыль на удивление при всепроникающей сырости сухая и даже как будто теплая.

И в третий раз друзья не дошли до конца...

Лишь только на четвертый или пятый раз они уткнулись в кирпичную кладку. Каково же было разочарование друзей, когда при слабом свете подобия факелов они увидели, что уткнулись в стену из отечественного, трескающегося от влаги кирпича. Они подобный разгружали на станции. Прележит такой кирпич в воде два-три дня и становится рыхлым и слабым. Хватило одного удара ноги, чтобы ослепнуть от внезапной вспышки белого дня.

Позже выяснилось, что никакой тайны из этого прохода с территории монастыря к речке и не было. Монашки им в свое время пользовались для подноса воды, так как, из-за глубокого залегания грунтовых вод, колодец на территории вырыть не представлялось возможным. Об этом поведал сторож дед Матвей, за глаза прозванный Маузер. Ходил он, а точнее, прыгал на одном костыле и здоровой ноге с подвернутой за брючный ремень второй штаниной. Ногу он по пьяному делу отморозил, и ее ампутировали, как он говорил: «по самое некуда». Но он не унывал и на прозвище не обижался, наоборот, с гордостью произносил: «Был просто дед Матвей, а стал товарищ Маузер».

Так вот, из его рассказа явствовало, что в углу монастырских стен у входа в «пещеру» раньше стояла конюшня или прачечная, которая обветшала и рухнула, закрыв своими дубовыми воротами вход. А потом сверху на них обвалились и стены. Выход же к реке, перед тем, как организовать техникум, заложили кирпичом и засыпали землей, чтобы «уберечь ребятишков от всякого рода баловств». Сделали и забыли. А Андрей с друзьями напел... Так-то вот.

...Все эти мысли-воспоминания промелькнули в голове Андрея. От недостатка воздуха сердце бешено колотилось, отдаваясь в груди и ушах. Одного сильного толчка руками от этой стенки, прочь из этого очередного тупика, вполне хватило, чтобы его вытолкнуло, как поплавок, на поверхность, на яркий солнечный свет. Жадно хватая ртом воздух, тяжело дыша, Андрей добрался до берега. Выйдя из воды, оглянулся, пытаюсь определить место своего погружения. Но, увы. Сколько он ни всматривался, кроме ощущения, что не речка течет, а он плывет вместе с берегом, больше ничего. «Нет, всё-таки Маузер не все рассказал им, соплякам, а теперь уже и не расскажет... Тайны, они ведь и сотнями лет могут хранить молчание... Сможет ли он еще вернуться к берегам этой некогда судоходной, а теперь вяло текущей реке. Да и нужно ли?»

Андрей посмотрел, прищурившись, на солнце, глубоко вздохнул. Резким движением руки взъерошил свою некогда богатую шевелюру, оделся. Накинул на плечо дорожную сумку. Посмотрел на могучую монастырскую стену, возвышающуюся над ним, подумав, перекрестился и пошел своей дорогой, на которой наверняка еще встанет преградой не одна стена...

Мечта

Свет фар то освещал зеркало мокрого асфальта впереди, то вдруг, как бы упираясь в стенку, становился двумя солнечными пятнами, из-за чего приходилось сбрасывать газ и, напрягая зрение, всматриваться в искрящуюся пелену дождя.

«Да, погодка... – размышлял Дмитрий. – Ну, ничего, проверю и себя, и машину заодно...» Еще свежи в памяти дни и часы, проведенные за рулем «досаафовского» жигуленка. Но там рядом сидел инструктор, а здесь – он один на один с самим собой и со всем тем, что еще ждет впереди. Все это рождало какое-то двойное чувство: и боязнь вперемешку с неуверенностью, и неопишемую радость одновременно.

В «боеспособности» авто Дмитрий был уверен на 99,9 процента. Да и как иначе, ведь родился и вырос в городе, известном на всю страну автомобильным заводом. В далеких семидесятых сюда, на стройку века, приехали по комсомольской путевке его родители. И город, и завод стали для него и его сверстников единым целым, его Родиной. Еще не умея правильно выговаривать слова, он безошибочно разобрался в марках автомобилей, особенно легковых. Идя по городским улицам с отцом или с матерью, показывал своим пухленьким пальчиком на разноцветные, блестящие, манящие к себе запахом смеси краски и бензина машины, и без устали перечислял: «ИГУЛИ», «КУВИЧ», «ТАНК».....

Мечта сесть за руль родилась, наверное, еще в тот памятный день рождения, когда ему подарили копию новенькой «четвертки», только уменьшенную в несколько раз. Но для трехлетнего карапуза этой разницы не существовало, она была настоящей. И он ползал между ножками стола и стульев, натываясь и объезжая ноги гостей, сидевших за этим столом. Веселых, шумных, поющих, празднующих его, Димкин, «юбилей», лишь изредка вспоминаящих о его присутствии. А он и не нуждался в их внимании. Он был полностью поглощен своей мечтой, в которой существовали только он и она. Вытянув губы в трубочку, брызгая слюной, он, подражая работе двигателя, мчался на полном газу вперед, вперед и вперед. Он так и уснул тогда на полу под столом, свернувшись калачиком, в обнимку с предметом своего обожания.

* * *

И вот мечта сбылась. Она у него в руках – новенькая «семерка». Мягкое, зеленоватое освещение щитка приборов излучало тепло и спокойствие. Напрасно друзья подтрунивали над ним: «Подумай, Димон! Ну, купишь ты машину и что, останешься без мечты?»

«Фигушки! Не без – а именно с ней. И не во сне, а наяву».

Черный блестящий руль, удобные, с высокой спинкой, обтянутые велюром сиденья. А эти знакомые с детства запахи: бензин, пластмасса, краска?! Они и сейчас воспринимаются, как нечто сверхъестественное и недостижимое. А этот ненавистный для всех ремень безопасности? Даже он ласково обнимал, будто придерживая сердце, которое запрыгало от воспоминаний.

«Удивительная все-таки вещь – память, – думал Дмитрий. – Сколько лет прошло, а картинки детства и сейчас пьянят и будоражат». Оказывается, с ними он незаметно прожил всю свою жизнь до сегодняшнего дня. И на Крайний Север десять лет назад рванул из города юности совсем «не за туманом» и романтикой, а за хрустящими рубликами, которые помогут осуществить мечту».

На лице Дмитрия, огрубевшего от длительного пребывания на обжигающих северных ветрах, блуждала та, детская улыбка. В уставших от напряжения глазах сверкнула какая-то искорка, и он, как тогда в детстве, попытался изобразить гул мотора. Но гула не получилось, стало как-то уныло и до слез обидно. «Неужели забыл? А что если пойти от обратного? Дорога. Новая машина. Трудные северные будни. Любимый город-автозавод. Мечта. Запахи. День рождения. А вот теперь: ура!» – Дмитрий «запел» в унисон с двигателем и даже по-младенчески пустил слюнку... Все как в то далекое ТОГДА...

Его нашли под утро проезжавшие мимо дальнбойщики... По следам примятой травы было понятно, что машина, дважды перевернувшись, встала на колеса возле двух умытых дождем молодых березок. Техническая экспертиза установила, что переднее колесо «семерки» выстрелило. Дмитрий был прижат деформированной крышей грудью к «баранке», будто обнял ее. Заключение врачей скорой помощи: «Умер от недостатка воздуха». Автомобиль признан непригодным к ремонту.

* * *

Официальная статистика утверждает, что вероятность такой трагедии ничтожно мала. Всего лишь одна десятая доля процента. Выдавшие всякое на своем веку шофера, что нашли Дмитрия, удивились выражению его лица: он как бы спал, но во сне странно, по-детски улыбался сложенными в трубочку губами.

А мимо наперегонки проносились разноцветные автомобили. Они мчались навстречу своей, может быть, детской МЕЧТЕ...

Алевтина СЕРЖАНТОВА

* * *

Летний ветер несёт прохладу,
Пробивается лунный свет.
Я играю легко «Серенаду»,
Мне всего четырнадцать лет.

Звуки чисты, и небо ясно,
И мелодии верю я:
Жизнь блистательно и прекрасно
Будет складываться моя.

Это было давно и правда...
Белой ночи холодный свет,
Подбираю с трудом «Серенаду»,
Мне уже за полсотни лет.

В звуках нынешних много фальши,
Но, как прежде, надеюсь я,
Что прекрасное где-то дальше,
Где-то завтра судьба моя.

Песня Шуберта снова манит,
Растворяясь вдали на ветру...
Пальцы справятся, слух не обманет –
«Серенаду» я подберу.

* * *

Я всё-таки стала старухой,
Хоть только седьмой на размен.
И, словно осенняя муха,
Я сплю на премьере «Кармен».

Ну, что говорить по порядку?
Ну, как мне им всем доказать,
Что мне лишь на вид семь десятков,
В душе же – всегда двадцать пять?

На лестнице добрый прохожий
Мне руку – помочь! – подаёт.
И Фёдор, друган мой хороший,
Не в шутку «старушкой» зовёт.

Что я поклоняюсь, как прежде,
Лишь Вере, Любви и Надежде.

04.05.2015 г.

* * *

Мы говорим: «Плохие времена.
Растёт порок, и обмельчали нравы».
Всё это говорили и до нас
Во все века, и все бывали правы.

Лишь чудаки искали чудеса
И были странны присно и доньше.
В разруху «Алые» писали – «паруса»,
И с пира ехали чуму лечить в Харбине,
Твердя своё: «Грядущий светел час.
Добро первично. Дети лучше нас».

* * *

А ведь я в Донецке была...
Конференция, где студенты,
Между прочим, решив дела,
Налегали на сантименты.

«У меня есть и муж, и сын»... –
Соврала я тогда в ответ.
Боже! Сколько же лет и зим!
Разделяет нас целый свет!

В южном ласковом сентябре
С парнем с Западной Украины
Мы брели по ночной поре,
Чуть влюблёны, юны, невинны.

И когда же тому конец?
И какой это будет год,
Чтобы можно приехать в Донецк
И гулять всю ночь напролёт?

Мы гуляли вдвоём всю ночь,
А под утро он мне сказал:
«Ты прости, что не целовал...
У меня есть жена и дочь...»

Чтобы там не на друга – друг,
Чтобы там не на брата – брат.
Иногда так хочется вдруг,
Чтобы время текло назад...

15.08.14 г.

Знакомому поэту

Откуда ты, талантливый без меры?
Мне счастье рядом, в двух кварталах жить.
Сегодня в чём-то я пойму Сальери –
Непросто смертным с Моцартом дружить.

Ни ловкостью ума, ни упражненьем,
Ни многолетним каторжным трудом
Не высечь Божьей искры вдохновенья.
Овсом не заманить Пегаса в дом.

Не оправдать завистников кровавых,
И гибель гениев, бесспорно, их вина.
Но Моцарт всё же умер от вина...
Остановись, мой друг, не пей до дна!
И Бог спасёт, и обойдёт лукавый.

* * *

Капли высохшей крови –
Это камень гранат.
Он так сложно устроен –
Будто чёрный на взгляд.

Он меня охраняет
От несчастий и бед.

Но лишь солнце коснётся –
Загорится огнём,
И надежда проснётся,
Жизнь затеплится в нём.

Не даёт гаснуть страсти,
Вдохновенья гонец.
Он приносит мне счастье
На Земле, наконец.

Я ношу, не снимая,
Свой чудесный браслет,

Расстоянье? Не бремя!
Годы? Вмиг пролетят!
Затвердевшее время –
Ценный камень гранат.

Людмила ЕФРЕМОВА

* * *

В молодости – баре-государи!
То судьбу склоняем, то в ударе
жмём на газ без страха до упора,
не боюсь суммы и приговора.

Но не вечно балует свобода,
мы теряем скорость год от года.
Зрелость входит строгою царицей,
и душа готовится стать птицей...

2010 г.

* * *

По комнате порхали листья.
Их разноцветные тела
Хозяйка кухонною кистью
В сырую тень угла смела.

Она не закрывала окон,
Боясь остаться в тишине.
И все крутила длинный локон,
Чтобы забыться хоть во сне.

Но сны не ведали покоя,
В них оживали страхи дня,

В них жадной гибельной рукою
Хватали языки огня.

Она взмолилась: «Где ты? Боже!
Не оставляй меня одну!
В коварном свете всюду – рожи,
В ночи душа – у зла в плену!

За что же я терплю все это?»
– А ты подумай, – он сказал.
...Скатилась на пол сигарета,
И пепел листья забросал....

* * *

Пересмешница-птичка! В ладошке утонет!
А туда же, гляди-к!
– Сей же час прекратить в столь насмешливом тоне! –
Выношу я вердикт.

Что о жизни узнала ты, божья соринка,
Порхая в листве?
Солнце кисточкой водит по грудке и спинке,
Обмакнув в синеве.

Я сержусь понарошку – ты мне, как награда,
Опустел отчий дом...
Смейся, капелька света из летнего сада!
Погрущу о былом....

* * *

Лучше б не открывалось земного и трети...
Дух в смирительной плоти и глуп и смешон.
Он совсем растерялся на грешной планете.
По нему ль колокольный печалится звон?

Он, крепясь, что есть силы, подвержен унынию,
Он шаги в темноте знает все наперёд...
Потому ли в глазах стойкий привкус полыни,
Потому ли три жизни проходят за год?

Актриса

В ней – вся грация кошки,
нервная ломкость рук,
глаз прикрытых окошки
и парящий каблук.

Мальчик у ног бедовый,
в самое сердце – стрела.
Станешь игрушкой новой,
их у неё несть числа...

Слов еле слышных колечки,
ярким бутонотом рот.
Бьёт наповал без осечки,
чуть зазевался – и вот...

А наиграется кошка,
с лапок капризных стряхнёт.
Любит она понарошку
и понарошку живёт.

2015 г.

* * *

По двору гуляет осень.
Боже мой!
Нам с тобой по семью восемь...
Время, стой!

Погоди, дай оглядеться,
не копыты!
И страдать умеет сердце,
и любить!

Мы пройдем с тобой по кругу
дни свои.
Жесткая судьбы подруга
на двоих.

Так неси же, конь ретивый,
сильным будь!
Жёлтой осени мотивы
позабудь.

Ну, а скинешь в чистом поле,
не грусти!
Две души легко – на волю –
отпусти!

* * *

Зима крадётся бледной тенью,
позёмкой стелется с утра.
Ещё в осеннем опереньи
её шутейная игра.

Уже задумчива рябина,
ещё мечтательна река!
Её живая середина
щекочет рыбакам бока!

Размыты полудневым светом
дороги вновь до черноты.
И золотое бабье лето
подмигивает с высоты!

День уплывает. Слепнут лужи –
морозец раскатал ледок.
И тихой сапой белокружит
зимы пушистый холодок.

2010 г.

* * *

На день Ильи Она едва дышала...
Дождём шагнуло небо по столице.
Пророка золотая колесница,
ход набирая, грозно грохотала,
давно ждала Земля её вокала.
Зигзаги молний раскроили небосвод,
и-и-и рухнули! потоки летних вод.

Как дети, врассыпную, кто куда,
помчались люди в поисках укрытий.
Я от себя такой не знала прыти,
по лужам бег меня привёл сюда:
в Покровский монастырь святой Матроны.

В его стенах чтут высшие каноны.
Смиренны лица тихих прихожан,
омытых болью неутешных ран.
Не замечая дождевой картечи,
у сердца держат трепетные свечи.

И я к живой примкнула веренице.
Осталась где-то суета столицы,
машинных выхлопов дурманящий шафран,
вокзалов бесконечный балаган
и августовский жёлтый сарафан,
всё – где-то там, во времени ином.
...Я в Храм вхожу и обретаюсь в нём...

2013 г.

* * *

Снова этот странный человек
в жёлтом балахоне спозаранку
кормит голубей. И в дождь, и в снег
на него летят, как на приманку.

Наклюются хлеба и зерна –
и скорей благодарить кормильца:
обрастает крыльями спина,
руки, голова – о, чудо-птица!

Побросав портфели, ребятня
предлагает «гулям» бутерброды.
Вот как обретается родня,
вот оно – созвучие с природой!

Детский смех и воркованье птиц –
сумерек душевных просветленье!
Частое моргание ресниц
и в глазах предательское жженье...

* * *

Сбылась печали долгота
И широта...
И жадность чистого листа
Совсем не та...
Тогда остывший костерок
Углями тлел,
Глядел, мигая, на восток
И жить хотел
В лучах восхода, в пеньи птиц,
В приволье дня,
В моргании родных ресниц:
Прости меня...
Холодный приговор зимы
Длиною в жизнь,
Там, где в реке плескались мы,
Метель кружит...

Вера ЧУБОВА

* * *

Не побежала следом, не звала,
Не умоляла Вас остановиться,
Но статуей безгласной замерла
Там, где нам было суждено проститься...

И на распутье злости и любви
Застыла, как Ниоба, одиноко,
И ветер треплет волосы мои,
И слёзы боли обжигают щёки...

Жемчужинками светлыми в глазах
Они дрожат, поблёскивая малость...

Легко понять, как дорога слеза,
Коль ничего на свете не осталось...

* * *

Где же ты, потерянная сказка?	Незаметно и неотвратимо
Канула навеки в бездну лет.	Мчатся прочь безжалостно года,
Круглые, бессмысленные глазки,	Исчезают в странной тьме незримо,
Платьице в оборках – детства след!	Не вернуться больше никогда.

Вот и всё, что в жизни мне осталось	День настанет – маленькой принцессе
От волшебной, радостной страны,	Передам я память давних лет –
И в резном шкафу, в коробке старой,	Ждёт в резном шкафу, в коробке
Кукла видит радужные сны...	тесной
	Золотого детства милый след...

Вечерний сонет

Так душу бережат мелодий старых звуки,
И рдеет за окном таинственно закат...
Уж скоро нам блеснёт прощальный солнца взгляд,
И в робкой тишине переплетутся руки.

И в свете ночника, в уютном полумраке
Дерзнёшь коснуться ты безвольных губ моих...
И в сердце пропоёт свободный, страстный стих,
И всё здесь обретёт особый смысл двоякий...

Ночь пролетит стрелой – и в пропасть без следа
Вновь канут лучшие мгновенья невозвратно,
Жизнь дальше потечёт спокойно... Как всегда!
Нет, повседневности поверхность никогда
Не замутить – ровна, зеркальна, гладка,
Как в ясном, чистом озере вода!

Апокалипсис

Мне виделось: заветный пробил час,
И занялось божественное пламя...
Как чей-то страшный одинокий глаз,
Всегда следящий пристально за нами,

Горит кроваво-красная луна
На грозном, опустевшем небосклоне...
И всё вокруг кричит, вопит и стонет,
И непроглядна пламени стена...

Сожжёт нас очистительный огонь,
Наступит мрак, где бродят только тени...
Кому из жалких, грустных привидений
Дан шанс попасть на Божию ладонь?

От лютой казни будут спасены
Те, что правдивы; те, что влюблены.

След от кольца

*Посмотри: на пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо...*

А. Ахматова

На безымянном нет кольца –
Мне без него легко, свободно...
– Что ж, друг, теперь уже немодно
Навек соединять сердца...

Спокойно клетку разломав,
Счастливые, летим на волю, –
Ищи с тех пор, как ветра в поле,
Меня, мой драгоценный враг!

А может, наш недолгий брак
Не клетка, а картонный домик?
Мы повзрослели... Только горек
Иллюзий юношеских крах.

Твой чемодан сношу с крыльца –
Жизнь наша ничего не стоит!
Лишь в сердце гнойной раной ноет
След от кольца...

Алые паруса

Всё небо обретаем мы в Любви
На краткий срок, на час – и счастье пьём глотками!
Увы, не хватит, нет! Сегодня короли,
Мы завтра станем нищими, рабами.

Ждём алых парусов – и вот они вдали
Задорно яркими мелькают огоньками
Но лишь приблизятся желаний корабли –
Линяют паруса... И, рваные, в пыли,
Уродливыми с мачт свисают лоскутами...

Что дарит нам Любовь? Колючки и ножи,
Усеивая путь – и розы в утешенье,
Крушение всех надежд – и счастья миражи,
Тревогу и тоску, гнетущие сомненья.

И стоит ли роптать? Ведь это – наша жизнь:
То радость, то беда, то взлёты, то паденья.

Вита ЧЕТВЕРИК

Он

Осень. Сырость. Всюду лужи. Одиночество. Разлука.
Отключаю телефон. В сердце боль, утрата, стон.
Знаю, мне совсем не нужен, В жизнь мою, вот так, без стука,
Мне совсем не нужен... Он. Словно тень, прокрался Он.

Окна – снова нараспашку!
Музыка дождя поёт.
Он забыл свою рубашку.
Нет, я знаю – не придет. Нет, винить судьбу не стану,
Видно, осень, как всегда,
Ярким пламенем обмана
Порождает холода.

* * *

Торгует дед медалями на рынке,
Награды гладит дряхлою рукой.
Уж похороны скоро да поминки –
Засобиралась бабка на покой.

«И жизнь, и смерть затратны нынче стали», –
Подумал он, поправивши очки.
И снова покосился на медали,
Платком протёр блестящие значки.

И вспомнилось, как он глотал ожоги,
Как страх виски безумием сжимал.
А у него в то время были ноги...и Родина,
Которую спасал.

Века сменили и вождей, и маски...
А он прошёл и горе, и войну.
За это получил судьбу в коляске,
И быстро так увядшую жену...

...Торгует дед медалями на рынке
И прячет, по-мальчишески, слезинки...

Квартира

Под вечер сутулятся тени,
И небо объемней и шире.
Мы столько от жизни хотели,
А сами сидели в квартире. Цветы на окошках вяли –
Короткая жизнь уныла.
Манили нас дальние дали,
Чужая звезда светила.

Мечтая о солнечном свете,
Плотней задвигали шторы,
К далёкой, незримой планете
Свои устремляли взоры. Мы ссорились слишком часто.
И в этом огромном мире
Искали крупицы счастья
В холодной тёмной квартире...

Вишневый сад

Вишневый сад, что пышно цвел весною,
Ссутулился с годами, поредел.
Он столько долгих лет на нас с тобою
Сквозь ветви укоризненно глядел.

Шумел, дрожал, просился в дом погреться,
А ночью жался к тусклому стеклу.
Мы не открыли ни окна, ни сердца –
Сад одиноко кутался во мглу.

Теперь стоит полуживой, пригнутый.
Мы ни любовь, ни сад не сберегли...
«Цветет» он раз в году – зимою лютой,
От боли наклоняясь до земли.

* * *

Девушке уже под тридцать...
А она одна.
Ей ночами часто снится
Шаль ...и седина.

Снится – дети приезжают,
Внуки к ней бегут.
Эти сны под утро тают,
Ночью – сердце жгут.

Вновь застолье у соседей,
Съехала родня.
Задушевные беседы,
Песни у огня.

Внуков радостные лица
Брызжут озорством...
Женщине уже за тридцать,
Но пустует дом.

За окошком вновь гуляет
Яркая весна.
А она лежит, вздыхает,
Крутится без сна.

Чуть задремлет – сон приходит –
Полный дом родных.
Одинокая старуха
Обнимает их...

Многое

Многое было сказано,
Многое... Только зря.
Мы неразрывно связаны
Счетом календаря.

Годы, недели, месяцы
Прочно связали нас.
Надо же было встретиться,
Чтобы уйти сейчас.

Узел прочнее прочного
Нам не дано спасти.
Что же случилось срочного,
Раз ты спешишь уйти?

Многое было сказано.
Лучше – не говори.
Больше ничем не связаны
Наши календари.

Он – прошлое....

Он – прошлое, ты – настоящее.
Темно. Фонарики горящие
Играют с серыми тенями.
Идем. Молчим. Что будет с нами?

Рябины листья под ногами
Лежат и тлеют угольками.
Вот лета дни прошли звенящие.
Он – прошлое, ты – настоящее.

Душа, как раненая птица –
Она и рада бы влюбиться
В тебя, в фонарики горящие,
Но ищет в прошлом настоящее....

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Март 2016

Подведены итоги литературного конкурса Уральского федерального округа. В числе победителей – трое тюменцев. Лауреатами конкурса стали Мирослав Бакулин с книгой «Пётр Иванович» и Леонид Иванов с серией книг прозы «Будем жить!», «Пароходы пахнут огурцами» и «Люди добрые».

Дипломом конкурса отмечен поэтический сборник «Кувшинки» Николая Денисова.

Апрель 2016

Подведены итоги четвёртого литературного конкурса «Гришинские проталины». Этот конкурс для детей до 18 лет проводят Тюменская централизованная городская библиотечная система и Тюменское региональное отделение Союза писателей России. В номинации «...Посреди природы, Родины, родни» победителями в своих возрастных категориях стали Владимир Кутрунов, Ксения Якимова, Анастасия Тимошенко. В номинации «...Живу под небом, ... сотворённым для души» победителями признаны Сергей Николаев, Александра Евдокимова, Татьяна Столбова. Авторы лучших произведений в стихах и прозе получили дипломы и подарки от Тюменского регионального отделения Союза писателей России, Тюменского издательского дома и газеты «Тюменская область сегодня».

Май 2016

В Тюмени подведены итоги городского конкурса «Знай наших – читай наших!» Его организовали Тюменская централизованная городская библиотечная система и Тюменское региональное отделение Союза писателей России.

Сотрудники библиотек на протяжении всего учебного года, часто вместе с литераторами, ходили в школы, презентовали «Электронную библиотеку тюменских писателей» и обучали ребят, как ею пользоваться, а писатели рассказывали о своих творческих планах, знакомили с новыми произведениями, отвечали даже на самые каверзные вопросы. По итогам этого конкурса победители получили Дипломы и Грамоты городского департамента культуры и подарки от крупнейшего полиграфического предприятия – Тюменского издательского дома – библиотечки книг тюменских авторов. Писательская организация за продвижение творчества тюменских авторов наградила самых активных учителей Благодарственными грамотами.

Этот конкурс писательская организация намерена сделать областным.

Июнь 2016

В Приишимье прошёл первый Всероссийский фестиваль детской литературы в Тюменской области.

Хлебом-солью встречали дорогих гостей юные читатели Тюменской области. В оздоровительных центрах и пришкольных лагерях семи городов и районов области и на нескольких площадках Ишима детские писатели,

среди которых лауреаты литературной премии имени Петра Павловича Ершова, встретились с юными читателями из отдалённых населённых пунктов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов и деревенской глубинки юга Тюменской области. За время фестиваля ребята познакомились с авторами детских книг из Москвы, Набережных Челнов, Алтая, Екатеринбурга, Ханты-Мансийского автономного округа, Тюмени и других городов.

Фестиваль стал логичным продолжением литературного конкурса имени П.П. Ершова, который проводится Союзом писателей России и Ишимским культурным центром им. П.П. Ершова.

В Ишиме в торжественной обстановке состоялось награждение победителей Международного литературного конкурса имени П.П. Ершова. В этом году при поддержке администрации Ишима и известного российского мецената Сергея Козубенко он проводился уже в одиннадцатый раз.

Победителем в номинации «За лучшее художественное произведение для детей и юношества» (выбор потомков П.П. Ершова) стала Сания Шавалиева (Набережные Челны) за книгу «Сумовёнок». В номинации «Связь времён» (познавательная литература) победила книга Наталии и Василия Волковых (Москва) «Профессии старой России». В номинации «Выбор мецената» (сказки) жюри отдало победу Ирине Даниловой (Москва) за серию книг «Сказки и истории Страны Дождей...».

Дипломантами конкурса стали: Сергей Боровский «Добрые русские сказки» (Тюменская область), Валерий Лаврусъ «Очень Крайний Север» (г. Долгопрудный, Московская область), Надежда Георгица «Живое зеркало природы...» (г. Тюмень). Всероссийский фестиваль детских радиопрограмм «Птенец» (г. Тюмень), Наталья Квашнина «Всей гурьбой» (г. Москва), Геннадий Козлов «Весёлые истории о ёжиках» (г. Москва), Светлана Пономарёва «Времена года» (г. Москва), Юрий Кузнецов «Аты, баты, гравилаты» (г. Реутов, Московская область).

На Красной площади Москвы прошла вторая Всероссийская книжная выставка. В ней снова приняли участие и тюменские издатели и писатели.

Тюменский издательский дом представил на экспозиции изданную книгу «Сибирский лествичник» Филофея Лещинского и «Хрестоматию тюменских писателей». Широкий спектр учебной и научной литературы представило издательство Тюменского государственного университета. Тюменские авторы были представлены книгами Анатолия Омельчука «Книга Сибири» и «Река возвращается», Рафаэля Гольдберга «Страну заслонили собой» и четырьмя книгами прозы Леонида Иванова, три из которых выпустило екатеринбургское издательство «Баско», а четвёртая – «Охотничий сезон» – увидела свет в Тюменском издательском доме буквально накануне выставки.

Коротко об авторах

ДЮКАЛОВ Сергей Викторович. Родился в Перми. Детские годы прошли в Башкирии. Закончил Тюменский индустриальный институт по специальности «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений». Увлечение поэзией сохранил с молодости, серьезно писать начал с 2006 года, публиковался в местной печати, в ряде коллективных сборников, в альманахах «Литературный факел» и «Поэт года» (Москва), в антологии сетевой поэзии (С.-Петербург). Автор двух поэтических сборников: «Строгая нежность» и «Сердце мое – река». В 2008 году стал лауреатом Всероссийского литературного конкурса «Факел», а в 2011 году – премии «Золотое перо Газпрома». Живёт в Тюмени.

ЕФРЕМОВА Людмила Георгиевна родилась в Киргизии. Заочно окончила филологический факультет Фрунзенского педагогического института имени В.В. Маяковского. Работала комплектовщицей на заводе, лаборантом в НИИ, корреспондентом, редактором в многотиражных газетах Фрунзе, Сургута, Надыма. Участница IX Всесоюзного совещания молодых писателей (1989 г.). С 1990-го года при городском Доме культуры газетчиков «Прометей» ведёт литературное объединение «Надым» (НЛО). В 2012 году избрана ответственным секретарём Ямальского отделения СП России. Л. Ефремова – автор 10 книг и многочисленных публикаций. Дипломант III премии литературного конкурса Союза писателей Северо-Запада – «Золотое перо», 2001 г., г. Санкт-Петербург. Победитель литературного конкурса «Факел-2008», г. Москва. Лауреат Всероссийской премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, 2013 г. Лауреат Литературной премии Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, 2013 г. Член Союза журналистов России с 1989 года, Союза писателей России – с 1994 года.

ЗВЕЗДИН Анатолий Алексеевич, краевед, член ИРК «Туринский уезд».

КОМГОРТ Марина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового университета. Автор большого количества статей по истории Тюменского края и освоения недр Западной Сибири.

ОЖГИБЕСОВА Ольга Адольфовна. По образованию – философ, по профессии – журналист и редактор, по призванию – поэт и писатель. Писать стихи и рассказы начала лет в 11-12. Закончила Уральский государственный университет им. Горького, 18 лет преподавала в Тюменской медицинской академии. В 2000-м году профессионально занялась журналистикой. Публиковалась во многих газетах и журналах, лауреат и дипломант различных журналистских и литературных конкурсов, в том числе на Всероссийском журналистском конкурсе получила «Золотое перо». Автор нескольких документальных фильмов, завоевавших высшие награды на Всероссийских телефестивалях. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Живёт и работает в Тюмени.

РАСТОРГУЕВ Андрей Петрович. Российский поэт, переводчик, журналист. Родился в 1964 году в г. Магнитогорске в семье медиков, с золотой медалью окончил среднюю школу № 56 г. Магнитогорска, затем Уральский государственный университет. Заведовал отделом редакции газеты «Молодёжь Севера» (г. Сыктывкар), руководил пресс-службой Верховного, затем Государственного совета Республики Коми, был главным редактором информационного агентства «Коминформ», работал в

коммерческих структурах, с 2008 года трудится в Уральском государственном университете. Первая книга стихов и поэм «Я родился в проклятой стране» вышла в 1991 году в Сыктывкаре, является постоянным автором журнала «Север» (Петрозаводск), публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Литературная учеба» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «Южная звезда» (Ставрополь), «Простор» (Алма-Ата). Поэтическую деятельность удачно совмещает с амплуа переводчика – переводит на русский язык стихи финно-угорских поэтов. В свою очередь, стихи Расторгуева переводились на коми, венгерский, финский и башкирский языки. Лауреат Государственной премии Республики Коми. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

РИЗЕПОВА Эвила Тахировна. Родилась в 1989 году в Узбекистане. В 13 лет переехала с родителями в Саратов, где окончила школу, Аграрный университет и Театральный институт. С 2012 года принята в труппу Тюменского драматического театра. Лауреат премии «Надежда» Тюменского отделения Союза театральных деятелей России, лауреат актерской премии им. народного артиста РСФСР Г.И. Дьяконова-Дьяченко. В 2015 году вошла в «ТОП-100 самых выдающихся молодых людей Тюмени»

САВИН (ВАСИН) Федор Васильевич. Родился в 1959 году в Ивановской области. Окончил Шуйский техникум механизации сельского хозяйства. Отслужив в армии, в 1980 году приехал в Надым. Работал стропальщиком, мастером участка. В настоящее время – водитель автобуса в ОАО «Тюмень-энерго». Стихи и рассказы публиковались в периодической печати Надыма, в журналах: «Северяне», «Ямальский меридиан», в сборнике для детей «Влюблённые звёзды», в альманахах – «Обская радуга», «Окно на Север».

СЕДЫХ Сергей Александрович. Родился в 1965 г. в р.п. Черлак Омской области в семье речников. Детство прошло на палубе барж и пароходов. В 1982 году окончил среднюю школу. В 1984 году – Омское техническое училище № 56. 1985-87 гг. – служба в рядах Советской армии. Работал помощником механика по электрооборудованию на судах Черлакской РЭБ флота Иртышского речного пароходства. В 1994 году окончил заочное отделение Новосибирского института инженеров водного транспорта (НИИВТ) по специальности инженер-электрик. С 2004 года живет в Тюмени. Работает в судостроительной компании ЗАО «Тюмень-судокомплект» в должности заместителя главного энергетика по флоту. Принимает участие в ходовых испытаниях и перегоне построенных судов заказчику от Усть-Каменогорска до Тазовска и Красноселькупа.

СЕЗЁВА Наталья Ивановна. Доктор искусствоведения, член Союза художников России, член Международной ассоциации искусствоведов, зав. отделом художественной культуры и искусства края «Музейного комплекса им. И.Я. Словцова» Тюменского музея изобразительных искусств.

СЕРЖАНТОВА Алевтина Владимировна. Родилась в г. Уфе. Окончила Башкирский медицинский институт в 1976 г. Работала в Уфе, Читинской, Томской областях, с 1992 г. – в Надыме. Врач-невролог. Автор 8 книг поэзии и прозы. Стихи и рассказы публиковались в журналах, альманахах, коллективных сборниках, в том числе: «Литературной России», «Литературной газете», «Обской радуге», «Тюменской строкой», «Тюмени литературной». «Ямальском меридиане», «Вратах Сибири», «Бельских просторах», «Антологии Ямальской литературы» и многих других. Член Союза писателей России. Живёт в Надыме.

СМИРНОВА Майя Андреевна, известный историк, краевед. Родилась и выросла в Тюмени. После педучилища окончила пединститут, преподавала в школе, была избрана секретарём Тюменского горкома комсомола, работала в партийных органах Тюмени, заведовала партархивом Тюменского обкома КПСС. Входила в состав редколлегий и составителей сборников архивных документов. Ведёт активную общественную деятельность, занимается журналистикой. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Живёт в Тюмени.

СТРАХОВ Валерий Георгиевич. Родился в 1946 году в Сладковском районе Тюменской области. Проходил военную службу на Черноморском флоте, был участником военного конфликта между АРЕ и Израилем в 1967 году. После военной службы окончил Ленинградское мореходное училище, побывал на судах торгового флота на Кубе, в Канаде, Финляндии. Работал журналистом в городской газете «Асбестовский рабочий» на Урале, редактором районной газеты в Тюменской области. Живёт в селе Сладково Тюменской области. Член Союза писателей России.

РАХВАЛОВ Александр Степанович. Родился в 1956 году в крестьянской семье в Вагайском районе Тюменской области, учился в Литературном институте им. А.М. Горького, работал краснодеревщиком, грузчиком, оператором в НИИ нефтяной промышленности, корреспондентом радио. Пишет стихи и прозу, публиковался во многих литературных журналах и альманахах. В том числе – «Литературная учёба», «Дружба», «Молодая гвардия», «Урал», «Уральский следопыт», «Врата Сибири», «Эринтур». Автор многих книг документальной и художественной прозы. Некоторые произведения Александра Рахвалова переведены на иностранные языки. Член Союза писателей России. Живёт в Тобольске.

ЧЕТВЕРИК Вита Анатольевна. Родилась в 1986 году близ Чернобыля в украинском городе Нежине. В Надыме с двух лет. Заочно окончила Московский психолого-социальный институт. Стихи публиковались в городских газетах, в альманахе «Окно на Север» – 2006 г., в журнале «Северяне» и др. Участница Международного совещания молодых писателей – г. Каменск-Уральск, 2015 г.

ЧУБОВА Вера Евгеньевна. Родилась в 1980 году в Киеве. Школу закончила в Надыме, университет – в Харькове. В связи с событиями на Украине в мае 2014 года вернулась с детьми в Надым. Стихи публиковались в периодической печати Надыма, Харькова. В надымском альманахе «Окно на Север», в санкт-петербургском – «Пегас», в московском – «Поэт года» и др.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович. Родился 1 декабря 1952 года в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и множества литературных премий. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Проживает в Москве и в Рузе.

ЯРКОВ Александр Павлович. Родился в 1955 году в Тюмени. Окончил Уральский государственный университет, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета. Автор нескольких монографий и около 200 научных статей на русском, английском, польском, киргизском, немецком языках.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: репродукции картин художника А.И. Мурычёва

На обложке:

«Тюмень. Вид на Троицкий монастырь. Закат». Холст, масло. 1984.

Из собрания Тюменского музея изобразительных искусств

Альманах зарегистрирован Западно-Сибирским
территориальным управлением Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 17-0413 от 23 мая 2006 г.

Адрес редакции:

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

тел./факс: (3452) 75-73-33, тел. 695-630

E-mail: vrata_sibiri@mail.ru

Электронная версия журнала: www.tid.ru

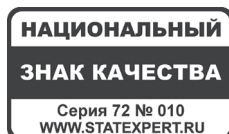
**ПРИМЕЧАНИЕ. Почтовое отправление и заявки на подписку
посылать по адресу:**

**625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6,
тел. 75-73-33.**

Издатель: ОАО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6,

тел. (3452) 75-78-88.



Подписано в печать и свет 15.07.2016 г.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1969. Цена свободная.

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера *С. Дерябин.*

Корректор *Т. Назырова.*

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе и в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.